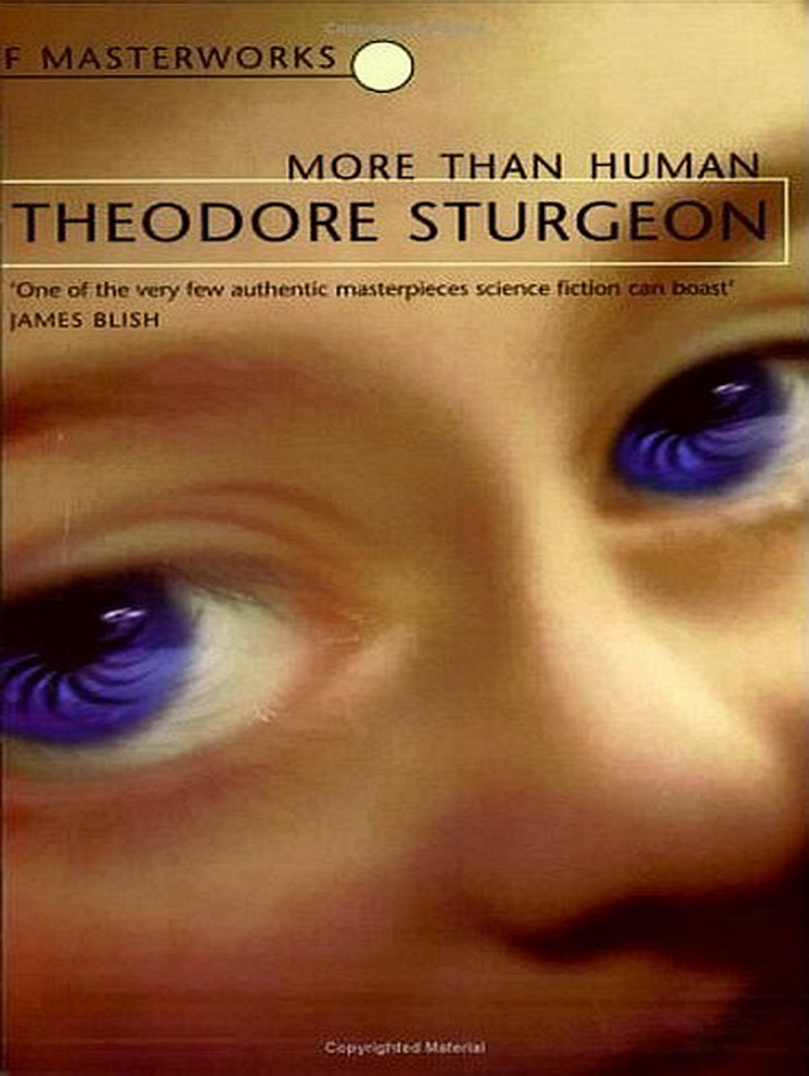

F MASTERWORKS
MORE THAN HUMAN
THEODORE STURGEON
'One of the very few authentic masterpieces science fiction can boast'
JAMES BLISH
Copyrighted Material

Больше чем люди (More Than Human)

Теодор Старджон

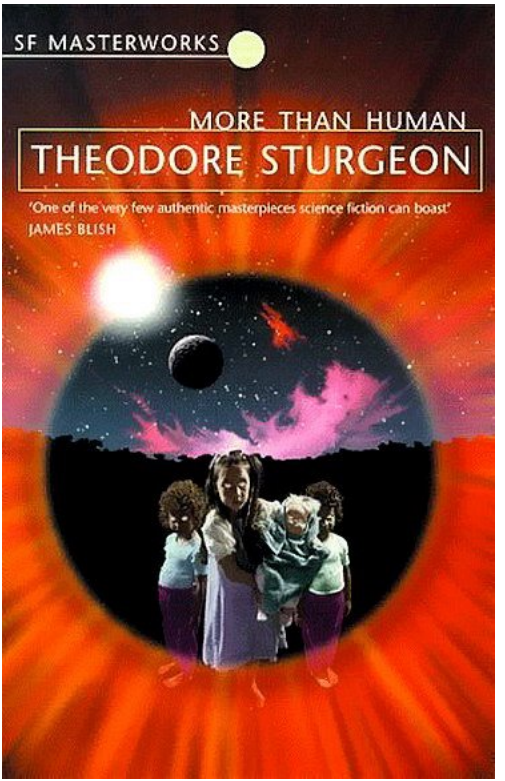
Аннотация
Теодор Старджон. БОЛЬШЕ ЧЕМ ЛЮДИ. More Than Human
Часть первая. НЕВЕРОЯТНЫЙ ДУРАК
Часть вторая. БЭБИ ТРИ ГОДА
Часть третья. МОРАЛЬ

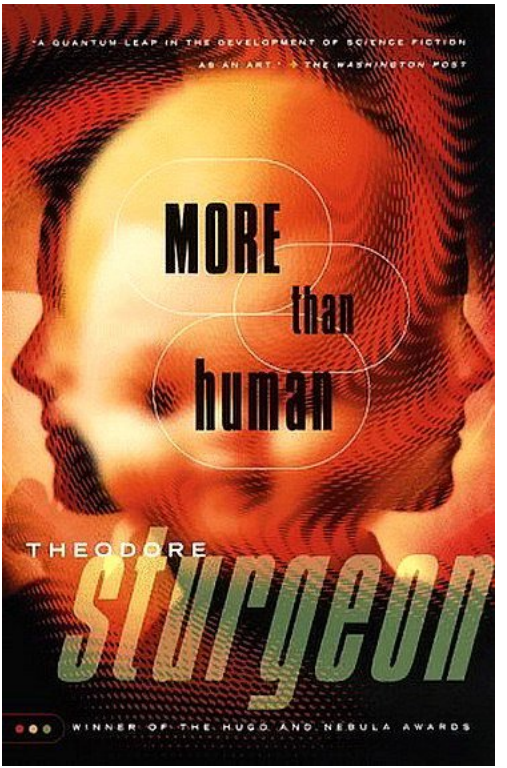
Аннотация

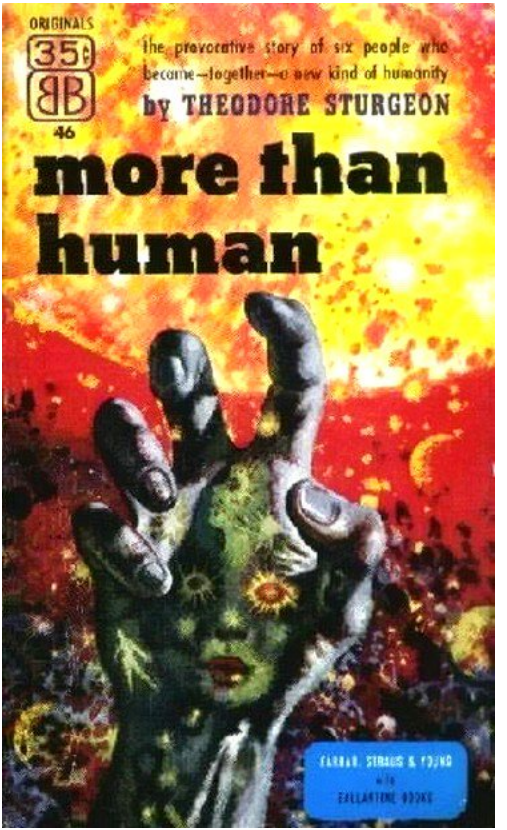
Лучший и самый известный роман Старджона — «Больше чем люди» — **More Than Human** 1953 г. (Международная премия по фантастике-54) — классическая иллюстрация НФ гештальт-психологии; пятеро сверходаренных детей с помощью телепатии, телекинеза и других форм экстрасенсорного восприятия образуют симбиотическое целое (Homo gestalt), что помогает им выстоять во враждебном по отношению к «выродкам» мире.

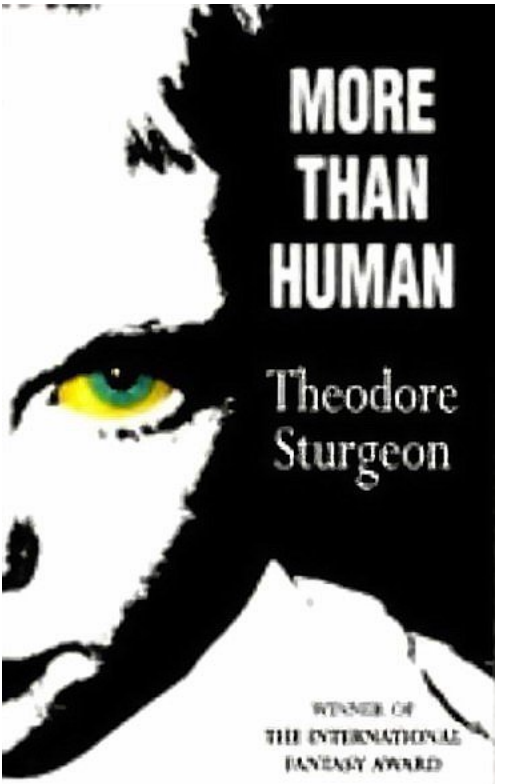
Теодор Старджон
БОЛЬШЕ ЧЕМ ЛЮДИ

More Than Human




"A QUANTUM LEAP IN THE DEVELOPMENT OF SCIENCE FICTION AS AN ART." — THE WASHINGTON POST
MORE than human
THEODORE
sturgeon
WINNER OF THE HUGO AND NEBULA AWARDS


ORIGINALS
35¢
BB
46
the provocative story of six people who became—together—a new kind of humanity
by THEODORE STURGEON
more than human
FARRAR, STRAUS & YOUNG
with
BALLANTINE BOOKS


MORE
THAN
HUMAN
Theodore
Sturgeon
WINNER OF
THE INTERNATIONAL
FANTASY AWARD

Часть первая
НЕВЕРОЯТНЫЙ ДУРАК

Дурак жил в черно-сером мире, который прочеркивали молнии голода и сверкание страха. Одежда у него была старая и дырявая. Из нее торчали колени, острые, как зубило, а в дыры просвечивали ребра, как пальцы сжатого кулака. Дурак был высокий и худой. Со спокойными глазами и мертвым лицом.

Мужчины отворачивались от него, женщины старались не замечать, дети останавливались и смотрели удивленно. Дураку было все равно. Он ничего ни от кого не ждал. Когда ударяли белые молнии, он ел. Кормился сам, когда мог. А когда еды не было, обращался к первому же человеку, с которым сталкивался лицом к лицу. Дурак не знал, почему он так поступает, и никогда об этом не думал. Он не просил. Просто стоял и ждал. И когда кто-нибудь встречался с ним взглядом, у дурака в руке оказывалась монета, кусок хлеба или яблоко. Он начинал есть, а его благодетель, обеспокоенный и ничего не понимающий, торопился уйти. Иногда, нервничая, люди заговаривали с

ним или говорили о нем друг с другом. Дурак слышал эти звуки, но они не имели для него смысла. Он жил изолированно, замкнуто, и тонкая нить, соединявшая его с миром, часто разрывалась. Зрение у него было отличное, и он легко отличал улыбку от гримасы гнева; но у него полностью отсутствовала способность к эмфатии, сочувствованию, он сам никогда не смеялся и не сердился и потому не понимал чувство радости и гнева у других людей.

Страха хватало, чтобы кости его удерживались вместе и функционировали. Он не способен был ничего предвидеть. Поднятая палка, брошенный камень заставали его врасплох. Но на их прикосновение он реагировал. Убегал. Убегал при первом же ударе и бежал до тех пор, пока удары не прекращались. Так же он спасался от непогоды, лавин, людей, собак, дорожного движения и голода, У него не было никаких предпочтений, он мог жить в пустыне и в городе. И так как не отличал одного места от другого, то чаще оказывался в лесу.

Четырежды его забирали. Для него это не имело никакого значения и никак на нем не отражалось, не меняло. Однажды его сильно избил больной в психиатрической лечебнице, другой

раз — еще сильнее — охранник. В других двух местах его преследовал голод. Если была еда и его предоставляли самому себе, он оставался. Когда наступало время уходить, уходил. Средства для побега располагались снаружи: внутренней сути его было все равно, да она и не могла распоряжаться. Но когда наступало время, охранник или тюремщик оказывался лицом к лицу с дураком, в глазах которого зрачки словно начинали вращаться. И ворота раскрывались, и дурак уходил, а его благодетель, чем-то глубоко встревоженный, начинал заниматься другими делами.

Дурак среди людей жил жизнью животного. Впрочем, большую часть времени это животное уходило от людей. И, как любое другое животное, в лесу дурак передвигался бесшумно. Убивал, как зверь, без ненависти и радости. Ел, как зверь, все съедобное, что мог отыскать, и ел только необходимое, не больше. Спал, как животное, легко и спокойно, лицом всегда от людей. Потому что человек всегда готов бежать к людям, а животное — от людей. Дурак был взрослым животным: взрослые кошки и собаки не играют, как щенки и котята. Дурак не знал ни веселья, ни радости. Спектр его ощущений располагался между ужасом и удовлетворенностью.

Ему было двадцать пять лет. Как косточку в персике, как желток в яйце, он нес в себе другое существо. Пассивное, воспринимающее, бодрствующее и живое. Если оно и было соединено каким-то образом с внешней животной оболочкой, то не обращало внимания на эту связь. Оно забирало у дурака необходимое пропитание, но в остальном не обращало на него внимание. Дурак часто испытывал голод, но никогда не голодал серьезно. А когда голодал, внутренняя его сущность слегка съеживалась, но вряд ли даже сама это замечала. Она могла умереть вместе со смертью дурака, но у него не было причины ни на секунду задерживать ее смерть, если бы она произошла.

Эта суть в организме дурака не выполняла никаких функций. Селезенка, почки, надпочечник — у всех этих органов были определенные функции и был оптимальный уровень выполнения этих функций. Но суть только воспринимала и сохраняла. Она делала это без слов, без какой-либо кодовой системы, без специальных приспособлений. Она брала и ничего не отдавала взамен.

Все вокруг нее воспринималось ее особыми органами чувств как шепот, как сообщение, как послание. Она плавала в этом потоке, поглощала все. Может, сопоставляла и классифицирова-

ла или просто питалась, брала необходимое, а ненужное каким-то непостижимым способом отбрасывала. Дурак ничего этого не знал. А существо внутри него… Без слов. Тепло, когда влажно, но недостаточно.

(Печально.)

Никогда не темнеет. Ощущение удовольствия. Убрать розовое, царапающее я. Жди, жди, потом сможешь вернуться, да, сможешь вернуться. По-другому, но тоже хорошо.

(Сонное ощущение.)

Да, это оно! Это… ох!

(Тревога).

Ты зашел слишком далеко, вернись, вернись, иди…

(Извив, сокращение; на один «голос» меньше.)

Устремляется, быстрее, быстрее, несет меня.

(Ответ.)

Нет, нет. Ничего не устремляется Все неподвижно; что-то тянет тебя вниз, вот и все.

(Ярость.)

Они не слышат нас, глупцы, глупцы… Не слышат… Только плач, только шум.

Но без слов. Впечатления, ощущения, диалоги. Излучения страха, напряженные поля сознания, неудовлетворенность. Шепот, послание, разго-

воры, единение сотни, тысячи голосов. Но не голос дурака. Ничего из этого не имеет к нему отношения, ничего он не может использовать. Он не сознает своей внутренней сути, потому что она для него бесполезна. Он неважный образчик человека, но все-таки он человек; а это все голоса детей, очень маленьких детей, которые еще не научились прекращать свои усилия быть услышанными. Только плач, только шум.

* * *

Мистер Кью — хороший отец, лучший из отцов. Так он сам сказал своей дочери Алишии в ее девятнадцатый дет рождения. Так он говорил Алишии с четырех лет. Ей было четыре года, когда родилась маленькая Эвелина, а их мама умерла, проклиная мужа. Ее возмущение оказалось сильнее страха и боли и было последним, что она испытала.

Только хороший отец, лучший из отцов, мог своими руками принять второго ребенка. Обычный отец не смог бы выкормить и воспитать двух девочек: младенца и маленькую, воспитать так нежно и хорошо. Ни один ребенок не защищен так от зла, как Алишия; и когда она объединила свои усилия с усилиями отца, возникла могучая

защита чистоты Эвелины.

— Втройне очищенная чистота, — сказал отец Алишии в ее девятнадцатый день рождения. — Я познал добро, изучая зло, и учил тебя только добру. И моя добрая наука стала твоим образом жизни, а твой образ жизни — путеводная звезда для Эвелины. Я знаю все существующее зло, а ты знаешь, как его избегать; но Эвелина вообще не знает зла.

В девятнадцать лет Алишия, конечно, была достаточно взрослой, чтобы понимать эти абстрактные рассуждения, концепции «образа жизни» и «очищения», понятия «добра» и «зла». В шестнадцать лет отец объяснил ей, что мужчина, оставаясь наедине с женщиной, сходит с ума, и на его теле выступает ядовитый пот, и мужчина обмажет ее этим потом, и у нее появится на коже ужас. Он показывал ей в книгах, какая при этом бывает кожа. В тринадцать лет у нее начались неприятности, и она рассказала о них отцу, и он со слезами на глазах объяснил ей, что они появились потому, что она думала о своем теле, а она действительно о нем думала. Она призналась в этом, и он наказывал ее тело, пока она пожелала, чтобы у нее вообще не было тела. Алишия старалась не думать о нем, но, вопреки всем своим

усилиям, думала; и отец регулярно, с сожалением помогал ей справиться с этой навязчивой плотью. В восемь лет он научил ее мыться в темноте, чтобы ее не увидели белые глаза, которые он тоже показывал ей на замечательных картинках. А в шесть лет он повесил в ее спальне изображение женщины, которая называется Ангел, и мужчины по имени Дьявол. Женщина держала руки поднятыми и улыбалась, а мужчина протягивал руки к девочке, и из его груди торчал кривой нож, покрытый кровью.

Они жили одни в большом доме на лесистом холме. Подъездной дороги не было, и тропа все вилась и поворачивала, так что из окон нельзя было увидеть идущих по ней. Тропа вела к стене, к металлической калитке, которая не открывалась восемнадцать лет, а за калиткой — стальная панель. Раз в день отец Алишии уходил к стене и двумя ключами открывал панель. Отодвигал ее в сторону, доставал пищу и почту, клал деньги и почту и снова закрывал.

Снаружи от калитки уходила узкая дорога, которую Алишия и Эвелина никогда не видели. Деревья скрывали стену, а стена скрывала дорогу. От дороги стена протянулась на двести ярдов на восток и на запад, поднималась на холм, заклю-

чая дом в скобки. От нее отходил металлический частокол пятнадцати футов высотой. Колья стояли так тесно, что невозможно просунуть кулак. Между кольями цемент, а в нем — битое стекло. Изгородь тянулась на восток и запад, связывая дом со стеной; а в месте соединения еще одна изгородь кругом уходила в лес. Стена и дом представляли собой прямоугольник, и это была запретная территория. За домом — две квадратные мили обнесенного стеной леса, и этот лес принадлежал Эвелине — под присмотром Алишии. Там был ручей, дикие лилии в маленьком пруду, дружелюбные дубы и небольшие скрытые поляны. Небо свежее и близкое, а изгородь не видна: вдоль нее на всем протяжении рос падуб, скрывая ее из вида и защищая от ветра. Этот замкнутый круг был миром Эвелины, всем, что она знала, миром, в котором она жила и который любила.

В девятнадцатый день рождения Алишии Эвелина была одна у своего пруда. Ей не были видны дом, заросли падубов и ограда, но небо было над головой, а вода рядом. Алишия в библиотеке с отцом: в дни рождения он всегда что-то готовил для дочери в библиотеке. Эвелина в ней никогда не была. Библиотека — это место, где живет отец

и куда иногда, в особых случаях, ходит Алишия. Эвелина и не думала пойти туда, как не думала дышать водой, словно пестрая форель. Ее не научили читать, только — слушать и повиноваться. Не учили выяснять, только принимать. Знание давалось ей, когда она становилась готова, и только отец и сестра знали, когда это происходит.

Девочка сидела на берегу, расправив длинную юбку. Увидела свою лодыжку, ахнула и прикрыла ее, как сделала бы Алишия, если бы была здесь. Потом снова прижалась спиной к стволу ивы и принялась смотреть на воду.

Стояла весна, тот ее период, когда распускаются почки, когда исчезает натяжение в высохших стеблях и запечатанных бутонах, и весь мир торопится стать прекрасным. Воздух тяжелый и сладкий; он ложится на губы, заставляя их раздвинуться, нажимает, пока они не начинают улыбаться, отважно входит в горло и бьется, как второе сердце. Воздух таит в себе загадку: он неподвижен и полон цвета мечты, и в то же время в нем ощущается торопливость. Неподвижность и торопливость живы, переплетены, но как это возможно? Загадка.

Из зелени доносились птичьи голоса. Глаза Эвелины обожгло, лес затуманился. Что-то на-

пряглось у нее на коленях. Девочка посмотрела вовремя, чтобы увидеть, как ее руки сжимаются, снимая длинные перчатки. Обнаженные руки устремились к шее — не прятать что-то, а раскрыть. Эвелина склонила голову, и руки засмеялись в волосах. Нашли крючки и пробежали по ним. Расстегнулся высокий плотный воротник, и внутрь с беззвучным криком устремился воздух. Эвелина дышала тяжело, словно после бега. Она неуверенно протянула руку, погладила траву, как будто это движение могло разрядить невероятное напряжение радости. Но напряжение не спадало, и девочка бросилась лицом в заросли ранней мяты и заплакала, потому что весна была невыносимо прекрасна.

* * *

Когда это произошло, дурак в лесу искусно сдирал кору с высохшего дуба. Руки его застыли, он поднял голову, прислушиваясь, отыскивая. Давление весны он ощущал, как животное, и немного острее. Неожиданно весна стала не просто тяжелым, полным надежды воздухом, не просто возрождением земли к жизни. Твердая рука на плече не могла быть ощутимей, чем этот призыв.

Дурак встал осторожно, как будто что-то рядом может сломаться, если он будет неуклюж. Его необычные глаза горели. Он начал двигаться. Он, который никогда не звал и не отвечал и которого никогда не звали. Двигался к тому, что почувствовал, и делал это по своей воле, а не по принуждению извне. Не рассуждая, не задумываясь, он знал, что в нем прорвалась какая-то раньше скрытая потребность. Всю жизнь она была с ним, была частью его самого, но у него не было надежды выразить ее. Однако она вырвалась и тем самым перебросила тонкую нить через его внутреннюю пропасть, которая отделяла живую и независимую суть с полумертвой оболочки животного. Зов устремился к тому, что оставалось в дураке человеческим, и был воспринят инструментом, воспринимавшим до сих пор только непостижимое излучение новорожденных, на которое можно было не обращать внимание. Но теперь призыв заговорил, и заговорил на языке самого дурака.

Дурак был осторожен и быстр, внимателен и молчалив. Двигаясь, он поворачивал широкие плечи то в одну, то в другую сторону, скользил сквозь заросли ольхи, проходил совсем рядом со стволами сосен, как будто не в состоянии от-

вернуть от прямой линии, соединяющей его с призывом. Солнце высоко; направо и налево, впереди и сзади — лес; но дурак шел своим курсом не сворачивая. Он подчинялся не знанию, не указаниям компаса, он просто отвечал на призыв.

И неожиданно оказался на поляне. Почва на пятьдесят футов у изгороди выщелочилась, деревья срубили много лет назад, чтобы никто по ним не мог перебраться через ограду. Дурак вышел из леса и по голой земле прошел к плотной изгороди. Вытянул руки, просунул их сквозь прутья, но они застряли в худых костлявых предплечьях, а ноги его продолжали двигаться, они скользили, как будто одной силой воли он мог пройти через частокол и непроницаемые заросли падуба за ним.

Но вот постепенно он начал понимать, что преграда не поддается. Первыми это поняли ноги, остановились, потом отдернулись руки. Но глаза не сдавались. Взгляд с мертвого лица устремлялся за железо, сквозь заросли, готовый взорваться ответом. Раскрылся рот, и оттуда послышался хриплый скрежещущий звук. Дурак никогда раньше не пытался заговорить и сейчас не смог: это его действие было не средством, а следствием, словно слезы после потрясающего музыкального крещендо.

Дурак боком пошел вдоль изгороди: ему невыносимо было отворачиваться от призыва.

* * *

Весь день, всю ночь и половину следующего дня шел дождь, а когда солнце взошло, дождь пошел снова — вверх: свет устремился с тяжелых жемчужин, лежащих на роскошной свежей зелени. Некоторые жемчужины съеживались, другие падали, и земля мягким голосом, голосом листвы и цветов, благодарила.

Эвелина сидела на окне, опираясь локтями о подоконник, прижав ладони к щекам, слегка улыбаясь. Она негромко запела. Ей самой было странно себя слышать: она понятия не имела о музыке. Читать она не умела, и никто ей не рассказывал о музыке. Но оставались птицы, иногда в крыше звучал фагот ветра; слышала она и крики маленьких существ из той части леса, которая принадлежит ей, и более смутно — из той, что не принадлежит. И из этих звуков она складывала свою песню, сопровождая ее необычными колебаниями в высоте. Пела без всяких усилий, свободно.

Но я никогда не касалась радости, Не должна касаться радости. Красота, о красота прикосно-

вения, Расстеленная, как лист, и ничего между мной и небом, кроме света.

Дождь притрагивается ко мне, Ветер гладит меня, Листья, листья прикасаются ко мне…

Долго она издавала музыку без слов, музыку молчаливую, беззвучную, и смотрела, как дождевые капли падают в сверкающем полдне.

Хрипло:

— Что ты делаешь?

Эвелина вздрогнула и повернулась. За ней со странно напряженным лицом стояла Алишия.

— Что ты делаешь? — повторила она. Эвелина сделала неопределенный жест в сторону окна, попыталась заговорить.

— Ну?

Эвелина повторила жест.

— Там, — сказала она. — Я… я… — Она соскользнула с подоконника и встала. Вытянулась как можно выше. Лицо у нее раскраснелось.

— Застегни воротник, — приказала Алишия. В чем дело, Эвелина? Расскажи мне!

— Пытаюсь, — мягко, но напряженно ответила Эвелина. Застегнула воротник, и руки ее упали на талию. Девочка прижала их. Алишия подошла ближе и отвела руки.

— Не делай так. Что ты… что ты делала? Ты

говорила?

— Да, говорила. Но не с тобой. И не с папой.

— Здесь больше никого нет.

— Есть, — возразила Эвелина. Неожиданно у нее перехватило дыхание. Коснись меня, Алишия.

— Коснуться тебя?

— Да, я… я хочу этого. Только… — Она протянула руки, и Алишия попятилась.

— Мы не прикасаемся друг к другу, — сказала она мягко, словно не могла преодолеть шок. — В чем дело, Эвелина? Ты больна?

— Да, — ответила Эвелина. — Нет. Не знаю. — Она повернулась к окну. — Идет дождь. Здесь темно. А там так много солнца, так много… Я хочу, чтобы солнце было на мне, чтобы было тепло, как в ванне.

— Глупо. Тогда в ванне стало бы светло… Мы не говорим о купании, дорогая.

Эвелина взяла с сидения у окна подушку. Обхватила ее руками и изо всех сил прижала к груди.

— Эвелина! Прекрати!

Эвелина повернулась и посмотрела на сестру, как никогда не смотрела раньше. Рот ее дернулся. Она закрыла глаза, крепко закрыла, а когда открыла снова, из глаз потекли слезы.

— Хочу! — воскликнула она. — Хочу!

— Эвелина! — прошептала Алишия. С широко распахнутыми глазами она попятилась к двери. — Я должна сказать лапе.

Эвелина кивнула и еще крепче прижала к себе подушку.

* * *

Придя к ручью, дурак присел на корточки и принялся смотреть. Подлетел лист, остановился в воздухе, присел в реверансе, потом продолжил свой путь сквозь изгородь и исчез в узкой щели в зарослях падуба.

Дурак раньше никогда не размышлял дедуктивно, и, может быть, стремление мысленно проследить за листом родилось не сознательно. Но он проследил и обнаружил, что изгородь укреплена в бетонном дне ручья. Частокол перегораживал ручей от одного берега до другого; ничего крупнее листа или веточки не могло проскользнуть. Дурак спустился в воду, прижался к железу, бил по затопленному основанию. Глотнув воды, он закашлялся, но продолжал бить, слепо, настойчиво. Схватив обеими руками прут, потянул. Железо порвало кожу. Дурак взялся за другой прут, потом еще за один, и неожиданно

нижняя часть прута застучала о нижнюю поперечную перекладину.

Результат, отличный от предыдущих попыток. Вряд ли дурак осознал, что означает эта разница, понял, что железо проржавело под водой и потому ослабло; но он почувствовал надежду, просто потому, что результат оказался другим.

Дурак сел на дно ручья, погрузившись в воду по подмышки, ноги прижал по обе стороны от задребезжавшего прута. Взял прут в руки, набрал воздуха и потянул изо всех сил. В воде показалась красная струйка и потекла вниз по течению. Дурак наклонился вперед, потом со страшным усилием откинулся. Проржавевший подводный кусок прута лопнул. Дурак отлетел назад, ударившись головой о берег ручья. На мгновение потерял сознание, и тело его покатилось, поплыло к изгороди. Вдохнув воду, он болезненно закашлялся и поднял голову. Когда мир перестал кружиться, дурак порылся под водой. Нашел отверстие высотой в фут, но всего в семь дюймов шириной. Погрузившись по плечи, ухватился руками за края отверстия, потом погрузился с головой. Потом сел и просунул ногу в отверстие.

И снова смутно осознал, что одного желания недостаточно; давление на преграду не заставит

ее отступить. Тогда он перешел к следующему пруту и попытался сломать его, как предыдущий. Но прут не поддался, не сдался и прут с противоположной стороны.

Наконец дурак прекратил усилия, отдыхал. Безнадежно посмотрел на пятнадцатифутовую изгородь с близко посаженными загнутыми наружу остриями и хищными рядами обломков стекла. Что-то причиняло ему боль; пошевелив руками, он отыскал отломанный одиннадцатидюймовый кусок железного прута. Сел, держа его в руках и тупо глядя на изгородь.

Коснись меня, коснись меня. Призыв, за которым сильнейшее чувство; голод, требование, поток сладости и необходимости. Призыв не прекращался, не смолкал, но этот был каким-то особым. Словно в нем самом заключен способ передвижения, сигнал, которому невозможно противиться.

И когда прозвучал этот призыв, внутренняя нить, соединявшая два мира, задрожала и разбухла. И начала неуверенно функционировать. По ней проносились фрагменты, обрывки, клочки внутренней силы, воспринимались, обрастали сведениями, устремлялись назад. Взгляд необычных глаз упал на кусок железного прута, руки

начали поворачивать железо. Проснулся разум, оцепеневший от неупотребления; впервые занялся определенной проблемой.

Дурак сидел в воде у самой изгороди. Куском прута он начал тереть другой прут под самым скрещением с поперечной перекладиной.

Пошел дождь. Он шел весь день и всю ночь и половину следующего дня.

— Она была здесь, — сказала Алишия. Лицо ее пылало. Мистер Кью обошел комнату, его запавшие глаза горели. Он пропустил бич сквозь пальцы. В биче четыре хвоста. Алишия, вспоминая, сказала:

— И она хотела, чтобы я прикоснулась к ней. Просила меня об этом.

— К ней прикоснутся, — ответил отец. — Зло, зло, — бормотал он. Невозможно оградиться от зла, — завывал он. — Я думал, что смогу. Ты зло, Алишия, как сама знаешь, потому что женщина прикасалась к тебе, несколько лет она держала тебя. Но она никогда не держала Эвелину… Это у Эвелины в крови, и эту кровь нужно выпустить. Как ты думаешь, где она?

— Наверно, ее нет в доме. У пруда. Ей нравится пруд. Я пойду с тобой.

Он посмотрел на нее, на ее раскрасневшееся

лицо, на горящие глаза.

— Это мое дело. Оставайся здесь!

— Пожалуйста…

Он взмахнул тяжелым хлыстом.

— Ты тоже, Алишия?

Она отвернулась, подавляя растущее возбуждение.

— Потом, — проворчал он. И выбежал.

Алишия постояла дрожа, потом подошла к окну. Увидела отца, тот решительно уходил. Руки девушки сжали оконный переплет. Губы разошлись, и она испустила странный бессловный крик.

* * *

Эвелина, запыхавшись, добежала до пруда. Что-то — невидимый дымок, какое-то волшебство — лежало на воде. Девочка с жадностью вдохнула его и наполнилась ощущением близости. Она не знала, что приближается к ней: существо или событие; но оно близко, и Эвелина приветствовала его. Ноздри ее раздулись и задрожали. Она подбежала к краю воды и протянула руку.

Выше по течению вода закипела, и из-за зарослей падуба появился он. Выбрался на берег и лег, отдуваясь и глядя на нее. Он был широкий и

плоский и весь покрыт царапинами. Руки у него распухли и сморщились от воды; он был тощий и измученный. Тут и там свисали обрывки одежды, совсем не прикрывая тело.

Девочка, словно зачарованная, склонилась к нему, от нее исходил этот призыв, потоки одиночества, ожидания, голода, радости и сочувствия. В ней чувствовалось огромное возбуждение, но не было ни шока, ни удивления. Она уже много дней знала о нем, как и он о ней, и теперь их молчаливое излучение протянулось навстречу друг другу, смешалось и переплелось. Они молча жили друг в друге. Эвелина наклонилась и коснулась его, коснулась лица и растрепанных волос.

Он сильно задрожал и отполз от воды. Эвелина опустилась рядом с ним. Они сидели рядом, и наконец она посмотрела в его странные глаза. Эти глаза словно расширились и заполнили пространство; девочка заплакала от радости и устремилась к этим глазам. Она хотела жить в них, может, и умереть, но все равно быть их частью.

Она никогда не разговаривала с людьми, и он никогда ни с кем не разговаривал. Она не знала, что такое поцелуй, а он, если и видел поцелуи, то не понимал их значения. Но у них была го-

раздо лучшая возможность. Они сидели рядом, она опустила руку на его обнаженное плечо, и течения их внутренних сущностей смешались. Они не слышали решительных шагов ее отца, не слышали, как он ахнул, а потом гневно заревел. Они ничего не сознавали, кроме друг друга, пока отец не подбежал, схватил ее, поднял над головой и отбросил назад. И даже не оглянулся, чтобы посмотреть, куда она упала. Стоял над дураком, с побелевшими губами, с вытаращенными глазами. Губы его разошлись, и снова он испустил ужасный крик. А потом поднял хлыст.

Дурак был так ошеломлен, что ни первый, ни второй удар, казалось, не произвели на него никакого впечатления, хотя плоть его, и так исцарапанная и сморщенная, разорвалась и из раны хлынула кровь Дурак лежал, тупо глядя в воздух на то место, где только что были глаза Эвелины Но вот снова просвистел хлыст, заостренные концы плети углубилась в тело, и в дураке проснулся старый рефлекс Дурак принялся отползать, погрузившись ногами в воду Мужчина выронил хлыст и обеими руками схватил дурака за запястье Взбежал по берегу ручья, таща за собой длинное изорванное тело дурака Пнул в голову, потом вернулся за хлыстом. В это время дурак су-

мел приподняться на локте Мужчина снова пнул его, перевернул на спину Поставил ногу дураку на плечо и прижал к земле, продолжая стегать хлыстом голый живот Сзади послышался дикий крик, и словно бык с тигриными когтями набросился на мужчину Тот тяжело упал, повернулся и увидел обезумевшее лицо своей младшей дочери Она прикусила губу, из губы текла кровь, а по краям рта выступила пена Эвелина вцепилась отцу в лицо, пальцем выдавила левый глаз Мужчина закричал от боли, сел, ухватился за воротник ее платья и дважды ударил девочку по голове тяжелой рукоятью хлыста Завывая, нечленораздельно выкрикивая, он снова повернулся к дураку Но тот наконец ощутил непреодолимое стремление убежать Это стремление подавило все остальное И может, когда тяжелая рукоятка плети лишила девочку сознания, оборвалась и еще одна нить. В любом случае дураку оставалось только убегать, и он не мог больше ничего сделать, пока не убежит Длинное тело сложилось, как у жука-щелкуна, взвилось и изогнулось в полусальто. Дурак опустился на четвереньки и сразу прыгнул снова Хлыст захватил его в воздухе, тело на мгновение изогнулось вокруг хлыста, зажало его между ребрами и берцовой костью Рукоять выскользнула

из ладони мужчины Тот закричал и нырнул за дураком, который устремился в заросли падуба Мужчина упал лицом в листву, расцарапал кожу Потом погрузился в воду и одной рукой ухватил за голую ногу Потянул, но нога ударила его в ухо И тут мужчина головой ударился о железную изгородь Дурак уже выбрался наружу и лежал, наполовину погрузившись в воду, слегка дергаясь в усилиях встать Повернувшись, он увидел, что мужчина вцепился в прутья и дергает их, не подозревая натачия подводного отверстия Дурак вцепился в почву, розовая вода текла от него к преследователю И тут рефлекс бегства медленно оставил его Наступил период тьмы, а затем дурак ощутил странное новое чувство Такое же новое, как призыв, который привел его сюда, и почти такое же сильное Похожее на страх, но если страх казался дураку туманом, липким и ослепляющим, то это новое чувство напоминало жажду, оно такое же жесткое и целеустремленное Дурак выпустил ядовитые растения, которые густо покрывали выщелоченную почву у ручья. Позволил воде помочь ему и снова подплыл к прутьям, за которыми кричал и прыгал обезумевший отец Прижал мертвое лицо к изгороди и шире раскрыл глаза Крик прекратился Впервые сознательно,

целеустремленно дурак использовал свой взгляд, использовал для чего-то, помимо корки хлеба.

Когда мужчина ушел, дурак выбрался из ручья и, спотыкаясь, побрел в лес.

* * *

Увидев возвращающегося отца, Алишия взяла в рот руку и прикусила Не одежда, порванная и грязная, не выдавленный глаз Что-то другое, что-то.

— Отец!

Он не ответил, но двинулся прямо к ней. В последнее мгновение, когда он готов был наступить на нее, как на стебель пшеницы, она отступила в сторону. Он прошел мимо и исчез в библиотеке, оставив дверь открытой.

— Отец!

Никакого ответа. Она вбежала в библиотеку. Отец стоял у шкафа, который девушка никогда не видела открытым Теперь он был открыт Отец достал из него револьвер с длинным стволом и небольшую коробку патронов. Открыл коробку, высыпал патроны на стол. И принялся методично заряжать.

Алишия подбежала к нему.

— Что это? Что это? Ты ранен, позволь мне по-

мочь тебе, что ты сейчас…

Его единственный целый глаз смотрел на нее неподвижно и остекленело. Отец глубоко вдохнул, слишком глубоко, как будто очень долго сдерживал воздух, вдохнул со свистом. Со стуком вставил патрон на место, щелкнул предохранителем, посмотрел на Алишию и поднял пистолет.

Она никогда не могла забыть этот взгляд. И тогда, и позже происходили ужасные вещи, однако время смягчало их, размывало четкие очертания. Но этот взгляд не забывался никогда.

Отец устремил на нее взгляд одного глаза, поймал ее своим взглядом и удержал; она дергалась, как наколотое насекомое. С ужасающей ясностью поняла, что он ее не видит, что он смотрит на какой-то свой неведомый внутренний ужас. По-прежнему глядя сквозь нее, он вложил ствол пистолета в рот и нажал на курок.

Шума было не очень много. Волосы на макушке взвились. Глаз продолжал смотреть, по-прежнему удерживая Алишию. Девушка позвала отца по имени. Но и мертвый он был так же недоступен, как мгновение назад. Наклонился, словно показывая, что стало с его головой, и тут его взгляд перестал удерживать Алишию, и она убежала.

Два часа, целых два часа прошло, прежде чем

она нашла Эвелину. Один из этих двух часов был просто потерян, он весь состоял из черноты и боли. Второй оказался слишком тихим, время тянулось с легким всхлипыванием. Алишия поняла, что всхлипывает она сама.

— Что? Что ты сказал? — плакала она, пытаясь понять, все задавая и задавая этот вопрос молчащему дому.

Она нашла Эвелину у пруда. Девочка лежала на спине, и глаза ее были широко раскрыты. На голове ее была шишка, а в ней углубление, в которое можно было положить три пальца.

— Не нужно, — негромко сказала Эвелина, когда Алишия попыталась приподнять ее голову. Алишия осторожно опустила голову, наклонилась, взяла руки сестры и сжала ИХ.

— Эвелина, что случилось?

— Меня ударил отец, — спокойно ответила Эвелина. — Я хочу спать.

Алишия заплакала. Эвелина сказала:

— Как называется, когда один человек нужен другому… когда хочется, чтобы к тебе прикасались… и двое как одно целое, и больше никого не существует?

Алишия, читавшая книги, задумалась.

— Любовь, — ответила она наконец. Глотну-

ла. — Но это безумие. Это плохо.

Спокойное лицо Эвелины приобрело мудрое выражение.

— Нет, не плохо, — сказала девочка. — У меня это было.

— Тебе нужно вернуться в дом.

— Я посплю здесь, — ответила Эвелина. Она посмотрела на сестру и улыбнулась. — Все в порядке… Алишия?

— Да?

— Я никогда не проснусь, — с тем же странным мудрым выражением сказала Эвелина. — Я хотела кое-что сделать, но теперь не смогу. Сделай это за меня.

— Сделаю, — прошептала Алишия.

— Для меня, — настаивала Эвелина. — Тебе не понравится.

— Сделаю.

— Когда будет ярко светить солнце, — сказала Эвелина, — окунись в него. Это еще не все, подожди. — Она закрыла глаза. На лбу ее появилась морщинка и тут же разгладилась. — Будь на солнце. Двигайся, бегай. Бегай и… прыгай. Подними ветер. Я так хотела это сделать. Я сама не знала, что хочу этого, пока… Алишия!

— Что, что?

— Вот оно, вот, разве ты не видишь? Любовь, с солнцем по всему телу!

Далеко в лесу за изгородью послышался плач. Алишия долго слушала его, наконец протянула руку и закрыла глаза Эвелины. Встала и пошла к дому, а плач сопровождал ее, пока она не добралась до двери. И даже, кажется, проник вместе с ней.

* * *

Услышав негромкий стук копыт во дворе, миссис Продд что-то прошептала и выглянула из-за канифасовой кухонной занавески. При звездном свете и благодаря хорошему знакомству с двором она различила лошадь и сани для перевозки камней, рядом стоял ее муж. Он направлялся к входу. Доигрался, подумала она, застрянет в лесу. Сейчас весь обед сгорит.

Но он не доигрался. Об этом сразу сказал взгляд на его лицо.

— Что случилось, Продд? — с тревогой спросила она.

— Дай одеяло.

— Какого…

— Быстрей. Парень тяжело ранен. Подобрал его в лесу. Как будто медведь его задрал. Всю одежду

разорвал.

Она бегом принесла одеяло, он выхватил его и вышел. И через мгновение вернулся, неся человека.

— Сюда, — сказала миссис Продд. Она распахнула дверь в комнату Джека. А когда Продд заколебался, держа на руках длинное обвисшее тело, она сказала:

— Входи, входи, не обращая внимания на грязь. Отмоется.

— Принеси тряпку и горячей воды, — с усилием сказал он. Она подошла и осторожно приподняла одеяло.

— О, Боже!

Он остановил ее у двери.

— Он не протянет ночь. Может, не стоит мучить его этим. — И он указал на кастрюлю с горячей водой, которую она принесла.

— Мы должны попробовать. — Она вошла. Остановилась. Он взял у нее кастрюлю, а она стояла, побледнев, закрыв глаза.

— Ма…

— Пошли, — негромко ответила она. Подошла к кровати и начала обмывать истерзанное тело.

Он протянул ночь. Протянул и неделю, и только тогда у Проддов появилась надежда. Лежал

неподвижно в комнате, которая называлась комнатой Джека, ничем не интересовался, ни на что не реагировал, кроме света, который появлялся в окне и исчезал. Лежа, он смотрел в окно; может, видел что-то, а может, ничего не видел. Да и мало что можно было увидеть снаружи. Далекая гора, бедная земля Продда; изредка сам Продд, кукла на удалении, царапающий упрямую почву сломанной бороной, выдергивающий сорняки. Внутренняя суть лежащего оставалась замкнутой и молчаливой. Внешняя оболочка словно сморщилась и тоже стала недоступной. Когда миссис Продд приносила еду — яйца и теплое парное молоко, домашние копчения и лепешки, — он ел, если она его заставляла, и не обращал внимания ни на нее, ни на пищу, если не заставляла.

Вечерами Продд спрашивал:

— Он ничего еще не сказал?

Жена качала головой. Через неделю Продду пришла в голову мысль. Через две недели он ее высказал.

— Как ты думаешь, ма, он не свихнулся? Она рассердилась.

— Что значит свихнулся? Продд сделал жест.

— Ну, знаешь. Слабоумный. Может, поэтому и не говорит.

— Нет, — уверенно ответила его жена. Она подняла голову и увидела вопросительное выражение Продда. Сказала:

— Ты смотрел ему в глаза? Он не идиот.

Да, он заметил этот взгляд. И встревожился. Но больше ничего не мог сказать.

— Ну, я хотел бы, чтобы он хоть что-нибудь сказал. Она взяла в руки чашку с кофе.

— Помнишь Грейс?

— Да, ты мне рассказывала. Твоя двоюродная сестра, которая потеряла малышей.

— Да. Ну, так вот, после пожара Грейс была почти такая же, весь день лежала молча. Можно было с ней говорить, а она как будто не слышала. Показываешь ей что-то, а она словно слепая. Приходилось кормить ее с ложечки, вытирать лицо.

— Может, здесь то же самое, — признал Продд. — Этот парень столкнулся с чем-то, что лучше позабыть… Но ведь Грейс потом стало лучше?

— Ну, прежней она никогда не стала, — ответила его жена. — Но все же ей стало лучше. Я думаю, иногда мир становится невыносим, и тело отворачивается от него, чтобы передохнуть.

Проходили недели, и разорванная плоть заживала, широкое худое тело поглощало питание,

как кактус влагу. Никогда в жизни не было у него столько еды и отдыха…

Женщина сидела с ним и разговаривала. Пела песни — «Теки спокойно, сладкий Афтон» и «Мой дом в горах». Маленькая смуглая женщина с бесцветными волосами и светлыми глазами, и в ней ощущался голод, очень похожий на тот, что испытывал он сам. Она рассказывала этому молчаливому неподвижному лицу и о своих родителях, и о школе, и о том, как Продд приехал ухаживать за ней в машине своего босса. Он тогда даже править еще не научился. Рассказывала о мелочах в прошлом, которые для нее не были мелочами; о платье, которое надевала на конфирмацию, с бантом и маленькими оборками тут и там, и о том, как однажды муж Грейс пришел домой пьяным, в изорванных праздничных брюках, неся под мышкой живую свинью, которая визжала изо всех сил. Читала молитвенник и рассказывала эпизоды библии. Говорила обо всем, что у нее на уме, но только не о Джеке.

Он никогда не улыбался и не отвечал, и единственной его реакцией был взгляд. Когда она была в комнате, он не отрывал взгляда от ее лица, а когда ее не было, терпеливо смотрел на дверь. Она не знала, какое это гигантское отличие от его

обычного поведения. Но в этом измученном теле постепенно залечивалась не только плоть.

Наконец наступил день, когда Продды сидели за ланчем — они называли это «обедом», — и за дверью комнаты Джека послышалось царапанье. Продд обменялся с женой взглядом, потом встал и открыл дверь.

— Ну, ты не можешь так ходить. — Он крикнул:

— Ма, принеси мой второй комбинезон.

Он был слаб, но стоял на ногах. Ему помогли подойти к столу, и он плюхнулся на стул. Глаза его оставались пустыми, он не обращал внимания на еду, пока миссис Продд не поднесла ложку к его носу. Тогда он взял ложку в свою широкую ладонь, сунул в рот, глядя мимо ложки на женщину. Она похлопала его по плечу и сказала, что он удивительно хорошо справился.

— Ну, ма, не нужно обращаться с ним, как с двухлетним ребенком, — сказал Продд. Он снова встревожился, наверно, из-за взгляда.

Она предупреждающе сжала мужу руку; он понял и больше ничего не говорил. Но поздно вечером, когда ему казалось, что она уснула, жена неожиданно сказала:

— Я должна обращаться с ним, как с двухлет-

ним младенцем, Продд. Может, даже еще более маленьким.

— Как это?

— С Грейс было так же, — объяснила она. — Но не так плохо. Ей было словно шесть лет, когда она начала поправляться. Куклы. Когда ей не доставался яблочный пирог, она горько плакала. Как будто снова росла. Быстрее, я хочу сказать, но словно шла по прежней дороге.

— Думаешь, у него то же самое?

— Разве он не похож на двухлетнего?

— Первый двухлетний ребенок ростом в шесть футов. Она фыркнула, делая вид, что раздражена, — Мы вырастим его, как ребенка. Он некоторое время молчал. Потом:

— Как мы его назовем?

— Не Джеком, — ответила она, не успев спохватиться. Он улыбнулся. И не знал, что говорить. Она сказала:

— Подождем. У него есть имя Не правильно давать ему другое. Просто подождем. Он вспомнит.

Муж снова надолго задумался. Потом сказал:

— Ма, надеюсь, мы поступаем правильно. — Но к этому времени она уже уснула.

Происходили чудеса Продды считали их успехом, достижениями, но это были чудеса Однажды

Продд обнаружил на другом конце бревна, которое вытаскивал из амбара, две крепкие руки В другой раз миссис Продд увидела, что ее пациент держит моток пряжи, держит и смотрит на него, потому что он красный Однажды он нашел у насоса полное ведро и принес его в дом Но прошло еще очень много времени, прежде чем он научился орудовать ручкой насоса Когда исполнился год его пребывания на ферме, миссис Продд вспомнила об этом и испекла торт И воткнула в него четыре свечи Продды улыбались ему, а он, как зачарованный, смотрел на маленькие огоньки Его странные глаза устремились к Продду, затем к его жене, удержали взгляд — Задуй, сынок Может, он видел, как это делают Может, почувствовал теплые пожелания пары, ее стремления, заботу Наклонил голову и поду ч Муж и жена рассмеялись и встали, подошли к нему, Продд толкнул его в плечо, а миссис Продд поцеловала в щеку В нем что-то перевернулось Глаза его закатились так, что стали видны только белки Застывшее горе, которое он нес в себе, снова затопило его Это не призыв, не контакт, не обмен, который он испытал с Эвелиной. И даже не похоже, разве лишь в степени проявления Но он обрел способность чувствовать, поэтому осознал свою потерю

и поступил гак же, как и тогда, когда потерял-заплакал Именно такой резкий мучительный плач год назад привел к нему в лесу Продда Комната оказалась для него слишком тесна Миссис Продд никогда раньше не слыхала от него таких звуков Продд слышал — в ту первую ночь И ему трудно было решить, что хуже: слушать в первый или во второй раз Миссис Продд обхватила руками его голову и произносила негромкие ласковые звуки Продд неуклюже пристроился рядом, протянул руку, передумал и наконец отступил, повторяя — Ну, ну ну, послушай Через некоторое время плач прекратился Всхлипывая, он посмотрел на хозяев фермы Что-то новое появилось в его лице Как будто бронзовая маска, всегда скрывавшая лицо, вдруг исчезла Прости, — сказал Продд — Наверно, мы что-то не так сделали — Нет, — возразила жена — Вот увидишь.

* * *

Он получил имя Ночью он плакал и вдруг обнаружил, что может сознательно воспринимать от окружающих послания и значения Так бывало и раньше, но в прошлом все происходило рефлекторно и неосознанно, как чихание, как дыхание ветерка Он ухватился за эту способность

и начал ее изучать, как когда-то поворачивал и разглядывал моток пряжи Звуки речи по-прежнему мало что значили для него, но он заметил отличия речи, обращенной к нему, и той, что его не касалась Слушать речь он так никогда и не научился, мысли поступали непосредственно к нему в мозг Сами мысли оказались бесформенными, и неудивительно, что он с таким трудом научился облекать их в форму речи — Как тебя зовут? — однажды неожиданно спросил его Продд. Они заполняли из цистерны кормушку лошади, и текущая на солнце вода глубоко затронула дурака Полностью поглощенный этим зрелищем, он вздрогнул от неожиданности, услышав вопрос Поднял голову и увидел, что Продд смотрит на него Имя Он потянулся и получил то, что можно назвать определением Впрочем, это была чистая концепция, мысль без слов «Имя» — единственное, что есть я, что я сделал ч что познал Все это было в нем и ждало только символа, названия Все блуждания, голод, утрата, то, что хуже утраты и что называется пустотой И смутное осознание, что даже сейчас, с Проддами, он не нечто, а только замена этого нечто Совершенно один (По-английски all alone) Он попытался сказать это. Непосредственно от Продда воспринял

концепцию и ее словесную оболочку, кодировку звучанием. Но понимание и подбор средств выражения — одно дело; физический акт произношения совершенно другое. Язык его словно превратился в подошву, а гортань способна была только производить хрип. Он сказал:

— Ол. ол..

— В чем дело, сынок?

Совершенно один. Он способен был передать это отчетливо и ясно, но только как мысль, и ему казалось невероятным, что такое ясное отчетливое сообщение никак не подействовало на Продда, хотя фермер изо всех сил пытался понять, что ему сообщают.

— Ол…ол… лоун, — выговорил наконец дурак.

— Лоун? — переспросил Продд.

Видно было, что для Продда эти звуки что-то значат, хотя совсем не то, что в них зашифровано.

Но подойдет и это.

Дурак попытался повторить звуки, но его непривычный к речи язык перехватило судорогой. Раздражающе хлынула слюна и побежала по губам. Он отчаянно воззвал о помощи, попытался отыскать другой способ общения и нашел. Кивнул.

— Лоун, — повторил Продд.

Он снова кивнул; и это было его первое слово и первый разговор; еще одно чудо.

Потребовалось пять лет, чтобы научиться разговаривать, причем он всегда предпочитал молчать. Читать он так и не научился. Просто не был приспособлен для этого.

* * *

Для двух маленьких мальчиков запах дезинфекции на плитках пола был запахом ненависти.

Для Джерри Томпсона это был также запах голода и одиночества. Вся еда была пропитана им, сон пронизан дезинфектантом, голод, холод, страх… все компоненты ненависти. Ненависть была единственной теплотой в мире, единственной определенностью. Человек цепляется за определенности, особенно когда он один, тем более если ему шесть лет. Джерри рано повзрослел, во всяком случае он по-взрослому ценил тусклое удовольствие, которое происходит исключительно от отсутствия боли; у него было неистощимое терпение, какое бывает только у людей, которые вынуждены притворяться сломленными, пока не наступает время действий. Не каждый сознает, что у шестилетнего, как и

у всякого взрослого, позади воспоминания всей жизни, полные подробностей и различных происшествий. Джерри перенес столько болезней, потерь и бед, что хватило бы на любого взрослого. И выглядел он в шесть лет взрослым; тогда он научился принимать, быть послушным и выжидать. Его маленькое сморщенное личико вдруг изменилось, в голосе больше не слышался протест. Так он прожил два года, до наступления дня решений.

А потом убежал из сиротского дома штата и жил в одиночестве, приобрел цвет сточных канав и мусора, чтобы его не заметили; убивал, если его загоняли в угол; ненавидел.

* * *

Гип не знал голода, холода и преждевременного повзросления. Но запах ненависти он тоже ощущал. Этот запах окутывал его отца врача, его искусные безжалостные руки, его темную одежду. В памяти Гипа даже голос доктора Барроуса отдавал хлором и карболкой.

Маленький Гип Барроус был прекрасным умным ребенком. Он отказывался принимать мир как прямую жесткую тропу, выложенную продезинфицированной плиткой. Все давалось

ему легко, не мог он справиться только со своим любопытством. Но «все» включало и холодные инъекции морали, которые делал его отец врач, преуспевающий человек, высокоморальный, сделавший карьеру на своем сознании правоты и уверенности в себе.

Гип проносился по детству, как ракета, быстрая, яркая, пламенная. Способности приносили ему все, чего может пожелать молодой человек, а отцовское воспитание постоянно твердило ему, что он вор, не имеющий права на то, чего не заслужил. Ибо такова была жизненная философия его отца, который все добывал тяжелым трудом. И вот способности Гипа приносили ему друзей и почести, а друзья и почести вызывали у него тревогу и болезненную застенчивость, о чем он сам и не подозревал.

Ему было восемь лет, когда он построил свой первый радиоприемник, обернув кристаллическое устройство проводами. Приемник он подвесил к пружине кровати, так что его можно было обнаружить, только подняв кровать, а наушники разместил в матраце, чтобы можно было по ночам лежать и слушать. Отец тем не менее обнаружил приемник и запретил сыну даже прикасаться к проводам. Когда ему исполнилось

девять, отец обнаружил его собрание книг и журналов по радио и электронике и заставил его самого сжечь их в камине; они тогда не спали всю ночь. В двенадцать лет он заработал премию за созданный в тайне безламповый осциллоскоп, и отец врач продиктовал ему письмо с отказом от премии. В пятнадцать лет его исключили из медицинской школы за то, что он соединил перекрестие реле лифтов в здании и добавил несколько дополнительных включателей, отчего любое прикосновение к кнопкам управления вызывало неожиданные последствия. В шестнадцать, счастливый отречением от него отца, он зарабатывал на жизнь, работая в исследовательской лаборатории и посещая инженерную школу.

Он был рослый, умный и очень популярный. Ему нужно было стать популярным, и этого, подобно всему остальному, он достиг с легкостью. Он прекрасно играл на пианино, удивительно легко прикасаясь к клавишам; быстро и изобретательно играл в шахматы. Он научился иногда искусно проигрывать и в шахматы, и в теннис, и в той изнуряющей игре, которая называется «первый в классе, первый в школе». У него всегда находилось время — время разговаривать и чи-

тать, время удивляться, время слушать тех, кто ценил его способность слушать, время перефразировать трудные места в оригинале в банальные истины для тех, кто находил их слишком сложными. У него даже нашлось время для службы в резерве подготовки офицеров, и благодаря этой службе он и получил офицерское звание.

Военно-воздушные силы оказались очень непохожими на любую школу, которую он посещал, и ему потребовалось некоторое время, чтобы понять, что полковника не смягчишь покорностью и не завоюешь остротами. Еще больше времени ушло на понимание, что на службе большинство, а не меньшинство рассматривает физическое совершенство, умение блистать в разговоре и способность всего легко добиваться скорее недостатком, чем достоинством. Он оказывался в одиночестве чаще, чем ему это нравилось, его избегали больше, чем он мог вынести.

И вот на зенитном полигоне он обнаружил ответ, мечту и катастрофу…

* * *

Алишия Кью стояла в глубокой тени на краю луга.

— Отец, отец, прости меня! — плакала она.

Ослепшая от горя и ужаса, она опустилась на траву, потрясенная происшедшим.

— Прости меня, — страстно шептала она. — Прости, — шептала с презрением.

Она думала: «Дьявол, ну почему ты не умираешь? Пять лет назад ты убил себя, убил мою сестру, а я по-прежнему кричу: «Отец, прости меня!». Садист, извращенец, убийца, дьявол… мужчина, грязный ядовитый мужчина!

Я прошла долгий путь, я на прежнем месте. Как я убегала от Джейкоба, заботливого мягкого адвоката Джейкоба, который хотел помочь мне похоронить тела; как я убегала, как старалась не оставаться наедине с ним, чтобы он не сошел с ума и не вымазал меня ядовитым потом. А когда он привел свою жену, я убегала и от нее, думая, что все женщины злы и не должны касаться меня. Да, трудно им пришлось со мной. Прошло много времени, прежде чем я поняла, что безумна я, а не они… очень нескоро я поняла, какой доброй и терпеливой была со мной мама Джейкоб, как много она для меня сделала. «Но, девочка, такую одежду не носят уже много лет!». А в такси, когда я закричала и не могла остановиться, потому что повсюду были люди, всюду спешка, всюду тела, так много тел, все отчетливо видны, все касаются

друг друга; тела на улицах, на лестнице, большие изображения тел в журналах, мужчины держат женщин, а женщины смеются и совершенно не боятся… Доктор Ротштейн все объяснял и объяснял мне, потом возвращался и снова объяснял. Не существует ядовитого пота, и должны быть мужчины и женщины, иначе человечество погибнет… Мне пришлось учиться этому, отец, дорогой дьявол отец, из-за тебя. Из-за тебя я никогда не видела автомобиль, грудь, газету, железнодорожный поезд, гигиенический пакет, поцелуй, ресторан, лифт, купальник, волосы на… — о, прости меня, отец.

Я не боялась хлыста; из-за тебя, отец, я боялась рук и глаз. Однажды, однажды, вот увидишь, отец, я буду жить с людьми, они будут повсюду вокруг меня, я буду ездить в их поездах, у меня будет собственная машина; я пойду на берег моря, на пляж, а море будет тянуться бесконечно, без всяких стен, и я разденусь, и на мне будет только узкая полоска ткани вот здесь и здесь, и все увидят мой пупок, и я встречу белозубого мужчину, отец, и он обнимет меня сильными руками, отец, и что станет со мной, что стало со мной сейчас! Отец, прости меня!

Я живу в доме, который ты никогда не видел, с

окнами, выходящими на дорогу, и яркие машины проносятся мимо, а дети играют у изгороди. Изгородь совсем не стена, и в ней есть два прохода для машин и один для пешеходов, она открыта для всех. Когда мне хочется, я смотрю через занавеси и вижу незнакомых людей. Тут невозможно сделать так, чтобы в ванной было совершенно темно. И на стене ванной комнаты висит большое зеркало, с меня высотой. И однажды, отец, я сброшу полотенце.

Но все это потом, жизнь среди незнакомцев, прикосновения без страха. Сейчас я должна жить одна и думать, должна читать, читать о мире и о том, как он устроен. Да, и о безумцах, подобных тебе, отец, и о том, что так ужасно уродует их. Доктор Ротштейн говорит, что ты не единственный, ты исключение только потому, что был так богат.

Эвелина…

Эвелина так и не узнала, что наш отец безумен. Никогда не видела изображения ядовитой плоти. Я жила в мире, отличном от того, в каком живу сейчас, но мир Эвелины был совершенно иным. Это был мир, который мы с отцом создали для нее, чтобы сохранить ее чистоту…

И вот я все думаю, все думаю, как получилось,

что тебе хватило ума выпустить свои прогнившие мозги…».

Воспоминания о мертвом отце почему-то успокаивали ее. Она встала и посмотрела на лес, внимательно оглядела луг, дерево за деревом, тень за тенью.

«Хорошо, Эвелина, я сделаю, сделаю…».

Она глубоко вдохнула и задержала дыхание. Затем так плотно закрыла глаза, что увидела красноту на черном. Руки ее устремились к пуговицам платья. Платье упало. Алишия одним гибким движением выскользнула из белья и чулок. Воздух коснулся ее тела, и это было неописуемо; казалось, он проходит сквозь нее. Она вышла на солнце и, чувствуя, как сквозь закрытые глаза выступают слезы ужаса, принялась танцевать обнаженной. Танцевала ради Эвелины и все просила, все просила прощения у мертвого отца.

* * *

Когда Джейни было четыре года, она бросила в лейтенанта пресс-папье. У нее возникло не поддающееся объяснению, но точное ощущение, что лейтенанту нечего делать в их доме, когда папа за морем. У лейтенанта была трещина в черепе,

и, как часто бывает при сотрясении мозга, он не вспомнил, что Джейни стояла в десяти футах от предмета, который бросила. Мама задала Джейни взбучку, но девочка приняла ее с обычным самообладанием. Но, как и в других случаях, еще больше убедилась, что способность, не поддающаяся контролю, имеет и свои недостатки.

— У меня от нее мурашки по коже, — позже говорила мама другому лейтенанту. — Не могу ее выдержать. Ты думаешь, я не должна так говорить?

— Совсем нет, — ответил другой лейтенант, который на самом деле так думал. И она пригласила его к себе на следующий день, уверенная, что, когда он увидит ребенка, сразу поймет.

Он увидел девочку и понял. Не девочку, — ее никто не понимал. Он понял чувства матери. Джейни стояла выпрямившись, отведя назад плечи и подняв лицо, ноги она расставила, словно на них ботфорты, и одной ногой, как офицерским стеком, подбрасывала куклу. В этой девочке была какая-то правильность, но в ребенке она казалась не правильностью. Она немного ниже среднего роста. С острыми чертами лица и узкими глазами, с густыми бровями. Пропорции тела не такие, как у большинства четырехлетних детей,

которые могут перегнуться в поясе и коснуться лбом пола. У Джейни для этого слишком короткое туловище и длинные ноги. Говорила она четко и с катастрофическим отсутствием такта. Когда другой лейтенант присел неуклюже на корточки и сказал: «Здравствуй, Джейни. Мы с тобой станем друзьями?», она ответила: «Нет. Ты пахнешь, как майор Гренфелл». Майор Гренфелл был непосредственным предшественником раненого лейтенанта.

— Джейни! — закричала мама, но слишком поздно. Более спокойно она сказала:

— Ты прекрасно знаешь, что майор приходил только на коктейли. — Джейни приняла это без комментариев, отчего в разговоре образовалась зияющая пустота. Другой лейтенант как будто сразу понял, что нелепо сидеть на корточках на полу, вскочил и опрокинул кофейный столик. Джейни с волчьей усмешкой наблюдала, как он собирает осколки. Он ушел рано и больше не появлялся.

Но и большое количество гостей не обеспечивало безопасности ее матери. Вопреки самым строгим запретам, Джейни однажды вечером появилась во время четвертого коктейля и остановилась в конце гостиной, обводя оскор-

бительно трезвым взглядом серо-зеленых глаз раскрасневшиеся лица. Полный светловолосый мужчина, рука которого лежала на шее матери, протянул стакан и заревел:

— Ты маленькая девочка Ваймы! Все головы в комнате повернулись, как ряд сервовключателей, и в наступившей тишине Джейни сказала:

— А ты тот самый с…

— Джейни! — завопила мама. Кто-то рассмеялся. Джейни переждала и продолжила:

— …с большим толстым… — Мужчина снял руку с шеи Ваймы. Кто-то спросил:

— С большим толстым чем, Джейни? Очень характерно для военного времени Джейни ответила:

— Мясным рынком.

Вайма оскалила зубы.

— Возвращайся к себе в комнату, дорогая. Через минуту я приду и укрою тебя. — Кто-то посмотрел на светловолосого мужчину и рассмеялся. Кто-то гулким шепотом сказал:

— Прощай, воскресная вырезка. Струной не удалось бы так крепко затянуть полному мужчине рот; нижняя его губа выпятилась, как клубничный джем из сдавленного сэндвича.

Джейни спокойно прошла к двери и остано-

вилась, как только ушла из поля зрения матери. Молодой человек болезненного вида с блестящими черными глазами неожиданно наклонился вперед. Джейни встретила его взгляд. На лице молодого человека появилось недоуменное выражение. Рука его дрогнула, остановилась, потом устремилась ко лбу. Скользнула вниз и прикрыла черные глаза.

Джейни негромко, так, чтобы слышал только он, сказала:

— Больше никогда так не делай, — И вышла из комнаты.

— Вайма, — хрипло сказал молодой человек, — твой ребенок телепат.

— Вздор, — с отсутствующим видом ответила Вайма, сосредоточившись на надутом полном мужчине. — Она каждый день ест витамины.

Молодой человек начал вставать, чтобы посмотреть вслед девочке, потом снова сел.

— Боже, — сказал он и задумался.

* * *

Когда Джейни исполнилось пять лет, она начала играть с другими девочками. Но прошло немало времени, прежде чем девочки это поняли. Им было года два с половиной, они недавно

научились ходить и были очень похожи друг на друга. Близнецы. Разговаривали они, если это можно назвать разговором, высокими писками и падали на бетонный двор, как на стог сена. Вначале Джейни высовывалась из окна четвертого этажа, задумчиво накапливала слюну между языком и небом, пока не образовывался достаточный заряд. Потом изгибала шею, надувала щеки и выпускала слюну. Когда слюна просто падала на бетон, близнецы не обращали внимания на бомбардировку, но когда Джейни попадала в цель, начиналась восхитительная, полная писков суматоха. Девочки не смотрели вверх, но начинали с криками бегать по двору.

Потом наступила очередь другой игры. В теплые дни близнецы сбрасывали свои комбинезоны так быстро, что глаз не успевал заметить. Одно мгновение — они благопристойны, как священник, следующее — и они, голые, в пятнадцати футах от груды сброшенного платья. И сразу с писком и воплями кидались назад, натягивали одежду, бросая восхищенные и испуганные взгляды на подвал дома. Джейни обнаружила, что, слегка сосредоточившись, может передвинуть комбинезоны — конечно, если они не на девочках. Она настойчиво тренировалась, лежа

на подоконнике, подложив под грудь подушку, прищурив от усилий глаза. Сначала одежда оставалась лежать и только чуть шевелилась, как будто от легкого сквозняка. Но вскоре Джейни научилась перемещать комбинезоны, и они ползли по бетону, как жирные крабы. Замечательно было смотреть, как переполошились девочки, когда это случилось, и шум стоял восхитительный. После этого близнецы стали осторожней, и Джейни иногда приходилось лежать минут сорок, дожидаясь возможности. Но даже и тогда она сдерживалась, а девочки, одна в комбинезоне, вторая голая, кружили вокруг второго комбинезона, как котята, играющие с жуком. И тут Джейни начинала действовать, комбинезон взлетал, близнецы прыгали; иногда им удавалось сразу поймать его, но иногда приходилось бегать, пока их маленькие легкие не начинали пыхтеть, как игрушечный паровой двигатель.

Джейни узнала, почему они так опасались подвальной двери. Вскоре ей удалось не просто передвигать комбинезоны, но и поднимать их. Она сдерживалась, дожидаясь, пока близнецы утратят бдительность. Наконец они сбросили одежду, отбежали, потом вернулись, словно бросая ей вызов. Она продолжала ждать, пока

оба комбинезона не оказались вместе, как маленькая розово-белая горка. И тут она ударила. Комбинезоны поднялись в воздух и по вертикали устремились к подоконнику окна первого этажа. Так как двор располагался чуть ниже уровня улицы, одежда оказалась на высоте в шесть футов, и девочкам было никак не достать ее. Тут Джейни и оставила комбинезоны.

Одна из девочек убежала в центр двора и принялась возбужденно подпрыгивать, выгибая шею, чтобы разглядеть комбинезоны. Вторая направилась к стене под окном, вытянула, как могла, руки, цеплялась за кирпичи гораздо ниже цели. Потом они подбежали друг к другу и тревожно защебетали. Спустя какое-то время снова попытались вдвоем подняться по стене. И все чаще бросали испуганные взгляды на дверь подвала, все меньше и меньше было удовольствия в их писке.

Наконец они скорчились как можно дальше от двери, обняли друг друга и тупо смотрели. Постепенно они затихли и молчали, два комочка ужаса.

Джейни, восхищенно ждавшей, казалось, что прошли часы… недели, прежде чем она услышала стук и увидела, как открывается дверь.

Вышел дворник, как всегда чуть навеселе. Джейни видела красные мешки под его бело-желтыми глазами.

— Бонни! — взревел он. — Винни! Вы опять? — Вышел во двор и осмотрелся. Вы только поглядите на себя! Где ваша одежда? — Он наклонился, подхватил девочек — каждую одной из своих больших рук. Крепко держал, так что пальцы их ног едва касались цемента двора, а маленькие острые локти устремлялись в небо. Повернулся раз, два, осматриваясь; наконец заметил комбинезоны на подоконнике. — Как вы это сделали? — спросил он. — Выбросили свою дорогую одежду? Я вас выпорю!

Он опустился на одно колено и уложил на него маленькие тельца. Возможно, он сложил руку так, чтобы было больше шума, чем гнева, но шум получился впечатляющий. Джейни захихикала.

Дворник четырежды шлепнул каждую девочку, потом поставил их на ноги. Они стояли молча, прижав руки к попкам, и смотрели, как он подходит к окну и снимает комбинезоны. Бросив одежду к их ногам, дворник погрозил им пальцем.

— Еще раз поймаю вас и попрошу прийти мистера Мил-тона, кондуктора. Он у вас проделает

в ушах дыры. Понятно? — взревел он. Девочки съежились, глаза у них округлились. Дворник ушел в подвал, захлопнув за собой дверь.

Близнецы медленно забрались в комбинезоны. Потом пошли в тень стены и сели, прижимаясь спиной. Пошептались. И в этот день у Джейни больше не было забав.

* * *

По другую сторону улицы от дома Джейни находился парк. В нем была площадка для оркестра, ручей, вылинявший павлин в проволочной клетке и небольшая, но густая рощица карликовых дубов. А в рощице скрытая полоска земли, известная только Джейни и нескольким тысячам молодых людей, которые пользовались ею по ночам. Но так как Джейни никогда не бывала здесь по ночам, она считала себя открывательницей и владелицей этого клочка земли.

Дня через четыре после случая с шлепаньем она вспомнила об этом месте. Без близнецов ей было скучно: больше они ничего интересного не делали. Мама, закрыв дочь в комнате, ушла куда-то на ланч. (Один из ее поклонников, когда она так сделала, как-то спросил: «А как же ребенок? Вдруг пожар или что-нибудь?». — «Как же, жди», — с

сожалением ответила Вайма.) Дверь ее комнаты закрывалась снаружи крючком. Джейни подошла к двери и посмотрела на соответствующее место внутри. Услышала, как поднялся и упал крючок. Девочка открыла дверь, вышла в коридор и направилась к лифту. Когда лифт подошел, она вошла в него и нажала кнопки третьего, второго и первого этажей. На каждом этаже лифт останавливался, дверь открывалась, закрывалась, лифт спускался, снова останавливался, открывалась дверь… Джейни это забавляло: ведь так глупо. Внизу она снова нажала все кнопки и вышла. Глупый лифт пошел вверх. Джейни с сожалением засмеялась и вышла на улицу.

Осторожно перешла ее, глядя в обе стороны. Но оказавшись в роще, повела себя гораздо менее благовоспитанно. Взобралась по ветвям дуба и многочисленным развилкам к ветке, которая нависала над ее тайным убежищем. Ей показалось, что она заметила движение в кустах, но она не была уверена. Джейни свесилась с ветки, принялась перебирать руками, пока ветка не начала сгибаться, подождала, пока она перестала раскачиваться, и выпустила.

Обычно до почвы она пролетала восемь дюймов. В то же мгновение, как она разжала пальцы,

что-то подхватило и сильно дернуло назад ее ноги. И Джейни ударилась о землю животом. В это время руки ее были прижаты к животу. От удара она перевернулась и втиснула собственный кулак в солнечное сплетение. И на невероятно долгое время превратилась в клубок сплошной боли. Долго она сражалась с болью, пока наконец воздух не устремился снова в легкие, вышел через ноздри, но вторично вдохнуть она снова не смогла. Долго мучительно кашляла и хрипела, пока боль не начала отступать.

Джейни сумела приподняться на локте. Выплюнула грязь и пыль. Открыла глаза и увидела всего в нескольких дюймах сидящую на корточках одну из девочек-близнецов.

— Хо-хо! — сказала девочка, схватила ее за руку и сильно потянула. И Джейни снова упала лицом вниз. Она рефлекторно подогнула колени. Сильно ударилась крестцом. Успела оглянуться через плечо и бросилась в сторону, увидев вторую девочку с планкой от бочки в руках.

— Хи-хи, — сказала вторая близняшка. Джейни сделала то же, что сделала с болезненным черноглазым человеком на приеме с коктейлями.

— Иииип, — сказала близняшка и исчезла, унеслась, как вылетает из пальцев стиснутое яб-

лочное семечко. Планка от бочки со стуком упала на спрессованную землю. Джейни подхватила ее, размахнулась и опустила на голову той девочки, которая дернула ее за ноги. Но планка ударилась в землю: перед Джейни никого не было.

Джейни заплакала и с трудом встала. Она была одна в темном убежище. Повернулась в одну сторону, в другую. Никого. Ничего.

Что-то плюхнулось ей прямо в волосы. Она схватилась рукой. Мокро. Подняла голову, и в этот момент плюнула вторая близняшка. Плевок попал в лоб.

— Хо-хо, — сказала одна.

— Хи-хи, — подхватила вторая.

Джейни вздернула верхнюю губу, обнажив зубы точно как ее мать. В руках она по-прежнему держала планку. И изо всех сил бросила ее вверх. Одна из девочек даже не шевельнулась. Вторая исчезла.

— Хо-хо. — Вот она, сидит на другой ветке. Обе широко улыбаются.

Джейни швырнула в них комок ненависти, о какой раньше даже не подозревала.

— Ууух, — сказала одна. Вторая сказала:

— Иииип. — И обе исчезли.

Стиснув зубы, Джейни ухватилась за ветку и

вскарабкалась на дерево.

— Хо-хо.

Очень далеко. Джейни оглянулась, посмотрела вниз и вверх. Что-то заставило ее посмотреть через улицу.

На стене двора сидели две маленькие фигурки, похожие на горгулий. Они помахали руками и исчезли.

Джейни долго сидела на дереве и смотрела на стену. Потом перебралась на развилку, где могла сидеть, прижавшись спиной к стволу. Расстегнула пуговицу на кармане и достала носовой платок. Смочила его слюной и начала стирать грязь с лица.

«Им всего три года, — сказала она себе с поразительной высоты своего возраста. Потом:

— Они знали, кто это делал, кто передвигал их комбинезоны».

И вслух, восхищенно:

— Хо-хо… — В ней не осталось гнева. Четыре дня назад близнецы не могли даже дотянуться до подоконника в шести футах. Не могли уйти от порки. А теперь только посмотрите.

Джейни спустилась с дерева и осторожно перешла улицу. В вестибюле она вытянулась и нажала сверкающую медную кнопку с надписью «двор-

ник». Ожидая, она переступала по плиткам пола.

— Кто нажал? Ты нажала? — Голос его заполнил весь мир.

Она остановилась перед ним и поджала губы, как делала мама, когда говорила по телефону и у нее становился мурлыкающий голос.

— Мистер Виддкомб, мама сказала, что я могу поиграть с вашими маленькими девочками.

— Она так сказала? Ну, что ж. — Дворник снял свою круглую шляпу и ударил ею о ладонь. — Ну. Очень хорошо… малышка, — строго добавил он. — А твоя мама дома?

— О, да, — ответила Джейни, буквально светясь искренностью.

— Подожди здесь, — сказал он и застучал по ступеням подвальной лестницы.

На этот раз ей пришлось ждать более десяти минут. Вернулся запыхавшийся дворник с близнецами. Девочки выглядели очень серьезными.

— Не позволяй им озорничать. И смотри, чтобы они не раздевались. Им одежда нравится не больше, чем обезьяне в джунглях. Ну, дети, дайте руки девочке.

Близнецы осторожно подошли. Джейни взяла их за руки. Они смотрели ей в лицо. Она пошла к лифту, они за ней. Дворник улыбался им вслед.

* * *

В этот день вся жизнь Джейни изменилась. Наступило время принадлежности, единства, общих мыслей. Для своего возраста Джейни обладала удивительно обширным словарем, но не произносила ни слова. Близнецы еще не научились говорить. Их писки и щебет были побочным средством, сопровождавшим совсем другой способ общения.

Джейни усвоила этот способ, неожиданно открыла его для себя, быстро овладела им.

Мать ненавидела и боялась ее. Отец оставался далеким сердитым существом, которое всегда либо кричало на мать, либо замыкалось в себе. С девочкой никто никогда не разговаривал.

Но здесь она обнаружила способ разговаривать, подробно, бегло, захватывающе и при этом беззвучно, только со смехом. Девочки обычно молчали. Неожиданно садились и начинали листать красивые книги Джейни. Потом неожиданно хватали кукол. Джейни показала им, как достать шоколад из коробки в другой комнате, не заходя туда, как бросать к потолку подушку, не притрагиваясь к ней. Девочкам это понравилось, хотя больше всего их поразили набор красок и

мольберт.

То, что они обрели, навсегда их связало; теперь все всегда будет для них ново и никогда не повторится.

День пролетел быстро и легко, как стремительная чайка. Когда хлопнула дверь и послышался голос Ваймы, близнецы еще были у Джейни.

— Ладно, ладно, заходи, выпьем, зачем стоять здесь всю ночь? — Мама сняла шляпу, и волосы упали ей на плечо. Мужчина грубо схватил ее, прижал к себе и впился ей в лицо. Она завопила:

— Ты спятил! — И тут увидела трех девочек. — Боже милостивый, — сказала она, — да она всю квартиру заполнила ниггерами.

— Они идут домой, — решительно ответила Джейни. — Сейчас отведу их.

— Честно, Пит, — повернулась мама к мужчине, — это в первый раз. Поверь мне, Пит. Как ты думаешь, в каком месте я живу? Мне не нравится твой взгляд. Убирайтесь отсюда! — закричала она. — Честно, Пит, помоги мне. Никогда раньше…

Джейни вышла в коридор и пошла к лифту. Посмотрела на Бонни и Бинни. У них округлились глаза. У Джейни во рту пересохло, и от смущения затекли ноги. Она посадила близнецов в лифт и

нажала нижнюю кнопку. Даже не попрощалась.

Потом медленно вернулась в квартиру и закрыла за собой дверь. Мать встала с колен мужчины и прошла по комнате. Зубы ее сверкали, а подбородок был мокрый. Она подняла когти — не руку, не кулак, а красные острые когти.

Что-то произошло у Джейни внутри. Что-то похожее на скрип зубов, но гораздо глубже. Она шла, не останавливаясь. Заложила руки за спину и задрала подбородок, чтобы смотреть матери в глаза.

Вайма замолкла. Она нависла над пятилетней девочкой, вытянув руки, нависла, свернулась, волна с кровавой пеной, готовая обрушиться.

Джейни прошла мимо нее в свою комнату и негромко закрыла дверь. Руки Вайны странно, словно обладая собственной волей, дернулись за ней. Мама постепенно овладела своими руками, восстановила равновесие тела и обрела голос. За ней стучал зубами о стакан мужчина.

Вайма повернулась и направилась к нему, держась за мебель.

— Боже, — прошептала она, — от нее у меня мурашки по телу…

Мужчина сказал:

— Что-то у тебя тут неладно.

* * *

Джейни лежала на кровати неподвижно и безжизненно, как круглая зубочистка. Ничего не входило, ничего не выходило. Каким-то образом ей удалось найти поверхность, которая все тянется, и пока она продолжает тянуться, ничего с ней не случится.

«Но если что-то случится, — послышался шепот, — ты сломаешься».

«Но если я не сломаюсь, ничего не случится», — ответила она.

«Но если что-то… «.

Тянулись темные часы.

Дверь приоткрылась, в нее пробился свет.

— Он ушел. Девочка, у меня есть к тебе дело. Вставай! — Задев купальным халатом за косяк, Вайма повернулась и вышла.

Джейни отбросила одеяло и спустила ноги с кровати. Сама не понимая почему, она начала одеваться. Надела красивое клетчатое платье и туфли с двумя пряжками, вязаные штанишки и фартук с кроликами. На чулках у нее тоже кролики, и на свитере пуговицы похожи на пушистые кроличьи хвосты.

Вайма сидела на диване и била и била по нему

кулаком.

— Ты помешала мне празд… — сказала она и отпила из квадратного стакана, -..новать, поэтому должна знать, что я праздную. Ты знаешь, у меня были большие неприятности, и я не знала, как с ними справиться. А теперь, маленькая девочка Большие Уши, я тебе говорю, что у меня все в порядке. Большой Рот. Острячка. С твоим отцом я могла справиться, но что мне было делать с тобой и с твоим большим ртом, когда отец вернется? Вот в чем была моя беда. Ну так вот, все это позади, он не вернется, фрицы все для меня устроили. — Она помахала желтым листком. — Умная девочка знает, что такое телеграмма, а в телеграмме говорится: «С прискорбием… извещаем, что ваш муж…». Твоего отца застрелили, вот о чем с прискорбием извещают, и отныне все остается между тобой и мной. Я буду делать, что хочу, и ты делай, что хочешь, но не суй нос в мои дела.

Справедливо?

Она повернулась, ожидая ответа, но Джейни не было. Вайма знала, что искать бесполезно, но что-то заставило ее подойти к коридорному шкафу и посмотреть на верхнюю полку. Там не было ничего, кроме рождественских украшений, к которым не притрагивались уже три года.

Она стояла посредине гостиной, не зная, куда направиться. Прошептала:

— Джейни?

Прижала руки к лицу и подняла волосы. Все поворачивалась, поворачивалась и спрашивала:

— Что это со мной такое?

* * *

Продд обычно говорил:

— С фермой дела обстоят так: есть рынок — есть деньги, нет рынка — есть по крайней мере еда. — На самом деле этот принцип вряд ли был применим к его ферме, потому что Продд почти ничего не продавал. До города далеко, и что с того, что у бороны выпал зуб. — Остальные все равно есть, — Два выпали, восемь, двенадцать? — Возьмем другую. Никогда сюда не проложат дорогу. Все проходит мимо. — Даже война прошла мимо. Продд уже вышел из призывного возраста, а Лоун… Шериф приехал однажды, поглядел, как слабоумный работает на Продда, и ему хватило одного взгляда.

В молодости у Продда была маленькая ферма; женившись, он начал делать к ней пристройку — небольшую, всего одну комнату. Эта комната не использовалась. В этой комнате спал Лоун, но

она предназначалась не для этого.

Лоун ощутил перемену раньше всех, раньше даже, чем миссис Продд. Изменилась природа ее молчания. Молчание, полное гордости. Лоун ощутил эту перемену, как ощущает ее человек, который гордился своими драгоценностями и вдруг начинает гордиться зеленым ростком. Но Лоун ничего не сказал и ничего не заключил; он просто знал.

Он продолжал работать, как раньше. Работал он хорошо;

Продд обычно говорил: «Можно подумать, парень до несчастного случая был фермером». Он не знал, что его стиль ведения хозяйства был открыт для Лоуна, как вода из насоса. Да и все остальное, что требовалось Лоуну.

Поэтому когда Продд пришел на южный луг, где Лоун без устали размахивал косой, он уже знал, что собирается сказать фермер. На мгновение поймав взгляд Продда своими странными тревожащими глазами, он ронял, что фермеру трудно сказать это.

Лоуну легко было понимать смысл, но трудно давались тонкости выражения. Он перестал косить, отошел на опушку леса и вонзил косу в трухлявый пень. Это дало ему время отрепетиро-

вать свою речь, хотя язык его по-прежнему, даже после восьми лет на ферме, работал с трудом.

Продд медленно шел за ним. Он тоже готовился.

Неожиданно Лоун нашел слова.

— Думал, — сказал он.

Продд ждал, радуясь отсрочке. Лоун сказал:

— Я должен уходить. — Не совсем то, что нужно. — Уходить один, — добавил он, наблюдая. Так гораздо лучше.

— Лоун. Почему?

Лоун посмотрел на него: «Потому что ты этого хочешь».

— Тебе здесь не нравится? — спросил Продд, совсем не желая это сказать.

— Нравится. — В сознании Продда он уловил: «Неужели он знает?» сам же ответил: «Конечно, знаю». Но Продд этого не мог слышать. Лоун медленно сказал:

— Самое время уходить.

— Ну. — Продд пнул камень. Отвернулся, посмотрел на дом. Теперь он не видел Лоуна, и у него получилось легче. — Когда мы здесь поселились, построили комнату Джека, твою комнату, ту, в которой ты спишь. Мы назвали ее комнатой Джека. Знаешь, почему? Знаешь, кто такой Джек?

«Да», — подумал Лоун. Но ничего не сказал.

— Ну, раз уж ты сам решил уходить… теперь тебе все равно. Джек — это наш сын. — Продд стиснул руки. — Наверно, забавно звучит. Мы так были в нем уверены, построили эту комнату на деньги от продажи семян. Джек, он…

Он посмотрел на дом, на пристройку, потом на неровный край леса.

— ., он так и не родился, — закончил Продд.

— Ага, — сказал Лоун. Он уже знал обо всем от Продда.

Полезно заранее знать мысли.

— Но сейчас он скоро родится, — торопливо заговорил Продд. Лицо его осветилось. — Мы немного староваты для этого, но бывают папаши вдвое старше, и мамы тоже. — Он снова посмотрел на дом, на амбар. — Понимаешь, Лоун, по-своему это имеет смысл. Если бы все было так, как мы сначала планировали, ферма была бы слишком мала. Джек вырос бы и сам начал работать, и нам некуда было бы деваться. А теперь, я думаю, когда он вырастет, нас просто не станет, и он возьмет красивую жену и начнет так же, как мы. Видишь, все имеет смысл? — Он, казалось, упрашивает. Лоун и не пытался понять его.

— Лоун, слушай меня, я не хочу, чтобы ты счи-

тал, что мы тебя выгоняем.

— Сказал, что ухожу. — Подумав, он добавил. — До того, как ты мне сказал. — «Это, — подумал он, — очень правильно».

— Послушай, я еще кое-что хочу сказать, — продолжал Продд. — Я слышал, рассказывают: люди, которые хотят детей, не могут их иметь; иногда они перестают стараться и принимают кого-нибудь к себе. И иногда, когда в доме оказывается ребенок, у них появляется свой.

— Ага, — сказал Лоун.

— Понимаешь, мы взяли тебя, правда, и только посмотри. Лоун не знал, что сказать. «Ага» казалось неподходящим.

— Мы должны тебя поблагодарить за это, вот что я хочу сказать. И мы не хотим, чтобы ты думал, что мы тебя выгоняем.

— Я уже сказал.

— Ну, хорошо. — Продд улыбнулся. На лице у него множество морщин, в основном от смеха.

— Хорошо, — сказал Лоун. — Насчет Джека. — Он энергично кивнул. — Хорошо. — Подобрал косу. Добравшись до нескошенного места, оглянулся. «Идет медленней, чем обычно», — подумал он.

* * *

Следующей сознательной мыслью Лоуна было: «Что ж, с этим покончено».

«С чем покончено?» — спросил он себя.

Он огляделся.

— С косьбой, — сказал вслух. И только тогда понял, что работает уже три часа после ухода Продда. Словно это делал какой-то другой человек. А он сам его самого не было.

С отсутствующим видом он взял точильный камень и принялся править косу. Когда двигал точило медленно, звук походил на закипающую воду, а когда быстро — на крик умирающей землеройки.

Когда он научился ощущать уходящее время, как будто оно у него за спиной?

Он двигал Камень медленно. Еда, тепло, работа. Торт на день рождения. Чистая постель. Ощущение… «Принадлежность» — это не слово, а мысль. Слова такого он не знал.

Нет, исчезнувшее время Не существует в его воспоминаниях. Он двинул камень быстрее.

Смертные крики в лесу. Одинокий охотник И его одинокая добыча. Сок течет, медведи спят, птицы улетают на юг, и все делают это вместе, но

не потому, что принадлежат. Просто они одинокие существа, которые боятся одного и того же.

Так проходило время, и Лоун его не осознавал. Так было всегда, до его прихода сюда. Так он жил.

Но почему это снова приходит к нему сейчас?

Он обвел взглядом землю, как сделал это Продд, увидел дом, пристройку, поля, лес, в котором ферма заключена, как вода в бассейне. Когда я один, подумал он, время так проходит. И сейчас время так проходит, поэтому я снова должен быть один.

И тут же он понял, что всегда был один. Миссис Продд не вырастила его. Все это время она на самом деле растила своего Джека.

Когда-то в лесу, погруженный в воду, пронизанный болью, он был частью чего-то, но влажность и боль у него отобрали. И если все эти восемь лет он считал, что нашел нечто иное, чему может принадлежать, он ошибался.

Гнев ему несвойствен, он испытывал его только однажды. Но сейчас гнев пришел снова, накатился волной, которая нахлынула, прошла и оставила его ослабевшим. Разве не зря он принял такое имя, зная, что имя — это кристаллизация сути? Разве не всегда он был одинок? Почему же

он должен чувствовать что-то другое?

Не правильно. Не правильно, как пернатая белка или волк с Деревянными зубами. Не несправедливо, не нечестно, просто не правильно. То, Что Не может существовать под небом… мысль о том, что такой, как он, может быть единым с кем-то, принадлежать кому-то.

Слышишь это, сынок? Слышишь это, человек?

Слышишь это, Лоун?

Он сорвал три свежих стебля тимофеевки и сплел их вместе. Перевернул косу и воткнул рукоятью в землю, чтобы она стояла вертикально. Привязал сплетенную траву к ручке и сунул в это гнездо точильный камень. И ушел в лес.

* * *

Было слишком поздно даже для ночных посетителей рощи. Холодно у корней карликовых дубов и темно, как в сердце мертвеца.

Джейни сидела на голой земле. Она немного осела, и ее клетчатая юбка задралась. Ноги у девочки заледенели, особенно когда ветерок пошевелил ночной воздух. Но она не одергивала юбку, потому что это не имело значения. Рука ее лежала на пушистых пуговицах свитера, потому что два часа назад Джейни играла этими пугови-

цами и думала, каково это быть кроликом. Сейчас ей было все равно, напоминают ли пуговицы хвост кролика, и вообще где лежит ее рука.

Она уже все узнала, что можно было узнать в этом месте. Узнала, что если долго не мигать, когда хочется мигнуть, глаза начнут болеть. Если оставить их открытыми дольше, они будут болеть все сильнее. А потом, если все еще их не закрывать, они неожиданно перестанут болеть.

Но в роще слишком темно, чтобы понять, могут ли глаза тогда видеть.

Джейни узнала, что если очень долго сидеть неподвижно, тело начнет болеть, но потом перестанет. Однако тогда нельзя шевелиться, потому что начнет болеть очень сильно.

Когда волчок вращается, он стоит вертикально и передвигается. Когда его вращение замедляется, он стоит на месте и раскачивается. Когда вращение замедляется еще больше, волчок начинает шататься, как майор Гренфелл после приема с коктейлями. Потом он почти останавливается, ложится, подпрыгивает и дергается. А после этого застывает неподвижно.

Когда Джени счастливо проводила время с близнецами, она вращалась, как юла. Когда мама пришла домой, юла остановилась и начала

раскачиваться. Когда мама отправила Джейни в постель, юла раскачивалась все сильнее. Когда девочка спряталась здесь, ее внутренний волчок подпрыгнул и забился. А сейчас он почти неподвижен.

Джейни проверила, насколько сможет задержать дыхание. Перестала делать глубокие вдохи, только легкие и поверхностные, пропустила вдох, пропустила выдох. Постепенно промежутки стали длительней периодов дыхания.

Ветер шевельнул ее юбку. Но Джейни ощутила это движение как очень далекое. Как будто между ним и ее ногами тонкая подушка.

Волчок, из которого уходила жизнь, вращался все медленней и медленней, край его касался пола. И наконец он остановился… и начал вертеться в противоположную сторону, но медленно и немного и остановился, и снова немного в другую сторону; очень темно, чтобы чему-то вертеться, но даже если увидишь, ничего не услышишь, слишком темно.

Тем не менее она покатилась. Повернулась на живот, потом на спину, боль сжала ей ноздри, заполнила живот, словно содовой водой. Джейни ахнула от боли, но ахать — значит дышать, и она вдохнула снова и вспомнила, кто она. Снова

повернулась, не желая этого, и что-то похожее на маленькое животное пробежало по ее лицу. Джейни слабо сопротивлялась. Она обнаружила, что рядом с ней не воображаемые маленькие животные, а настоящие, реальные. Они шепчутся и воркуют. Джейни попыталась сесть, и маленькие животные сзади помогли ей. Девочка наклонила голову и почувствовала на груди тепло собственного дыхания. Одно маленькое животное погладило ей щеку, она подняла руку и поймала его.

— Хо-хо, — сказало оно.

По другую сторону к Джейни прижалось что-то мягкое, маленькое и сильное. Оно сказало:

— Хи-хи.

Джейни одной рукой обняла Бонни, другой Бинни и заплакала.

Лоун пришел за топором. Голыми руками немного сделаешь.

Выйдя из леса, он увидел изменения на ферме. Как будто раньше она жила только серыми днями, а сейчас ее осветило солнце. Все цвета стали намного ярче, чище и отчетливее запахи амбара, запахи растительности, запахи древесного дыма. Кукуруза устремилась к небу с такой силой, словно грозила оторваться от корней.

Где-то на склоне рычал и подвывал почтенного возраста грузовик-пикап Продда. Пройдя вдоль края поля, Лоун спустился по склону и увидел грузовик. Он стоял на паровом поле, которое Продд, очевидно, решил вспахать. К машине был прикреплен плуг, с которого все лемехи, кроме одного, были сняты. Правое заднее колесо провалилось в борозду, грузовик сидел на задней оси, и колесо вращалось почти свободно. Продд ручкой кирки заталкивал под один его конец камни. Увидев Лоуна, он выронил кирку и побежал ему навстречу, его лицо озарилось улыбкой. Он схватил Лоуна за руки и принялся читать его лицо, как страницу книги, медленно, шевеля губами.

— Парень, я думал, мы тебя больше не увидим. Ты так ушел.

— Тебе нужна помощь, — сказал Лоун, имея в виду грузовик.

Продд неверно его понял.

— Еще бы, — сказал он, счастливо улыбаясь. — Пошли на ферму, посмотрим, чем ты сможешь помочь. О, я все делаю сам, Лоун, поверь мне. Конечно, помощь мне не помешает. Но мне нравится делать самому. Работать, я хочу сказать.

Лоун поднял кирку. Подтолкнул камни под колесо.

— Садись за руль, — сказал он.

— Погоди, пока ма тебя увидит, — говорил Продд. — Как в старые времена. Он сел за руль и включил двигатель. Лоун повернулся спиной, прижался к станине, взялся за нее руками и, когда включилось сцепление, поднял. Корпус поднялся, насколько позволили задние подвески, колесо завертелось. Лоун откинулся. Колесо нашло опору, и грузовик, раскачиваясь, передвинулся на твердую почву.

Продд вышел из кабины и посмотрел в яму — неудержимое, но бесполезное стремление человека, который подбирает осколки разбитой чашки и прикладывает друг к другу. Раньше я говорил, что ты родился фермером, — улыбнулся он. Теперь я знаю. Ты был гидравлическим подъемником.

Лоун не улыбнулся. Он никогда не улыбался. Продд прошел к плугу, и Лоун помог ему присоединить прицеп к грузовику.

— Лошадь пала, — объяснил Продд. — Грузовик в порядке, но хотелось бы мне, чтобы такое не случалось. Половину времени приходится его выкапывать. Надо бы купить другую лошадь, но знаешь: я все откладываю на то время, когда появится Джек. Думаешь, меня расстроило, что я

потерял лошадь? — Он посмотрел на дом и улыбнулся. — Больше меня ничего не расстраивает. Ты завтракал?

— Да.

— Ну, поешь еще раз. Ты ведь знаешь ма. Она нас не простит, если не накормит тебя.

Они пошли в дом, и ма, увидев Лоуна, крепко обняла его. В Лоуне что-то неприятно шевельнулось. Ему нужен топор. Ему казалось, что все остальное решено.

— Садитесь, а я приготовлю завтрак.

— Я тебе говорил, — сказал Продд, глядя на нее с улыбкой. Лоун наблюдал за женщиной. Она отяжелела и выглядела счастливой, как котенок в коровнике. — Чем ты сейчас занимаешься? — спросил Продд.

Лоун посмотрел ему в глаза и прочел ответ.

— Работаю, — ответил он. Неопределенно пошевелил рукой. — Там.

— В лесу?

— Да.

— А что делаешь? — Лоун молчал, и Продд добавил:

— Ты нанялся? Нет? Значит охотишься?

— Охочусь, — ответил Лоун, зная, что этого будет достаточно.

Он поел. Со своего места он видел комнату Джека. Кровать исчезла. Ее место заняла другая, маленькая, не длиннее его руки, закутанная в светло-голубую ткань и марлю со множеством нашитых оборок.

Когда он кончил есть, все некоторое время сидели за столом и молчали. Лоун посмотрел в глаза Продду и прочел в них: «Он хороший парень, но не из тех, кто приходит в гости». Смутно представилось ему понятие «в гости» — звуки разговоров и смеха. Лоун понял, что это еще одно из многих отсутствующих у него свойств, из того, что он никогда не сможет сделать. Поэтому он просто попросил у Продда топор и ушел.

— Как ты думаешь, он на нас не рассердился? — с тревогой спросила миссис Продд, глядя ему вслед.

— Он? — сказал Продд. — Он не пришел бы, если бы сердился. До сегодняшнего дня я сам этого боялся. — Он подошел к двери. — Не поднимай ничего тяжелого, дорогая.

* * *

Джейни читала медленно и отчетливо. Ей не нужно было читать вслух, только очень четко думать про себя, чтобы близнецы могли понять.

Она дошла то того места, где женщина привязала мужчину к столбу и выпустила из шкафа другого мужчину, «моего соперника, смеющегося любовника». Он там прятался. Женщина дала ему хлыст. Тут Джейни подняла голову и увидела, что Бонни исчезла, а Бинни сидит в холодном камине и делает вид, что она мышка, прячущаяся в пепле.

— О, вы не слушаете, — сказала она. «Хотим ту, с картинками», — пришло бессловное сообщение.

— Она мне так надоела, — капризно сказала Джейни. Тем не менее закрыла «Венеру в мехах» фон Захер-Мазоха и положила на стол. — Все равно здесь самое интересное уже кончилось, — пожаловалась она, идя к полкам. Нужный том нашла между «Мой пистолет быстр» и «Иллюстрированным Ливаном Блохом» и отнесла его к креслу. Бинни исчезла из камина и появилась у кресла. Бонни встала по другую сторону; где бы она ни была, она следила за происходящим. Книга ей нравилась даже больше, чем Бинни.

Джейни наудачу раскрыла страницу. Близнецы, затаив дыхание, выпучив глаза, наклонились вперед.

«Читай».

— Ну, хорошо, — сказала Джейни. — Д34556.

Портьера. Двойные сборки. Длина 90 дюймов. Цвета кукурузы, красный цвет, зеленый и белый. 24 доллара 68 центов. Д34557. Занавеси в деревенском стиле. В клетку. См, рис. 4 доллара 92 цента пара. Д34…

И все были счастливы.

Они были счастливы с того времени, как оказались здесь, и большую часть суматошного времени до этого. Они научились бесшумно открывать заднюю дверцу фургона грузовика и неподвижно лежать под сеном, и Джейни умела расстегивать зажимы на веревке с бельем, а близнецы могли появляться ночью в кладовке и открывать дверь изнутри, если она была закрыта на замок, который не могла открыть Джейни, как поднимала крючок. Но лучше всего им помогала способность близнецов отвлекать внимание, если кто-нибудь замечал Джейни. Они быстро поняли, что две голые девочки, бросающие камни со второго этажа, падающие под ноги, чтобы преследователь запнулся, садящиеся на плечи и поднимающие рубашки, делали Джейни неуловимой, хотя она просто бежала. Хо-хо.

Но лучше всего оказался этот дом. Он был в милях и милях от всего и всех, и сюда никто не приходил. Большой дом на холме, в лесу, таком

густом, что дома совершенно не видно. Дом с высокой стеной вокруг, с железной изгородью в лесу, а через изгородь протекал ручей. Дом отыскала Бонни, когда они однажды устали и легли спать у дороги. Бонни проснулась раньше всех и отправилась бродить одна. Нашла изгородь, пошла вдоль нее и увидела дом. Впрочем, они не знали, как провести в него Джейни, пока Бинни однажды не упала в ручей и не оказалась за изгородью.

В самой большой комнате нашлось множество книг и груды старых простыней, в которые можно было закутаться, когда становилось холодно. В холодном темном погребе они отыскали ящики с консервированными овощами, бутылки вина. Бутылки они разбили. Вино оказалось невкусным, но пахло замечательно. Снаружи имелся бассейн, и в нем купаться было интересней, чем в ванной. В ванной не было окон. Много мест для игры в прятки. И даже маленькая комнатка с цепями на стене и с решеткой.

* * *

С топором дела пошли лучше.

Лоун никогда не отыскал бы это место, если бы не поранился. За все годы, что он бродил по лесу,

часто слепо и ни на что не обращая внимания, он никогда не попадал в такую ловушку. Мгновение назад он стоял на вершине скального выступа, а в следующее мгновение оказался на двадцать футов ниже, в яме, заросшей колючим кустарником, погруженный в перегной. Он повредил глаза, и невыносимо болела левая рука.

Выбравшись, он осмотрел это место. Возможно, когда-то тут стояла вода, и внешний край этого бассейна выветрился. Но вода ушла, и осталось только углубление в склоне, заросшее изнутри и еще гуще снаружи, так что было закрыто и с боков, и спереди. Скала, с которой он упал, нависала над углублением, прикрывая его сверху.

Когда-то Лоуну было все равно, есть рядом с ним люди или нет. Теперь же он хотел только одного — остаться в одиночестве. Но восемь лет на ферме изменили его образ жизни. Ему нужно убежище. И чем больше он смотрел на это скрытое углубление, с нависающей скалой и примыкающими земляными крыльями, тем больше оно походило на такое убежище.

Вначале он проделал самую примитивную работу. Расчистил заросли, чтобы можно было удобно лечь, и выдернул один-два куста, чтобы шипы не царапали, когда он проходил. Потом

пошел дождь, и пришлось прокопать канавку, чтобы вода не застаивалась внутри. Он также добавил наверху тростниковую крышу.

Проходило время, и это место все больше занимало его. Он выдернул еще несколько кустов и разровнял пол. Убрал все камни от задней стены и обнаружил, что в стене имеются готовые полки и углубления, в которых можно держать вещи. Лоун начал совершать набеги на фермы, граничащие с горой. Действовал он по ночам, брал в каждом месте очень немного и, если мог, никогда не приходил в одно и то же место дважды. Брал морковь, картошку, рыбу и сено, сломанный молоток и чугунный котелок. Однажды нашел кусок бекона, упавший с грузовика с бойни. Припрятал его, а когда вернулся, обнаружил, что до него добралась рысь. Это заставило его подумать о стенах. Именно поэтому он отправился за топором.

Он срубил деревья, самые большие, какие смог, обрубил ветви и втащил бревна на холм. Первые три бревна закопал так, чтобы они ограничивали пол, заднее бревно прижал к скале. Он нашел красную глину, которую можно было смешать со мхом. Получалась замазка, которая не пропускала насекомых и не размывалась водой. На этом основании он воздвиг стены и поставил

дверь. Он не стал делать окно, просто оставил промежуток между шестым и седьмым брусьями. Заточил несколько клиньев, которыми можно было сдвигать бревна, когда он уходил.

Первый очаг он устроил в индейском стиле, в центре помещения, с дырой вверху, чтобы выходил дым. В скалу вбил крючья, чтобы развешивать мясо для копчения, если повезет раздобыть мяса.

Он искал плоские камни для очага, когда его потянуло что-то невидимое. Лоун отскочил, словно обожженный, прижался к стволу дерева и осмотрелся, как загнанный лось.

Он уже давно знал о своей чувствительности к бесполезным (для него) сообщениям младенцев. И постепенно утрачивал эту способность. Особенно когда научился говорить.

Но сейчас кто-то позвал его — позвал, как ребенок, но не ребенок. И хотя призыв был слабым, он показался необыкновенно знакомым. Да, он был приятным и нужным, но одновременно в нем звучали отголоски ужаса неожиданных ударов и непристойных выкриков, следы великих утрат.

Ничего не было видно. Лоун медленно отодвинулся от дерева и снова нагнулся к камню, который пытался высвободить из земли. При-

мерно с полчаса он работал, упрямо пытаясь не обращать внимания на призыв. Но ничего не получилось.

Он потрясение встал и пошел в ответ на призыв, и весь мир вокруг превратился в сон. Чем дольше он шел, тем громче звучал призыв и сильней становилось его очарование. Лоун шел около часа, не сворачивая, если можно было пройти прямо, и к тому времени как достиг выщелоченной поляны, был почти загипнотизирован. Допустить большее участие сознания означало разжечь такой адский конфликт, который он не сможет выдержать. Слепо спотыкаясь, он подошел к ржавой изгороди и сильно ударился о нее местом над больным глазом. Цеплялся, пока не прояснилось зрение, осмотрелся и задрожал.

На мгновение он почувствовал сильнейшее стремление уйти из этого ужасного места и держаться подальше от него. Но в то же время, когда разум пытался вмешаться, Лоун услышал журчание ручья и начал поворачиваться к нему.

В том месте, где изгородь встречается с ручьем, он опустился в воду и пробрался к основанию изгороди. Да, отверстие на месте.

Лоун всмотрелся сквозь изгородь, но заросли падуба разрослись еще гуще. Ничего не слышно

— акустически. Но призыв…

Подобно тому, что он слышал раньше, призыв говорил о голоде, одиночестве, желании. Разница заключалась в желании. Без слов призыв сообщал, что пославший его слегка испуган, чем-то отягощен и встревожен состоянием этой тяжести. В сущности призыв спрашивал: «Кто позаботится обо мне сейчас?».

Может быть, помогла холодная вода. Сознание Лоуна неожиданно прояснилось. Он сделал глубокий вдох и нырнул. По другую сторону изгороди немедленно вынырнул, поднял голову и прислушался. Слушал внимательно, погрузившись в воду так, что торчали только ноздри. Очень осторожно продвинулся вперед, отталкиваясь локтями, пока голова его не оказалась под аркой и он смог видеть, что за ней.

На берегу сидела маленькая девочка, одетая в рваное клетчатое платье. Лет шести. Ее недетское лицо с острыми чертами казалось встревоженным и измученным. И если он считал, что его меры предосторожности достаточны, то ошибался. Девочка смотрела прямо на него.

— Бонни! — резко позвала она.

Ничего не произошло.

Лоун оставался на месте. Девочка продолжала

наблюдать за ним, но тревога ее не оставила. Лоун осознал две вещи: что ее тревога составляла сущность услышанного им призыва и что хоть она настороженно смотрела на него, но не считала настолько опасным, чтобы отрываться от своих мыслей.

Впервые в жизни он ощутил колкую и горячую смесь гнева и заинтересованности, которая называется раздражением. За ней последовала волна облегчения, словно он сбросил тяжелую ношу, которую нес на себе сорок лет. Он не знал… не знал, насколько тяжела эта ноша!

Ушли в прошлое хлыст и крики, волшебство и потери. Он все это помнил, но они принадлежали прошлому, их щупальца с нервными тканями оказались перерезанными и не могли дотянуться до него в настоящее. Призыв оказался не водоворотом крови и чувств, а бесцельным плачем голодного ребенка.

Лоун погрузился в воду и попятился, как большой рак. Прополз под изгородью, выбрался из ручья и вернулся к своей работе.

* * *

Возвращался он в свое убежище вспотевший, с восемнадцатидюймовым камнем на плече и

настолько уставший, что совершенно забыл об обычной осторожности. С шумом пробрался через кусты на крошечную полянку перед дверью и застыл.

У двери сидела на корточках совершенно голая девочка лет четырех.

Девочка посмотрела на него, и ее глаза, все ее темное лицо словно замерцало.

— Хи-хии! — счастливо сказала она.

Лоун уронил камень с плеча. Наклонился над девочкой, закрывая ее, высокий, как небо, и полный угрозы грома.

Она совершенно его не испугалась. Отвела взгляд и принялась деловито грызть морковку, поворачиваясь во время еды, как белка.

Лоун краем взгляда уловил движение. Из вентиляционной щели в бревенчатой стене показалась еще одна морковка. Упала на землю, и за ней последовала еще одна.

— Хо-хо! — Лоун опустил взгляд и увидел двух маленьких девочек.

Единственное преимущество, которое имел Лоун в таких обстоятельствах, заключалось в том, что ему не нужно было сомневаться в своем здравом рассудке и даже обсуждать с собой этот вопрос. Очень ценное преимущество. Лоун

наклонился и поднял одну из девочек. Но когда распрямился, ее не было.

Вторая была. Она очаровательно улыбнулась и начала грызть новую морковку.

Лоун спросил:

— Что ты делаешь? — Голос его звучал хрипло и неблагозвучно, как у глухонемого. Девочка вздрогнула. Перестала есть и с открытым ртом посмотрела на него. Ее рот был заполнен кусочками морковки и придавал ей сходство с пузатой печью с открытой дверцей.

Лоун опустился на колени. Он не отрывал от девочки взгляда, а его глаза однажды приказали человеку убить себя и много раз преодолевали инстинкт тех, кто не хотел его кормить. Не понимая почему, он действовал очень старательно. В нем не было ни гнева, ни страха, он просто хотел, чтобы девочка оставалась неподвижной.

Закончив, он протянул к девочке руки. Она шумно выдохнула, послав ему в глаза и нос множество кусочков морковки, и исчезла.

Лоун страшно удивился — что само по себе очень необычно, потому что его редко что-нибудь интересовало настолько, чтобы он смог удивиться. Еще более необычно — удивление было с оттенком почтительности.

Он встал, прижался спиной к бревенчатой стене и поискал девочек. Они стояли рядом, держась за руки, и смотрели на него. Смотрели удивленно, ожидая, что он сделает еще.

Однажды, несколько лет назад, он поймал оленя. Однажды с земли поймал птицу на верхушке дерева. Однажды поймал в ручье форель.

Однажды…

Лоун просто не создан был для того, чтобы гнаться за тем, кого не сможет поймать. Он наклонился, поднял камень, отодвинул кол, закрывавший вход, и вошел в свой дом.

Свалив камень в очаг, он забросал его остывающими углями. Потом подбросил дров и раздул пламя, повесил чугунный котелок. И все время за ним от двери наблюдали два силуэта с яркими глазами. Лоун не обращал на них внимания.

У дымовой дыры свисал с крюка освежеванный кролик. Лоун снял его, разорвал на четверти, сломал спину и бросил все в котелок. Из ниши достал картошку и несколько кристаллов горной соли. Соль пошла в котелок и картошка тоже, после того как он топором разрезал ее на половинки. Потом потянулся за морковкой. Кто-то забрал его морковь.

Лоун повернулся и сердито посмотрел на дверь.

Две головы исчезли из вида. Из-за двери послышались смешки.

Котелок кипел с час, а Лоун тем временем точил топор и связывал метлу, как у миссис Продд. И медленно, постепенно, по частичке дюйма за раз, его гостьи входили в дом. Глаза их не отрывались от кипящего котла. Девочки пускали слюнку.

Лоун продолжал свои дела, не глядя на девочек. Когда он приближался к ним, они отступали, а когда отходил, входили снова, и каждый раз чуть поближе. Вскоре отступления их стали меньше, а приближения больше, так что у Лоуна появилась возможность захлопнуть дверь, что он и сделал.

В неожиданно наступившей темноте шипение котелка и треск огня прозвучали очень громко. Других звуков не было. Лоун стоял спиной к двери. Он крепко зажмурил глаза, чтобы они быстрее привыкли к темноте. А когда открыл, полосок света из щелей и огня очага было достаточно, что увидеть всю комнату.

Маленькие девочки исчезли.

Лоун закрыл дверь на затвор и медленно обошел комнату. Никого.

Осторожно открыл дверь, потом широко распахнул ее. И снаружи их нет.

Он пожал плечами. Потянул себя за нижнюю

губу и пожалел, что больше нет моркови. Потом отставил котелок, чтобы еда остывала, и закончил точить топор.

Наконец он принялся за еду. И уже в качестве десерта облизывал пальцы, когда неожиданный стук в дверь заставил его высоко подпрыгнуть.

У двери стояла девочка в клетчатом платье. Волосы у нее были причесаны, лицо отмыто. Она небрежно держала в руках предмет, который, казалось, просто висит в воздухе. При ближайшем рассмотрении это оказалась коробка для сигар тикового дерева с прибитой четырехдюймовыми гвоздями веревкой.

— Добрый вечер, — вежливо сказала девочка, — я проходила мимо и подумала, что могу заглянуть в гости. Вы дома?

Такое подражание обедневшей даме, которая подобным образом напрашивается на обед, было совершенно непостижимо для Лоуна. Он продолжил облизывать пальцы, не отрывая взгляда от лица девочки. За ней неожиданно показались головы его предыдущих посетительниц, они заглядывали из-за двери.

Но вот ноздри девочки и ее глаза отыскали котелок с жарким. Девочка ласкала котелок взглядом. Потом неожиданно зевнула.

— Прошу прощения, — скромно сказала она. Открыла крышку сигарной коробки, достала оттуда какой-то белый предмет и быстро сложила его. Впрочем, недостаточно быстро, чтобы скрыть, что это большой мужской носок. Девочка вытерла им губы.

Лоуи встал, взял полено, положил его в огонь и снова сел. Девочка сделала еще один шаг вперед. Две черные девочки вошли и встали по обе стороны от двери как игрушечные солдатики. На лицах их застыло ожидание. На этот раз они были одеты. Одна в женские спортивные брюки, какие не носят с тех пор, как у автомобилей исчезли ручки для завода. Брюки доходили девочке до подмышек, и их поддерживали два обрывка той же веревки, которые служили бретельками. На второй плотный хлопчатобумажный комбинезон, вернее треть его. Комбинезон доходил до лодыжек, где проходил неровно обрезанный край.

С видом леди, проходящей по гостиной к сладостям, белая девочка подошла к котелку, одарила Лоуна легкой улыбкой, опустила ресницы и протянула руку, сказав:

— Вы разрешите?

Лоун вытянул длинную ногу и отодвинул

котелок от девочки. Поставил котелок на пол подальше и с неподвижным лицом посмотрел на девочку.

— Ах ты дешевый сукин сын, — процитировала девочка. И этого Лоун совершенно не понял. Пока он не научился обращать внимание на слова людей, такие замечания были для него совершенно бессмысленными. А потом он их просто не слышал. Поэтому он не понимая посмотрел на девочку и пододвинул котелок поближе к себе.

Глаза девочки сузились, лицо покраснело. Неожиданно она заплакала.

— Пожалуйста, — сказала она. — Я голодна. Мы голодны. У нас кончились консервы. — Голос отказал ей, но она продолжала шептать. — Пожалуйста, шептала она, — пожалуйста.

Лоун с каменным выражением разглядывал ее. Наконец она сделала робкий шаг к нему. Он поставил котелок на колени и обхватил руками. Девочка сказала:

— Я совсем не хочу вашу старую… — Но тут голос ее дрогнул. Она повернулась и направилась к двери. Остальные девочки смотрели ей в лицо. От них исходило молчаливое разочарование. Это выражение подействовало на белую девочку гораздо сильнее, чем на Лоуна. Она имела статус

добытчика пищи и не справилась, и черные девочки безжалостно выражали свое неодобрение.

Лоун сидел, держа на коленях теплый котелок, и смотрел в открытую дверь на сгущающуюся темноту. Перед ним появился непрошенный образ: миссис Продд с дымящейся тарелкой жареной ветчины и оранжевым обрамлением из превосходных яиц. Она говорит:

— А теперь садись и позавтракай. — Какое-то чувство, которое Лоун не сумел бы определить, заставило сжаться его солнечное сплетение и стиснуло горло.

Он фыркнул, протянул руку в котелок, достал половинку картофелины и открыл рот. Но рука не донесла картошку до рта. Лоун наклонил голову и посмотрел на картошку, как будто не мог понять, для чего она предназначена.

Снова фыркнул, швырнул картошку назад в котелок, со стуком поставил котелок на пол и встал. Положил руки на косяки двери и хрипло крикнул:

— Подождите!

* * *

Кукурузу давно уже надо очищать от листа. Но она продолжала стоять в поле, и многие стебли

были сломаны и пожелтели, и муравьи разведывали их и передавали сообщение в муравейник. На паровом поле стоял погрузившийся в почву забытый грузовик, с сеялкой за ним; сеялка наклонилась, и из нее просыпалась пшеница. Из крыши дома не поднимался дым, а дверь амбара покосилась и хлопала, словно аплодируя запустению.

Лоун подошел к дому, поднялся на крыльцо. Продд сидел на диване-качалке, который уже не качался, потому что одна из его цепей порвалась. Глаза его были открыты, но казались закрытыми.

— Привет, — сказал Лоун.

Продд пошевелился и посмотрел в лицо Лоуну. В его взгляде не было узнавания. Он опустил глаза, отодвинулся назад, чтобы сидеть прямо, бесцельно поискал что-то на груди, отыскал подтяжку, оттянул и отпустил со щелканьем. По его лицу пробежало тревожное выражение, но тут же исчезло. Потом Продд снова посмотрел на Лоуна, который видел, что сознание постепенно проникает в фермера, как кофе пропитывает кусок сахара.

— А, Лоун, парень! — сказал Продд. Слова прежние, но тон их как у сломанной сенокосилки.

Продд встал, подошел к Лоупу, поднял руку, очевидно, чтобы похлопать по плечу, и тут же забыл об этом. Рука повисела немного, потом опустилась.

— Пора обрывать кукурузу, — сказал Лоун.

— Да, да, знаю, — полусказал-полувздохнул Продд. — Займусь. Я справлюсь. Так или иначе, до первых заморозков все будет сделано. Я никогда не пропускал дойку, — добавил он с болезненной гордостью.

Лоун заглянул в дверь и впервые заметил грязные тарелки, множество мух в кухне.

— Ребенок родился, — сказал он, вспомнив.

— О, да. Отличный мальчишка, как мы… — И снова Продд как будто забыл. Речь его замедлилась и повисла, как рука. — Ма, — вдруг закричал он, — дай парню чего-нибудь поесть! — Потом смущенно повернулся к Лоуну. — Она там, сказал он, указывая. — Если кричать громко, услышит. Может быть.

Лоун посмотрел, куда показывал Продд, но ничего не увидел. Поймал взгляд Продда и на мгновение погрузился в его сознание. И тут же отступил, не в силах приблизиться к тому, что не смог бы даже определить. Быстро отвернулся.

— Я принес твой топор.

— О, все в порядке. Мог оставить его у себя, — У меня есть свой. Помочь с кукурузой? Продд неопределенно посмотрел на кукурузу.

— Никогда не пропускал дойку, — сказал он. Лоун оставил его и пошел в амбар за серпом для кукурузы. Нашел. Обнаружил также, что корова сдохла. Пошел на кукурузное поле и принялся за работу. Немного погодя увидел, что Продд тоже работает на поле.

После полудня, как раз перед концом работы, Продд исчез в доме. Двадцать минут спустя он вышел с графином и тарелкой сэндвичей. Хлеб оказался сухим, и сэндвичи сделаны из ветчины, которая, как помнил Лоун, лежала на «полке дождливого дня» и к которой миссис Продд практически не прикасалась. В графине оказался теплый лимонад с мертвыми мухами. Лоун не задавал вопросов. Они присели на край лошадиной кормушки и поели.

Потом Лоун прошел на паровое поле и принялся выкапывать грузовик. Продд пошел за ним, чтобы править. Остаток дня они посвятили сеянию. Лоун стоял за сеялкой и Четырежды помогал вытаскивать грузовик из ям. Когда с этим было покончено, Лоун отвел Продда к коровнику, обвязал дохлую корову веревкой и с помощью

грузовика оттащил на опушку леса. Когда наконец они отвели грузовик на ночь в амбар, Продд сказал:

— Лошади, конечно, не хватает.

— Ты говорил, что она тебе совсем не нужна, — бестактно напомнил Лоун.

— Теперь нужна. — Продд повернулся к нему и улыбнулся, вспоминая. — Теперь меня ничего не беспокоит, сам знаешь почему. — По-прежнему улыбаясь, он сказал:

— Пойдем в дом. — И всю дорогу к дому продолжал улыбаться.

Они прошли через кухню. В ней оказалось даже хуже, чем видно было снаружи. Часы остановились. Продд с улыбкой распахнул дверь комнаты Джека. Улыбаясь, он сказал:

— Посмотри, парень. Входи и посмотри.

Лоун вошел и посмотрел на плетеную колыбель. Марля порвана, голубая ткань промокла, от нее несет. У ребенка глаза похожи на обойные гвозди, а кожа цвета горчицы, черные короткие и жесткие, как у лошади, волосы покрывают череп, и ребенок дышит с шумом.

Выражение лица Лоуна не изменилось. Он повернулся и вышел в кухню. Посмотрел на канифасовую занавеску, лежащую на полу.

Продд с улыбкой вышел из комнаты Джека и закрыл за собой дверь.

— Понимаешь, это не Джек, вот в чем дело. — Он улыбался. — Ма пошла искать Джека, так оно и есть. Ничто другое ей не нужно. Ну, ты сам это знаешь. — Он еще шире улыбнулся. — А вот этого, там, врач назвал монголоидом. Если оставить его, он вырастет, может, до размеров трехлетнего и так пролежит еще тридцать лет. Если увезти в город к специалистам, может, дорастет до десятилетнего. Говоря, он продолжал улыбаться. — Так сказал врач. Ну, нельзя ведь его закопать в землю? С ма все в порядке, она всегда любила цветы и все такое.

Слишком много слов, трудно их слушать, трудно смотреть на эту широкую улыбку. Лоун посмотрел Продду в глаза.

И узнал, чего хочет Продд. То, чего сам Продд не знал. Лоун принялся это делать.

Когда он закончил, они с Проддом прибрались в кухне, потом сожгли колыбель вместе с тщательно вышитыми пеленками, сделанными из старых простыней, сожгли целлулоидные погремушки и голубые мягкие пинетки с белыми дождевиками-пушками в целлофановой коробке.

Продд жизнерадостно повел Лоуна к крыльцу.

— Подожди, пока вернется ма. Она так накормит лепешками, что придется отскребать тебя от стены.

— Не забудь починить дверь амбара, — сказал Лоун. — Я вернусь.

С грузом в руках он поднялся по холму и прошел в лес. Сражался с мыслями, для которых не находилось ни слов, ни образов. О детях. О Проддах. Продды были чем-то одним, а когда приняли его, стали другим; теперь он это понимал. И он, когда оставался в одиночестве, был одним, а когда принял детей, стал кем-то другим. У него не было дела у Проддов, ему незачем было идти туда сегодня. Но теперь, став таким, каков он сейчас, он должен был пойти. И вернуться тоже должен.

Один. Одинок. Лоун одинок. Продд теперь одинок, и Джейни одинока, и близнецы. Да, они есть друг у друга, но все равно — это одна одинокая личность, разделенная на части. Он сам, Лоун, по-прежнему одинок, и появление детей этого не меняет. Может, Продд и его жена не были одиноки. Он не может этого знать. Но такого, как Лоун, нет больше в мире, кроме того, что заключено в нем. Весь мир вышвырнул Лоуна, знаете об этом. Как сделали и Продды. И Джейни выбросили, и близнецов. Так сказала Джейни.

Что ж, почему-то сознание своего одиночества помогает, подумал Лоун.

* * *

Когда он вернулся домой, солнце уже заходило. Лоун ногой открыл дверь и вошел. Джейни рисовала слюной и грязью на старой фарфоровой тарелке. Близнецы, как всегда, сидели на выступе скалы и шептались.

Джейни вскочила.

— Что это? Что ты принес?

Лоун осторожно опустил ношу на пол. По обе стороны от нее появились близнецы.

— Это бэби, — сказала Джейни. Она посмотрела на Лоуна. — Это бэби?

Лоун кивнул. Джейни взглянула снова.

— Никогда такого урода не видела.

— Неважно. Покорми его.

— Чем?

— Не знаю, — ответил Лоун. — Ты сама почти бэби. Ты должна знать.

— Где ты его взял?

— Там, на ферме.

— Ты похититель детей, — сказала Джейни. — Знаешь это?

— Кто такой похититель?

— Тот, кто крадет детей, вот кто. Когда такого ловят, приходит полицейский и стреляет в голову, а потом его садят на электрический стул.

— Ну, что ж, — с облегчением сказал Лоун, — этого никто не найдет. Только один человек о нем знает, и я сделал так, что он забыл. Это его папа. Мама, она умерла, но он об этом не знает. Думает, она вернулась на Восток. И теперь будет ждать ее. Покорми ребенка.

Он снял куртку. Дети много топят, и в комнате жарко.

Бэби лежал неподвижно, с открытыми, похожими на тусклые пуговицы глазами, он шумно дышал. Джейни стояла перед очагом, задумчиво глядя на котелок. Наконец взяла поварешку и набрала жидкости в жестяную банку.

— Молоко, — говорила она, работая. — Ему нужно много молока, Лоун. Младенцы пьют молоко, как котята.

— Хорошо, — ответил Лоун.

Близнецы смотрели застывшим взглядом, как Джейни капает в рот бэби соус от жаркого.

— Ест понемногу, — с оптимизмом заметила Джейни. Без всякого юмора, просто констатируя, что видит, Лоун ответил:

— Может, через уши.

Джейни потянула за кофточку ребенка и посадила его. Но по-прежнему рот не принимал еду.

— А может, смогу! — неожиданно сказала Джейни, как будто отвечая кому-то. Близнецы захихикали и подпрыгнули. Джейни поднесла жестянку к носу ребенка и сузила глаза. Ребенок тут же начал задыхаться и выпустил изо рта явно соус от жаркого.

— Пока не получается, но я справлюсь, — сказала Джейни. Она пыталась еще с полчаса. Наконец ребенок уснул.

* * *

Однажды днем Лоун долго смотрел, потом толкнул Джейни пальцами ног.

— Что происходит? Девочка посмотрела на него.

— Он разговаривает с ними. Лоун задумался.

— Я раньше умел это. Слышать младенцев.

— Бонни говорит, что все дети умеют это, а ты ведь тоже был младенцем? Я сама разучилась, — добавила она. — А близнецы нет.

— Я вот о чем, — с трудом рассуждал Лоун. — Я мог слышать детей, когда стал взрослым.

— Значит, ты был дураком, — уверенно сказала Джейни. — Дураки не понимают людей, но зато

могут слышать младенцев. Мистер Виддкомб — это тот мужчина, с которым жили близнецы, — у него как-то была подруга-дурочка, и Бонни мне рассказала.

— Бэби тоже что-то вроде дурака, — сказал Лоун.

— Да, Бонни говорит, что он совсем другой. Он как прибавляющая машина.

— А что такое прибавляющая машина? Джейни проявляла удивительное терпение, подражая няньке в своих яслях.

— Это такая штука. Нажимаешь на кнопки, и она дает правильный ответ.

Лоун покачал головой. Джейни сделала новую попытку.

— Ну, если у тебя есть три цента, и четыре цента, и пять центов, и семь центов, и восемь центов, сколько у тебя всего?

Лоун безнадежно пожал плечами.

— Ну, а если у тебя есть прибавляющая машина, ты нажимаешь кнопку два, и кнопку три, и все остальные кнопки для каждого числа, потом дергаешь за ручку, и машина говорит, сколько вместе. И всегда говорит правильно.

Лоун медленно обдумал ее слова и наконец кивнул. Потом махнул в сторону ящика от апель-

синов, который теперь служил колыбелью Бэби; рядом с ящиком, как зачарованные, сидели близнецы.

— У него нет кнопок.

— Это просто оборот речи, — высокомерно сказала Джейни. — Ты говоришь Бэби что-нибудь, потом говоришь что-то другое. Он складывает это вместе и говорит, что получается, точно как прибавляющая машина, когда складывает один и два…

— Хорошо, но что он складывает.

— Все, что угодно. — Джейни смотрела на него. — Знаешь, Лоун, ты очень глупый. Тебе все нужно повторять четыре раза. Послушай. Если хочешь что-нибудь узнать, говори мне, я скажу Бэби, он скажет ответ близнецам, они расскажут мне, а я тебе. Что ты хочешь узнать?

Лоун посмотрел на огонь.

— Не знаю.

— Ну, ты всегда спрашиваешь меня о разных глупостях. Лоун, не обидевшись, посидел, раздумывая. Джейни принялась срывать коросту на колене, она осторожно ногтями срывала корочку, по цвету и форме похожую на круглые скобки.

— Допустим, у меня есть грузовик, — сказал Лоун полчаса спустя. — Он все время застревает

на поле. Земля слишком мягкая. Допустим, я хочу сделать так, чтобы он больше не застревал. Бэби может сказать, как это сделать?

— Я тебе сказала, что он может все, — резко ответила Джейни. Она повернулась и посмотрела на Бэби. Ребенок, как всегда, тупо смотрел в потолок. Через мгновение девочка посмотрела на близнецов.

— Он не знает, что такое грузовик. Если ты о чем-нибудь его спрашиваешь, сначала нужно все объяснить, чтобы он мог складывать.

— Ну, ты знаешь, что такое грузовик, — ответил Лоун, — и что такое мягкая земля, и как застревают. Скажи ему.

— Ладно, — ответила Джейни.

Она много раз проделывала эту процедуру, обращалась к Бэби, получала ответ от близнецов. Потом рассмеялась.

— Он говорит, что нужно перестать ездить по полю, тогда не будешь застревать. Мог бы и сам додуматься до этого, тупица.

Лоун сказал:

— А если обязательно нужно ездить по полю, что тогда?

— Ты думаешь, я всю ночь буду задавать ему глупые вопросы?

— Значит, он не может ответить, как ты сказала.

— Может! — Возразив, Джейни снова принялась за работу. Следующий ответ был таков:

— Поставь большие широкие колеса.

— А если для этого нет денег, времени и инструментов? Ответ: сделать грузовик тяжелым там, где земля твердая, и облегчить — там, где мягкая.

Джейни едва не забастовала, когда Лоун потребовал сказать, как этого достичь, и проявила крайнее недовольство, когда Лоун отказался от предложения нагружать и разгружать грузовик. Она пожаловалась, что хоть это глупо, но Бэби сопоставляет факты, которые она ему сообщила, со всеми другими, которые он получал раньше, и дает верный ответ с учетом состояния шин плюс вес, плюс суп, плюс птичьи гнезда, плюс мягкую почву, плюс диаметр колес, плюс солома. Лоун упрямо держался своего первого вопроса, и наконец ситуация зашла в тупик, потому что Бэби ответил, что способ существует, но он не может быть осуществлен с помощью средств, которыми располагают Джейни и Лоун. Джейни сказала, что похоже на радиолампы, но это только начало, и Лоун на следующую ночь пробрался в радиомастерскую и украл охапку книг. Он действовал

упрямо, неудержимо, пока наконец Джейни не перестала сопротивляться, потому что у нее не оставалось энергии и на сопротивление, и на сами изыскания. Много дней подряд она разглядывала тексты по электричеству и радио, которые для нее не имели смысла, но которые Бэби поглощал быстрее, чем она могла их проглядеть.

И наконец запросы Лоуна были удовлетворены. Получилось нечто такое, что Лоун смог изготовить сам. После этого совсем просто было прикрепить устройство к грузовику и нажать одну-единственную кнопку. Столь же просто можно было добавить мощности передним колесам грузовика. Бэби утверждал, что это sine qua non.[1]

И вот в своей полу пещере-полу комнате, в центре которой горел огонь, а мясо поворачивалось на сквозняках, с помощью двух черных девочек, почти не разговаривающих, младенца-монголоида и острой на язык девчонки постарше — она как будто презирала Лоуна, но никогда его не подводила — Лоун принялся сооружать свое приспособление. Он построил его не потому, что само приспособление его заинтересовало, не потому, что он понимал принципы его устройства (эти

---

[1] Примечания: 1
Без чего не, (лат.)

принципы всегда будут для него недоступны), а только потому, что старик, научивший его тому, для чего Лоун не мог подобрать слов, сошел с ума от горя. Он должен был работать, а купить новую лошадь не мог.

* * *

Лоун шел большую часть ночи и на рассвете установил приспособление. Мысль о «приятном сюрпризе» была для него слишком причудливой. Он просто хотел, чтобы все было готово к началу рабочего дня. Чтобы старик не задавал вопросов, на которые нет ответов.

Грузовик стоял, погрузившись в почву. Лоун свернул провода, обмотанные вокруг шеи и плеч, и начал присоединять в соответствии с точными указаниями, полученными от Бэби. Делать пришлось немного. Тонкий провод дважды обернулся вокруг коробки передач, оттуда прошел к передней подвеске, маленькие щетки прижались к внутренней поверхности передних колес. К опоре руля прилепилась маленькая коробка с четырьмя серебристыми проводками, каждый проводок вел к углу станины.

Лоун закончил и потянул ручку на себя. Станина заскрипела, и грузовик словно начал

подниматься на цыпочках. Лоун продвинул ручку вперед. Грузовик резко осел на переднюю ось, так что у Лоупа загудело в голове. Лоун с восхищением посмотрел на маленькую коробку и ручку, потом вернул ручку в нейтральное положение. Осмотрел приборы грузовика, педали, кнопки, ручки. Вздохнул.

Хотелось бы ему иметь достаточно ума, чтобы управлять грузовиком.

Выбравшись из кабины, он поднялся по холму к ферме, чтобы разбудить Продда. Продда в доме не было. Кухонная дверь раскачивалась на ветру. Ее стекло было разбито, осколки валялись на крыльце. Под раковиной осы свили гнездо. Пахло грязными полами, плесенью и застарелым потом. В остальном было чисто и аккуратно, примерно так, как в последний раз, когда они прибирались с Проддом. Новым, кроме осиного гнезда, был листок бумаги, прибитый гвоздями к стене за все четыре угла. Он был весь исписан. Лоун как можно осторожнее снял его, разгладил на кухонном столе и несколько раз перевернул. Потом сложил и спрятал в карман. И снова вздохнул.

Хотелось бы ему, чтобы хватило ума научиться читать.

Он ушел из дома не оглядываясь и углубился в

лес. И больше никогда не возвращался. Грузовик стоял на солнце, медленно распадаясь, медленно ржавея; странные серебристые провода оставались нетронутыми. Получая неисчерпаемую энергию медленного распада связей атомных частиц, приспособление было практическим решением полета без крыльев, простым ключом к новой эре в транспортировке, в снабжении и межпланетных путешествиях. Сделанное дураком, по-дурацки предназначенное для замены охромевшей лошади, глупо оставленное, тупо забытое… первый на Земле генератор антигравитации.

Этот дурак!

* * *

«Дорогой лоун я прикалываю это чтобы ты смог увидеть а сам ухажу и непонимаю почему остовался так долго. Ма на востоке в пенсильванеи и она там долго а я устал ждать. Я хотел продать грузовик но он так засел что я не могу отвисти его в город и продать. Пойду так. Не заботься о доме, с меня уже хватит. Бери что хочешь Если Надо. Ты хороший парень и был хороший друг так что прощай пока не увидимся до Благословит тебя Бог твой старый друг Э.Продд.»

В течение трех недель Лоун заставлял Джейни несколько раз читать ему это письмо, и каждое чтение добавляло что-то новое к тому, что бродило в нем. Обычно это происходило молча; иногда он просил помощи.

Он считал, что Продд — его единственная связь с окружающим миром, потому что дети — просто другие обитатели груды шлака на краю человечества. Утрата Продда — он с абсолютной уверенностью знал, что больше никогда не увидит старика, — была утратой самой жизни. Утрата всего сознательного, направленного, совместного, всего того, что выходит за растительный образ жизни.

— Спроси Бэби, кто такой друг.

— Он говорит, что это тот, кто любит тебя, хочешь ты этого или нет.

Но ведь Продд и его жена выбросили его после всех этих лет, выбросили, когда он стал им мешать, а это значит, что они готовы были так поступить и в первый год, и во второй, и в пятый — всегда, в любое время. Нельзя сказать, что ты часть того, что может в любое время так с тобой поступить. Но друзья… может, они только потом не стали его любить.

— Спроси Бэби, как стать частью того, что лю-

бишь.

— Он говорит, это можно, если ты любишь и себя. Его отметкой уровня, его точкой отсчета все годы было то, что произошло на берегу ручья. Он должен понять это. Если поймет, он уверен, сумеет понять и все остальное. Потому что на секунду появился другой, и он сам, и поток между ними без охраны, без экранов и преград — никакого языка, в котором можно запутаться, никаких идей, которые можно понять неверно, ничего, кроме полного слияния. Кем он был тогда? Как назвала его Джейни?

Дурак. Невероятный дурак.

Она сказала, что дурак — это взрослый, который способен слышать только беззвучную детскую речь. Тогда… кто же был тот, с кем он слился в тот ужасный день?

— Спроси Бэби, кто такой взрослый человек, который может говорить, как дети.

— Он говорит — невинный.

Он был дураком, способным слышать беззвучную речь. А она была невинным человеком, который, став взрослым, говорит как ребенок.

— Спроси Бэби, что произойдет, если соединятся дурак и невинный.

— Он говорит: когда они соединятся, невинный

перестанет быть невинным, а дурак — дураком.

Лоун думал: «Невинный — самое прекрасное, что может существовать». И сразу спросил себя: «А что так прекрасно в невинном?». И сразу ответ, почти так же быстро, как ответ Бэби: «Прекрасно ожидание».

Ожидание конца невинности. Дурак тоже ждет — ждет, когда перестанет быть дураком, но делает это уродливо. Так что при встрече каждый перестает существовать, сливаясь. Лоун неожиданно ощутил глубокую радость. Потому что это правда: он что-то создал, а не уничтожил… и когда потерял, боль потери была вполне оправдана. А когда потерял Проддов, боль не оправдана.

«Что я делаю? Что я делаю? — в смятении думал он. — Все пытаюсь и пытаюсь узнать, кто я такой и чему принадлежу… Неужели это другой аспект жизни изгнанника, чудовища, другого?».

— Спроси Бэби, что за люди, которые постоянно пытаются узнать, кто они такие и чему принадлежат.

— Он говорит, все люди такие.

— Но кто такой я? — прошептал Лоун. Минуту спустя он закричал:

— Кто я такой?

— Помолчи. Он не знает, как это выразить…

гм… Вот. Он говорит, что он мозг-вычислитель, я тело, близнецы руки и ноги, а ты голова. Он говорит, что «я» — это мы все вместе.

— Я принадлежу, принадлежу, я часть тебя, а ты часть меня.

— Ты голова, дурачок.

Лоуну показалось, что сердце у него разорвется. Он посмотрел на них всех. Вот руки, которыми можно брать, тело, о котором нужно заботиться, безмозглый, но безупречный компьютер и — голова, чтобы направлять все это.

— И мы вырастем, Бэби. Мы только что родились!

— Он говорит, не при твоей жизни. Говорит, что не с такой головой. Мы можем сделать практически все, но не сделаем. Он говорит, что мы существо, это верно, но еще глупое существо.

Так Лоун постиг самого себя. И подобно многим другим, достигшим того же пункта, обнаружил на этой вершине, что впереди огромная гора.

Часть вторая
БЭБИ ТРИ ГОДА

Наконец я добрался до этого Стерна. Он оказался совсем не стариком. Посмотрел из-за своего стола, осмотрел меня с ног до головы и взял в пальцы карандаш.

— Садись сюда, сынок.

Я остался на месте, и он снова посмотрел на меня. Тогда я сказал:

— Послушайте, а если сюда войдет лилипут, что вы ему скажете? Садись сюда, коротышка?

Он положил карандаш и встал. Улыбнулся. Улыбка у него была такой же быстрой и острой, как взгляд.

— Я ошибся, — сказал он, — но откуда мне знать, что тебе не нравится, когда тебя называют сынок? Так-то лучше, но я все еще сердился.

— Мне пятнадцать лет, и не нужно тыкать меня в это носом.

Он снова улыбнулся и сказал «Ладно», а я подошел и сел.

— Как тебя зовут?

— Джерард.

— Это имя или фамилия?

— И то и другое, — сказал я.

— Правда? Я сказал:

— Нет. И не спрашивайте меня, где я живу.

Он опустил карандаш.

— Так мы далеко не уйдем.

— Это ваше дело. Что вас беспокоит? То, что я настроен враждебно? Приходится. У меня многое случилось, иначе я бы тут не был. Это остановит вас?

— Ну, нет, но…

— Что еще вас беспокоит? Оплата? — Я достал тысячедолларовую банкноту и положил на стол. — Это чтобы вам не выписывать мне счет. Берите. Скажете, когда нужно будет, и я дам вам еще. Так что мой адрес вам не нужен. Подождите, — сказал я, когда он протянул руку к деньгам. — Пусть лежит. Я хочу знать, за что плачу. Он сложил руки.

— Я так делами не занимаюсь, сын… я хочу сказать, Джерард.

— Джерри, — сказал я. — Займетесь, если хотите иметь дело со мной.

— Ты хочешь затруднить мне работу? Где ты взял тысячу долларов?

— Получил приз. Выиграл соревнование — опи-

сать в двадцати пяти словах качества продукции фирмы «Садсо». — Я наклонился вперед. — На этот раз я говорю правду.

— Хорошо, — ответил он.

Я удивился. Мне казалось, он знает, но он больше ничего не сказал. Просто ждал продолжения.

— Прежде чем начнем — если начнем, — сказал я, — я должен выяснить кое-что. То, что я вам скажу — то, что выходит из меня, когда мы работаем, остается между нами, как у священника или адвоката?

— Абсолютно, — ответил он.

— Что бы я ни сказал?

— Что бы ты ни сказал.

Я наблюдал за ним, когда он говорил это. И поверил ему.

— Берите деньги, — сказал я ему. — Вы наняты. Он не взял. Сказал:

— Как ты заметил минуту назад, это мое дело. Лечение нельзя купить, как конфеты. Нам предстоит работать вместе. Если один из нас не сможет, начинать бесполезно. Нельзя прийти к первому же психотерапевту, имя которого найдешь в телефонном справочнике, и выдвигать свои требования только потому, что платишь.

Я устало сказал:

— Я не отыскивал ваше имя в телефонном справочнике, и я не просто предполагаю, что вы можете мне помочь. Я отсеял с десяток психоаналитиков, прежде чем добрался до вас.

— Спасибо, — ответил он. Похоже, он собирается посмеяться надо мной, а мне это никогда не нравилось. — Отсеял, говоришь? И как же ты это сделал?

— Ну, слышишь всякое, читаешь. Сами знаете. Отнесите это туда же, куда и мой домашний адрес.

Он долго смотрел на меня. Впервые смотрел, а не просто бросал быстрый взгляд. Потом взял банкноту.

— Что мне сделать сначала? — спросил я.

— Что ты имеешь в виду?

— С чего мы начнем?

— Мы уже начали, когда ты вошел сюда.

Пришлось рассмеяться.

— Хорошо, вы выиграли. Но это только начало. Я не знаю, куда мы двинемся отсюда. Я не должен опережать вас.

— Очень интересно, — сказал Стерн. — Ты всегда все просчитываешь заранее?

— Всегда.

— И часто бываешь прав?

— Всегда. Кроме… но не буду говорить вам, что исключений не должно быть.

На этот раз он по-настоящему улыбнулся.

— Понятно. Один из моих пациентов оказался разговорчив.

— Один из ваших бывших пациентов. Ваши пациенты не болтают.

— Я их прошу об этом. К тебе это тоже относится. А что ты слышал?

— Что вы узнаете из слов людей, что они собираются делать, и иногда позволяете им это сделать, а иногда нет.

Как вы это узнаете? Он немного подумал.

— Мне кажется, у меня прирожденная способность замечать детали. К тому же я сделал множество ошибок, прежде чем научился их не делать. А ты как научился?

Я сказал:

— Если вы ответите на это, я больше к вам не приду.

— Ты правда не знаешь?

— Хотел бы знать. Послушайте, так мы ни к чему не придем.

Он пожал плечами.

— Все зависит от того, к чему ты хочешь прийти. — Помолчал, и я снова вложил в свой взгляд

силу. — С каким определением психиатрии ты согласен?

— Не понимаю вас.

* * *

Стерн открыл ящик стола и достал прокуренную трубку. Понюхал ее, повернул, все время разглядывая меня.

— Психиатрия снимает слой за слоем с луковицы души, пока не доберется до кусочка незапятнанного эго. Или: психиатрия роет шурф, как на нефтяной скважине, проходит вниз, в сторону, снова вниз, обходит слои грязи и скал, пока не добирается до податливых слоев. Или: психиатрия берет горсть сексуальных мотиваций и швыряет их на китайский бильярд твоей жизни, так что они сталкиваются с различными эпизодами. Хочешь еще?

Я не мог не рассмеяться.

— Последнее определение особенно хорошо.

— Последнее определение особенно плохо. Они все никуда не годятся. Все пытаются упростить нечто сложное по самой своей природе. От меня ты узнаешь только вот что: никто не знает, что на самом деле с тобой, кроме тебя самого. Никто не может найти средство, кроме тебя самого; ни-

кто, кроме тебя, не сможет определить болезнь и найти лекарство. И когда ты его найдешь, никто, кроме тебя, не сможет его применить.

— А вы тогда для чего?

— Чтобы слушать.

— Мне не нужно платить дневную плату за час, что вы меня только слушали.

— Правда. Но ты убежден, что я буду слушать избирательно.

— Убежден? — Я задумался. — Наверно. Вы правда будете так слушать?

— Нет, но ты мне не поверишь.

Я рассмеялся. Он спросил, над чем я смеюсь. Я ответил:

— Вы больше не называете меня «сынок».

— Ты тоже себя так не зовешь. — Он медленно покачал головой. И при этом наблюдал за мной, так что глаза его перемещались в глазницах, когда он поворачивал голову. — А что такого ты хочешь узнать о себе, что я не должен рассказывать другим?

— Я хочу узнать, почему я убил одного человека, — прямо ответил я.

Это его нисколько не смутило.

— Ложись сюда. Я встал.

— На эту кушетку?

Он кивнул.

Неловко вытягиваясь, я сказал:

— Чувствую себя, словно в комиксе.

— В каком комиксе?

— Ну, там парень, как гроздь винограда, — ответил я, глядя в потолок. Потолок был серый.

— Как он называется?

— Не знаю. У меня их целый чемодан.

— Очень хорошо, — негромко ответил он. Я искоса посмотрел на него. Я знал, что он из тех, кто смеется про себя, если вообще смеется.

Он сказал:

— Когда-нибудь я напишу книгу с описаниями историй болезни. Но твоего случая там не будет. Что заставляет тебя говорить? — Когда я не ответил, он встал и передвинул свой стул так, чтобы я не мог его видеть. — Можешь перестать проверять меня, сынок. Я для твоих целей вполне подхожу.

Я так стиснул зубы, что заболели челюсти. Потом расслабился. Весь расслабился. Это было удивительно.

— Хорошо, — сказал я. — Простите. — Он ничего не ответил, но у меня снова появилось ощущение, что он смеется. Но не надо мной.

— Сколько тебе лет? — неожиданно спросил

он.

— Гм… пятнадцать.

— Гм… пятнадцать, — повторил он. — А что означает «гм»?

— Ничего. Мне пятнадцать лет.

— Когда я спросил тебя о возрасте, ты колебался, потому что у тебя в сознании появилось другое число. Но ты его отбросил и заменил пятнадцатью.

— Какого дьявола? Мне пятнадцать!

— Я не говорил, что это не так. — Голос его звучал терпеливо. — Так какое это было другое число? Я снова рассердился.

— Никакого другого числа не было! Что вы хотите извлечь из моих хмыканий? То, чего там нет? Он молчал.

— Мне пятнадцать лет, — вызывающе сказал я, потом добавил:

— Мне не нравится, что мне пятнадцать. Вы это знаете. И я не настаиваю, что мне пятнадцать лет.

Он ждал, по-прежнему ничего не говоря.

Я почувствовал себя побежденным.

— Второе число — восемь.

— Итак, тебе восемь лет. А как тебя зовут?

— Джерри. — Я приподнялся на локте и вывер-

нул шею, чтобы видеть его. Он отложил трубку и смотрел на настольную лампу. — Джерри без всяких «гм»!

— Хорошо, — мягко ответил он, отчего я почувствовал себя дураком.

Я снова лег и закрыл глаза. Восемь, подумал я. Восемь.

— Здесь холодно, — пожаловался я.

Восемь. Восемь, носим, просим, косим. Просим восемь, косим, что носим. Мне это не понравилось, и я открыл глаза. Потолок по-прежнему серый. Все в порядке. Стерн где-то за мной со своей трубкой, и все в порядке. Я сделал два глубоких вдоха, три, потом закрыл глаза. Восемь. Восемь лет. Восемь, просим. Годы, невзгоды. Холодно, голодно. Черт побери! Я ерзал на кушетке, пытаясь согреться. Косим, что носим…

Я хмыкнул и мысленно взял все восьмерки, все рифмы, все, что стоит за этим, и заставил исчезнуть. Но они не исчезали. Нужно их куда-то девать, поэтому я сделал большую светящуюся восьмерку и просто подвесил ее. Но она начала поворачиваться и мигать. Как кадры кино в бинокле. Придется смотреть на нее, хочу я этого или нет.

Неожиданно я перестал сопротивляться и

позволил накатиться на себя. Бинокль все приближался, и вот я здесь.

Восемь. Восемь лет голода, холода. Холодно, как собаке в канаве. Канава возле железной дороги. Увядшая прошлогодняя трава. Почва красная, и когда не скользит и не липнет, становится застывшей, как цветочный горшок. Сейчас она твердая, покрытая изморозью, холодная, как зимний свет, который разливается над холмами. Ночью огни теплые, но они все в домах людей. Днем солнце тоже словно в чьем-то доме, потому что мне оно ничего хорошего не приносит.

Я умираю в канаве. Ночью канава — место для сна не хуже других, а утром место для смерти. И все. Восемь лет, во рту вкус прогоркшего свиного жира и мокрого хлеба из отбросов. И ужас, который охватывает, когда крадешь джутовый мешок и слышишь чьи-то шаги.

А я слышу шаги.

Я лежу на боку. Переворачиваюсь на живот, потому что иногда они пинают в живот. Закрываю голову руками. И больше ничего не могу сделать.

Немного погодя я посмотрел вверх, не поворачивая голову. И увидел большой башмак. Из него торчит лодыжка. Рядом второй башмак. Я лежал,

ожидая удара. Не то, чтобы меня что-то тревожило, просто стыдно было. Все эти месяцы я жил один, и меня ни разу не поймали, даже близко не подошли. А теперь так стыдно, что я заплакал.

Башмак поддел меня под мышку, но не ударил. Перевернул. Я так оцепенел от холода, что перевернулся, как доска. Закрыл лицо и голову руками и продолжал лежать с закрытыми глазами. Почему-то я перестал плакать. Думаю, плачут только тогда, когда есть надежда на помощь.

Когда ничего не произошло, я открыл глаза и чуть сдвинул руки, чтобы было видно. Надо мной стоял человек в милю ростом. На нем поблекший комбинезон и куртка «Эйзенхауэр» с темными пятнами под мышками. Лицо в щетине, как у парней, которые не могут отрастить бороду и в то же время не бреются.

Человек сказал:

— Вставай.

Я посмотрел на его башмак, но он не собирался меня пинать. Я чуть приподнялся и едва не упал, но он подставил мне под спину свою большую руку. Я секунду лежал, прислонясь к ней, потому что ничего не мог сделать, потом встал на одно колено.

— Вставай, — повторил он. — Идем.

Клянусь, у меня скрипели все кости, но я встал. Вставая, поднял круглый белый камень. Взвесил его в руке. Пришлось посмотреть на него, чтобы убедиться, что он у меня в руке, потому что пальцы онемели от холода. Я сказал мужчине:

— Держись подальше от меня, или я выбью тебе зубы камнем.

Он опустил руку так быстро, что я даже не увидел этого, и вырвал у меня камень. Я начал проклинать его, но он просто повернулся спиной и пошел по насыпи к рельсам. Повернувшись, сказал:

— Идешь?

Он за мной не гнался, поэтому я не стал убегать. Он не разговаривал со мной, поэтому я не спорил. Он не бил меня, и я не сердился. Просто пошел за ним. Он меня ждал. Положил на меня руку, и я плюнул на нее. Тогда он пошел по рельсам, скрываясь из виду. Я побрел за ним. Кровь начала двигаться в руках и ногах, и они превратились в четырех повисших дикобразов. Когда я поднялся на насыпь, человек стоял на ней и ждал меня.

Дорога здесь ровная, но когда я посмотрел вдоль нее, мне показалось, что она все круче и круче поднимается на холм, пока не нависает надо мной. А в следующее мгновение я уже лежал на

спине и смотрел в холодное небо.

Человек подошел и сел на рельс рядом со мной. Он не притрагивался ко мне. Я несколько раз вздохнул и неожиданно почувствовал, что все будет в порядке, если я посплю с минуту, всего лишь с минуту. Я закрыл глаза. Человек сильно толкнул меня в ребра пальцем. Больно.

— Не спи, — сказал он.

Я посмотрел на него.

Он сказал:

— Ты замерз и ослаб от голода. Я хочу взять тебя в дом, согреть и накормить. Но до дома далеко, и ты не дойдешь. Если я тебя понесу, тебе будет все равно? Как если бы ты шел сам?

— А что ты сделаешь со мной в доме?

— Я тебе уже сказал.

— Хорошо, — согласился я.

Он поднял меня и понес. Если бы он сказал еще что-нибудь, я скорее согласился бы лежать на месте и замерзать до смерти. Но зачем я ему? Я ни на что не гожусь.

Я перестал гадать и задремал.

Проснулся я, когда он свернул с дороги и углубился в лес. Тропы не было, но он как будто знал, куда идет. В следующий раз я пришел в себя от скрипа. Он нес меня через замерзший пруд, и лед

скрипел у него под ногами. Человек не торопился. Я посмотрел вниз и увидел белые трещины у него под ногами. Но он на них не обращал внимания. Я снова задремал.

Наконец он опустил меня. Мы пришли. И оказались в комнате. В ней было тепло. Он поставил меня на ноги, и я быстро огляделся. И прежде всего поискал дверь. Увидел и отскочил к ней, прижался спиной к стене рядом с выходом, на случай, если захочу убежать. Потом осмотрелся.

Комната большая. Одна стена из сплошного камня, остальные бревенчатые, щели между бревнами чем-то заткнуты. В стене, в углублении, огонь. Это не настоящий камин, просто углубление. На полке напротив старый автомобильный аккумулятор, и от него отходят два провода к желтоватым лампам. В комнате стол, несколько ящиков и трехногих стульев. В воздухе пахнет дымом и такой удивительно вкусной едой, что у меня во рту забил фонтан слюны.

Человек сказал:

— Что я принес, Бэби?

Комната оказалась полна детей. Вернее, их всего трое, но казалось гораздо больше. Девочка примерно моего возраста — восьми лет, я хочу сказать, — с голубой краской на щеке. Она дер-

жала мольберт и палитру со множеством красок, а также несколько кистей, которыми не пользовалась.

Размазывала краску руками. Маленькая, лет пяти, черная девочка смотрела на меня, широко раскрыв глаза. А в деревянной корзине, поставленной на козлы, так что получилось подобие колыбели, младенец. Мне показалось, что он трех-четырех месяцев отроду. Он делал то, что делают все дети: пускал слюну, пузыри, бесцельно махал руками и ногами.

Когда мужчина заговорил, девочка с мольбертом посмотрела сначала на меня, потом на младенца. Младенец продолжал пинаться и пускать слюни.

Девочка сказала:

— Его зовут Джерри. Он сердится.

— На что сердится? — спросил мужчина. Он смотрел на младенца.

— На все, — ответила девочка. — На все и на всех.

— Откуда он? Я сказал:

— Эй, в чем дело? — Но никто не обратил на это внимания. Мужчина продолжал задавать вопросы младенцу, а девочка отвечала. Ничего нелепей я никогда не видел.

— Он убежал из приюта, — сказала девочка. — Там его хорошо кормили, но никто с ним не слишивался. Так и сказала — «слишивался». Тогда я открыл дверь, ворвался холодный воздух.

— Ты обманул, — сказал я человеку, — ты из приюта.

— Закрой дверь, Джейни, — сказал мужчина. Девочка с мольбертом не шевельнулась, но дверь за мной захлопнулась. Я попытался открыть ее снова, она не поддавалась. Я нажал на нее с криком.

— Мне кажется, тебе нужно встать в угол, — сказал мужчина. — Поставь его в угол, Джейни.

Джейни посмотрела на меня. Один из трехногих стульев поплыл ко мне по воздуху. Повис перед мной и свернул в сторону. Подтолкнул меня своим плоским сидением. Я отпрыгнул, и он устремился за мной. Я отскочил в сторону, потом в угол. Стул летел за мной. Я попытался сбить его и только ушиб руку. Нырнул он тоже опустился. Я уперся в него руками и попытался перескочить, но он просто упал, и я с ним. Я встал и, дрожа, стоял в углу. Стул опустился на ножки и остался стоять передо мной. Мужчина сказал:

— Спасибо, Джейни. — Потом повернулся ко мне. — Стой спокойно, ты. Я займусь тобой позже.

Не нужно пинаться и поднимать шум. — Потом обратился к младенцу:

— У него есть все, что нам нужно?

И снова ответила девочка. Она сказала:

— Конечно. Он тот самый.

— Что ж, — сказал мужчина. — Хорошо. — Он подошел ко мне. — Джерри, ты можешь здесь жить. Я не из приюта. И никогда не отдам тебя туда.

— Да, как же!

— Он тебя ненавидит, — сказала Джейни.

— Что мне с этим делать? — спросил он.

Джейни повернула голову и посмотрела на колыбель.

— Покорми его. — Мужчина кивнул и начал разжигать огонь.

Все это время маленькая негритянка стояла на месте, вытаращив большие глаза и глядя на меня. Джейни снова принялась рисовать, ребенок лежал, как всегда, поэтому я повернулся к негритянке. И выпалил:

— Что уставилась? Она улыбнулась мне.

— Джерри хо-хо, — сказала она и исчезла. То есть на самом деле исчезла, погасла, как свет, оставив на месте свою одежду. Ее маленькое платье взвилось в воздухе и упало грудой на то

место, где она стояла. И все. Девочки не было.

— Джерри хи-хи, — услышал я. Поднял голову и увидел ее, совершенно голую, в узкой впадине в скальной стене у самого потолка. И как только я ее увидел, она снова исчезла.

— Джерри хо-хо, — сказала она. Теперь она сидела на верху груды ящиков, которую здесь использовали как полки, по другую сторону комнаты. — Джерри хи-хи! — Теперь она была под столом.

— Джерри хо-хо! — Она стояла со мной в углу, прижимая меня.

Я заорал, попытался отскочить от нее и ударился о стул.

Я испугался, снова прижался в угол, а девочка исчезла. Мужчина оглянулся через плечо, отвернувшись от огня.

— Перестаньте, дети, — сказал он. Наступила тишина. Девочка вышла из-за ряда ящиков. Подошла к своему платью и надела его.

— Как ты это делаешь? — спросил я.

— Хо-хо, — ответила она. Джейни сказала:

— Спокойней. На самом деле они близнецы.

— О, — ответил я. Откуда-то из тени показалась вторая девочка, точно такая же, и встала рядом с первой. Они были совершенно одинаковые.

Стояли рядом друг с другом и смотрели на меня. На этот раз я дал им возможность смотреть.

— Это Бонни и Бинни, — сказала художница. — Это Бэби, а это, — она указала на мужчину, — это Лоун. Меня зовут Джейни.

Я не знал, что ответить, и просто сказал:

— Да. Лоун сказал:

— Воды, Джейни. — Протянул кастрюлю. Я услышал журчание воды, но ничего не увидел. — Достаточно, — сказал он и подвесил кастрюлю на крюк. Потом взял треснувшую фарфоровую тарелку и принес мне. Тарелка была полна жарким с большими кусками мяса, густой подливкой, клецками и морковью- Вот, Джерри. Садись.

Я посмотрел на стул.

— На это?

— Конечно.

— Не я, — ответил я. Взял тарелку и присел у стены.

— Эй, — сказал он немного погодя. — Спокойней. У нас хватает еды. Никто у тебя не отнимет.

Я принялся есть еще быстрее. И почти кончил, когда меня вырвало. И тут почему-то голова моя ударилась о край стула. Я выронил тарелку и ложку и упал. Мне было очень плохо.

Лоун подошел и посмотрел на меня.

— Прекрати, парень, — сказал он. — Прибери, Джейни. Прямо у меня на глазах месиво на полу исчезло. Мне тогда уже было все равно. Я почувствовал руку мужчины у себя на шее. Он взъерошил мне волосы.

— Бинни, дай ему одеяло. Все ложимся спать. Он должен отдохнуть.

Я почувствовал, как меня укрыли одеялом, и думаю, что уснул еще до того, как Лоун уложил меня.

Не знаю, сколько времени я проспал. А проснувшись, не понял, где я, и это меня испугало. Подняв голову, я увидел тусклый свет углей в очаге. Лоун лежал на полу прямо в одежде. В красноватой темноте мольберт Джейни походил на большое охотящееся насекомое. Я увидел в колыбели голову младенца, но не мог решить, смотрит он на меня или в сторону. Джейни лежала на полу у двери, а близнецы — под старым столом. Никто не двигался. Только подскакивала голова младенца.

Я встал и осмотрел комнату. Просто комната, с одной дверью. Я на цыпочках подошел к двери. Когда проходил мимо Джейни, она открыла глаза.

— Что с тобой? — прошептала она.

— Не твое дело, — ответил я. И пошел к двери,

наблюдая за ней. Она ничего не делала. Дверь была закрыта так же прочно, как и в тот раз.

Я вернулся к Джейни. Она продолжала смотреть на меня. Не испугалась. Я сказал ей:

— Мне нужно в уборную.

— О, — ответила она. — Почему ты сразу не сказал? Неожиданно я ахнул и схватился за живот. Не могу передать, что я почувствовал. Вел себя так, словно мне больно, но больно не было. Никогда раньше со мной такого не случалось. Что-то шлепнулось в снег снаружи.

— Вот и все, — сказала Джейни. — Ложись.

— Но мне нужно…

— Что нужно?

— Ничего. — И правда. Мне никуда не нужно было идти.

— В следующий раз сразу говори мне.

Я ничего не ответил. Вернулся к своему одеялу.

— Это все? — спросил Стерн. Я лежал на кушетке и смотрел в серый потолок. Стерн спросил:

— Сколько тебе лет?

— Пятнадцать, — сонно ответил я. Он подождал, пока серый потолок не оброс стенами, полом, ковром, лампами и стулом со Стерном на нем. Я сел и немного подержал голову руками, потом посмотрел на психоаналитика. Он играл трубкой

и смотрел на меня.

— Что вы со мной сделали?

Я тебе говорил. Я ничего не делаю. Ты делаешь.

— Вы меня загипнотизировали.

— Нет. — Говорил он спокойно и искренне.

— Тогда что это было? Было… было так, словно снова происходит на самом деле.

— Ты что-нибудь чувствовал?

— Все. — Я вздрогнул. — Все чувствовал. Что это было?

— Всякий, кто так делает, потом чувствует себя лучше. Теперь ты можешь к этому вернуться, когда захочешь и сколько захочешь, и боль станет меньше. Вот увидишь.

Впервые за многие годы меня что-то удивило. Я обдумал его слова и спросил:

— Если я делаю это сам, почему со мной такого никогда не случалось?

— Кто-то должен слушать.

— Слушать? Значит, я говорил?

— Очень много.

— Рассказал все, что происходило?

— Откуда мне знать? Меня там не было. Ты был.

— Вы ведь не поверили? В этих исчезающих девочек, и в стул, и во все?

Он пожал плечами.

— Не мое дело верить или не верить. Для тебя это было реально?

— Еще бы!

— Это все, что имеет значение. Ты жил с этими людьми? Я откусил беспокоивший меня ноготь.

— Недолго. Только до тех пор, пока Бэби не исполнилось три года. — Я посмотрел на него. — Вы напоминаете мне Лоуна.

— Почему?

— Не знаю. Нет, не напоминаете, — неожиданно сказал я. — Не знаю, почему я так сказал. — И резко лег.

Потолок посерел, лампы потускнели. Я слышал, как черенок трубки скрипнул в его зубах. Лежал я долго.

— Ничего не происходит, — сказал я наконец.

— А чего ты ожидал?

— Как раньше.

— В тебе что-то хочет выйти. Позволь ему. У меня в голове словно вращался барабан, а на нем наклеены фотографии мест, вещей и людей, которых я разыскиваю. И барабан этот очень быстро вращается, так быстро, что я не могу отличить одну картинку от другой. Я заставил его остановиться, и он остановился на пустом месте.

Я снова повернул его и остановил.

— Ничего не получается, — сказал я.

— Бэби три года, — повторил Стерн.

— О, — сказал я. — Это. — И закрыл глаза. Может быть. Может, гложет, позже, по коже. Может, позже гложет по коже. Может, Бэби. Может, Бэби гложет по коже…

* * *

Иногда ночами я лежал на одеяле, а иногда и нет. В доме Лоуна все время что-нибудь происходило. Иногда я спал днем. Мне кажется, все одновременно спали, только когда кто-нибудь заболевал, как я, когда там появился. В комнате всегда было темно, днем и ночью горел огонь, горели две желтые лампы. Их провода отходили от старого аккумулятора. Когда лампы тускнели, Джейни меняла батарейку, и они снова начинали гореть ярко.

Джейни делала все, что необходимо. Остальные тоже. Лоун часто отсутствовал. Иногда близнецы помогали ему, но их отсутствие не замечалось, потому что они появлялись и пропадали мгновенно. А Бэби всегда оставался в своей колыбели.

Я сам делал многое. Рубил дрова для очага, сделал больше полок. Часто ходил купаться с

Джейни и близнецами. И разговаривал с Лоуном. Я ничего не делал такого, чего не могли бы сделать они, зато они делали много недоступного мне. И я злился, все время злился из-за этого. Но не знал бы, что с собой делать, если бы все время на кого-нибудь или что-нибудь не злился. Это не мешало нам слишиваться. Слишиваться — это слово Джейни. Она говорила, что ей его сказал Бэби. Она говорила: это значит, что все вместе, хотя и занимаются разными делами. Две руки, две ноги, одно тело, одна голова — все действуют вместе, хотя голова не может ходить, а руки — думать. Лоун сказал, что, может, это смесь «сливаться» и «смешиваться», но не думаю, чтобы он сам в это поверил. В слове было нечто гораздо большее.

Бэби все время говорил. Он походил на радиостанцию, работающую круглосуточно. Ее можно услышать, если настроишься. Но если и не слушаешь, она все равно передает. Когда я сказал, что он говорил, я не совсем это имел в виду. По большей части он просто махал руками и ногами. Можно было подумать, что эти движения руками, ногами, головой бессмысленны, но на самом деле нет. Это была передача значения, но символами служили не звуки, а движения. Они передавали мысли.

То есть протяните левую руку, поднимите правую, топните левой пяткой, и все это означает: «Всякий, кто считает, что скворец — домашняя птица, просто ничего не знает о скворцах» — или что-то в этом роде. Джейни говорила, что, может, Бэби изобрел этот способ передачи смысла. Она сказала, что раньше слушала мысли близнецов — так и сказала: «слушала мысли», — а они слушали мысли Бэби. Поэтому она спрашивала близнецов, что ей нужно узнать, близнецы спрашивали Бэби и пересказывали ей, что он говорит. Но когда они начали подрастать, постепенно теряли эту способность. Так происходит со всеми детьми. Бэби пришлось научиться понимать слова и изобрести способ отвечать движениями.

Лоун не понимал его, я тоже. Близнецам было все равно. Зато Джейни не отрывала от Бэби взгляда. Он всегда понимал, о чем его хотят спросить, и отвечал Джейни, а она пересказывала нам. Часть во всяком случае. Всего никто не мог понять, даже Джейни.

Джейни просто сидела, рисовала свои картины и смотрела на Бэби, иногда начинала смеяться.

Бэби не рос. Джейни росла, близнецы тоже, и я с ними. Но только не Бэби. Он просто лежал. Джейни кормила его и каждые два-три дня мыла.

Он не плакал и не причинял никаких неприятностей. Никто никогда не подходил к нему.

Каждую свою картину Джейни показывала Бэби, потом очищала картон от краски и рисовала новую. Ей приходилось так делать, потому что у нее было только три куска картона. И хорошо, что она так делала: не хочется думать, во что превратился бы дом, если бы она сохраняла все свои картины. Она рисовала их по пять штук за день. Лоун и близнецы все время таскали ей скипидар. Она без всякого труда сметала краски назад, в маленькие чашечки, просто посмотрев на них, но скипидар — совсем другое дело. Мне она сказала, что Бэби помнит все ее картины, поэтому ей и не нужно их хранить. Это все были рисунки машин, зубчатых передач, механических цепей, чего-то похожего на электрические соединения и тому подобное. Я никогда не думал об этих рисунках.

Иногда я уходил с Лоуном за скипидаром и свининой. Мы шли к железной дороге, проходили по ней несколько миль до того места, откуда становились видны огни города. Потом снова лес, пригороды и боковые улицы.

Лоун как всегда шел молча, все о чем-то думая.

Мы подошли к складу, Лоун направился к двери, посмотрел на замок и вернулся, качая

головой. Потом мы отыскали универсальный магазин. Лоун хмыкнул, и мы остановились в тени у двери. Я осмотрелся.

Неожиданно рядом оказалась Бинни, голая, как всегда в таких случаях. Она открыла дверь изнутри. Мы вошли, и Лоун закрыл за нами дверь.

— Возвращайся домой, Бинни, — сказал он, — пока не простудилась до смерти.

Она улыбнулась мне, ответила:

— Хо-хо, — и исчезла.

Мы отыскали два отличных куска ветчины и двухгаллоновую банку скипидара. Я взял еще ярко-желтую шариковую ручку, но Лоун отругал меня и заставил положить ее на место.

— Мы берем только необходимое, — сказал он.

После того как мы вышли, снова появилась Бинни и закрыла дверь изнутри. Я ходил с Лоуном всего несколько раз, когда он один не мог все унести.

Так я прожил три года. Это все, что я могу вспомнить. Лоун был в доме или уходил, но никакой разницы. Близнецы большую часть времени проводили друг с другом. Мне нравилась Джейни, но мы никогда подолгу не разговаривали. Бэби говорил все время, только я его не понимал.

Мы все были очень Заняты. Мы слишивались.

* * *

Я неожиданно сел на кушетке. Стерн сказал:

— В чем дело?

— Ни в чем. Так я ни к чему не приду.

— Ты так говорил, когда мы еще не начали. Как тебе кажется, мы с того времени ничего не добились?

— О, добились, но…

— Тогда откуда ты знаешь сейчас? — Когда я ничего не ответил, он спросил:

— Тебе понравилась последняя часть? Я сердито ответил:

— Нравится — не нравится. Это бессмысленно. Просто., просто разговоры.

— Тогда какая разница между последним сеансом и предыдущими?

— Черт возьми, огромная разница! В первый раз я все чувствовал. Все как будто реально со мной происходило. А на этот раз — ничего.

— Как по-твоему, почему это?

— Не знаю. Скажите вы.

— Предположим, — задумчиво сказал он, — существует настолько неприятный эпизод, что ты не смеешь оживлять его.

— Неприятный? А когда я замерз чуть не до

смерти, это приятно?

— Ну, неприятности бывают разные. Иногда то, что ты ищешь, то, что способно тебя избавить от всех бед, настолько отталкивающе, что ты не хочешь к нему приближаться. Или пытаешься от него спрятаться. Подожди, — вдруг сказал он, — возможно, «неприятный» и «отталкивающий» — неподходящие для объяснения слова. Что-то тебя очень беспокоит. И ты не хочешь выяснить, что это.

— Я хочу выяснить.

Он подождал, как будто размышлял про себя, потом сказал:

— Что-то в этой фразе «Бэби три года» заставляет тебя отшатываться. Что это?

— Будь я проклят, если знаю.

— Кто это сказал?

— Я не… ям… Он улыбнулся.

— Гм?

Я улыбнулся ему в ответ.

— Я сказал.

— Хорошо. Когда?

Я перестал улыбаться. Он наклонился вперед, потом встал.

— В чем дело? — спросил я. Он ответил:

— Не думал, что кто-то может так злиться. — Я

промолчал. Он отошел к своему столу. — Не хочешь продолжать?

— Нет.

— Допустим, я сказал бы тебе, что ты хочешь остановиться, потому что подошел к самому краю того, что стремишься узнать?

— Почему бы так и не сказать и не посмотреть, что я буду делать?

Он только покачал головой.

— Я тебе ничего не говорю. Можешь уходить, если хочешь прекратить. Я тебе отдам сдачу.

— Многие ли останавливаются на краю ответа?

— Немногие.

— Ну, я не собираюсь. — Я снова лег. Он не рассмеялся и не сказал «Хорошо», он вообще не суетился. Только поднял трубку телефона и сказал:

— Отмените прием на вторую половину дня. — Потом вернулся на свой стул, где мне его не было видно. Стало очень тихо. Кабинет звуконепроницаем. Я спросил:

— Как по-вашему, почему Лоун разрешил мне жить с ними так долго, если я не мог делать то, что другие?

— Может, ты мог.

— О, нет, — уверенно ответил я. — Я часто пы-

тался. Я был силен для своих лет и умел держать язык на замке, но в остальном, думаю, ничем не отличался от своих ровесников. Не думаю, что и сейчас отличаюсь. Разве что появились отличия, потому что жил с Лоуном и детьми.

— Какое это имеет отношение к «Бэби три года»? Я посмотрел на серый потолок.

— Бэби три года. Бэби три года. Я подошел к большому дому с извивающейся подъездной дорогой, которая проходит словно под театральным шатром. Бэби три года. Бэби…

— Сколько тебе лет?

— Тридцать три, — ответил я и в следующее мгновение вскочил, словно кушетка обожгла меня, и направился к двери.

Стерн схватил меня.

— Не глупи. Ты хочешь, чтобы у меня пропал целый день?

— А мне какое дело? Я заплатил.

— Хорошо, решай сам. Я вернулся.

— Мне это не нравится.

— Отлично. Уже теплее.

— Почему я сказал «тридцать три»? Мне не тридцать три, мне пятнадцать. И еще одно…

— Да?

— Относительно «Бэби три года». Я сказал это,

да. Но когда вспоминаю, мне кажется, что это не мой голос.

— Как тридцать три — не твой возраст?

— Да, — прошептал я.

— Джерри, — мягко сказал он, — тебе нечего бояться. Я понял, что дышу учащенно. Собрался. И ответил:

— Мне не нравится вспоминать, что я говорю чьим-то голосом.

— Послушай, — сказал он. — Психоанализ не совсем то, что обычно считают. Когда я погружаюсь в мир твоего сознания — вернее, когда ты сам в него погружаешься, — этот мир не так уж отличается от так называемого реального мира. Вначале так не кажется, потому что пациент приходит со множеством фантазий, иррациональностей и причудливых испытаний. Но все живут в таком мире. Когда один из древних мудрецов сказал, что «правда необычней вымысла», он имел в виду именно это.

— Куда бы мы ни пошли, что бы мы ни делали, мы окружены символами, такими знакомыми предметами, что не видим их, не замечаем, даже если на них смотрим. Если бы кто-нибудь мог точно рассказать, что видел и о чем думал, пройдя десять футов по улице, мы получили бы

невероятно странную, туманную и искаженную картину. И никто не смотрит на окружающее внимательно, пока не оказывается в таком месте, как этот кабинет. И неважно, что здесь человек смотрит на события прошлого. Он видит их яснее просто потому, что старается увидеть.

— Теперь вернемся к тридцати трем годам. Обнаружить, что у тебя чужие воспоминания, — это самое сильное потрясение. Эго для человека слишком важно, чтобы он смирился с этим. Но подумай: все твое мышление происходит в зашифрованном, закодированном виде, и ключ у тебя только к десятой части. И вот ты столкнулся с закодированным участком, который вызывает у тебя отвращение. Неужели неясно, что найти ключ можно только одним способом? Перестать избегать этого участка.

— Вы хотите сказать, что я… начал вспоминать то, что в чужом сознании?

— Похоже на то. Попробуем разобраться.

— Хорошо. — Меня затошнило. Я страшно устал. И неожиданно понял, что и тошнота, и усталость — все это средства сбежать.

— Бэби три года, — сказал Стерн.

Бэби три, мне тридцать три, я, ты, твою, Кью.

— Кью! — заорал я. Стерн ничего не сказал, —

Послушайте, не знаю почему, но мне кажется, я могу добраться. Но не таким путем. Не возражаете, если я попробую что-то другое?

— Ты у нас врач, — ответил он. Я рассмеялся. И закрыл глаза.

* * *

Сквозь изгородь казалось, что окна и карнизы дома подпирают небо. Раскинулись зеленые газоны, аккуратные и чистые, и цветы выглядели так, словно боятся потерять лепестки, чтобы не стало грязно.

Я шел по подъездной дороге в ботинках. Пришлось надеть ботинки, и ноги у меня не дышали. Мне не хотелось идти в этот дом, но нужно было.

Я поднялся по ступеням между большими белыми колоннами и посмотрел на дверь. Хотелось бы посмотреть сквозь нее, но она слишком белая и толстая. Над ней окно в форме веера, впрочем, слишком высоко, и окна по обе стороны, но в них вставлены цветные стекла. Я постучал в дверь, оставив на ней грязный след.

Ничего не произошло, и я постучал снова. Дверь открылась, в ней стояла худая высокая цветная женщина.

— Чего тебе нужно?

Я сказал, что хочу увидеть мисс Кью.

— Ну, мисс Кью не хочет видеть таких, как ты, — ответила женщина. Она говорила слишком громко. — У тебя грязное лицо.

Я начинал сердиться. Мне и так не хотелось приходить сюда, приближаться к людям, идти днем и все такое. Я сказал:

— Мое лицо не имеет к этому никакого отношения. Где мисс Кью? Иди и найди ее. Она ахнула.

— Ты не смеешь со мной так разговаривать!

Я ответил:

— Я вообще не хочу с тобой разговаривать. Впусти меня. — Мне захотелось, чтобы тут оказалась Джейни. Джейни смогла бы ее передвинуть. Но приходится управляться самому. Женщина захлопнула дверь, прежде чем я смог ее выругать.

Поэтому я начал колотить ногой. Для этого башмаки как раз очень хороши. Немного погодя она неожиданно снова распахнула дверь. Я едва не упал. У женщины в руках была метла. Она закричала на меня:

— Убирайся отсюда, подонок, или я вызову полицию! — Она толкнула меня, и я упал.

Встал с крыльца и бросился к ней. Она отступила и ударила метлой, но я успел заскочить внутрь. Женщина с криком гналась за мной. Я

отобрал у нее метлу, и в это время кто-то сказал:

— Мириам! — Сказано это было гусиным голосом. Я застыл, а женщина впала в истерику.

— О, мисс Алишия, вы только посмотрите! Он убьет нас всех. Вызовите полицию! Вызовите…

— Мириам! — снова послышался гусиный возглас, и Мириам замолчала.

На верху лестницы стояла женщина с красным лицом, в платье с кружевами. Она выглядела старше своего возраста, может, потому, что слишком плотно сжимала губы. Я подумал, что ей тридцать три года — тридцать три. У нее были злые глаза и маленький рот.

Я спросил:

— Вы мисс Кью?

— Да. Что значит это вторжение?

— Я должен поговорить с вами, мисс Кью.

— Не говори «должен». Выпрямись и расскажи, в чем дело.

Служанка сказала:

— Я вызову полицию. Мисс Кью повернулась к ней.

— Это успеется, Мириам. А теперь, грязный маленький мальчик, что тебе нужно?

— Я должен поговорить с вами наедине, — ответил я.

— Не позволяйте ему, мисс Алишия, — воскликнула служанка.

— Тише, Мириам. Маленький мальчик, я велела тебе не говорить «я должен». Можешь сказать, что хочешь, в присутствии Мириам.

— Какого дьявола! — Они обе ахнули. Я сказал:

— Лоун велел мне говорить только с вами.

— Мисс Алишия, не позволяйте ему…

— Тише, Мириам! Молодой человек, ты будешь вести себя вежливо… — Тут глаза ее округлились. — Кто тебе велел?

— Лоун.

— Лоун. — Она стояла на лестнице, глядя себе на руки. Потом сказала:

— Мириам, ты можешь идти. — И сказала это как совсем другой человек.

Служанка открыла рот, но мисс Кью указала на нее пальцем, как будто палец заканчивался стволом оружия. Служанка пошла.

— Эй, — сказал я, — ваша метла. — Я уже собирался бросить ее, но мисс Кью подошла и взяла у меня метлу.

— Сюда, — сказала она.

Она заставила меня пройти перед собой в комнату, большую, как наша нора. По стенам шкафы с книгами, на столах кожаная обивка, в углах по

коже вышиты золотые цветы.

Женщина указала на стул.

— Садись здесь. Нет, подожди минутку. — Она подошла к камину, достала из ящика газету, принесла и расстелила на стуле. — Теперь садись.

Я сел на бумагу, а она подтащила другой стул, но не стала закрывать его газетой.

— В чем дело? Где Лоун?

— Он умер, — сказал я.

У нее перехватило дыхание, она побледнела. Смотрела на меня, пока на глазах не навернулись слезы.

— Вы больны? — спросил я. — Давайте, пусть вас вырвет. Почувствуете себя лучше.

— Умер? Лоун умер?

— Да. На прошлой неделе нас затопило, а потом он вышел в сильный ветер. Большое старое дерево подмыло наводнением. И оно упало прямо на него.

— Упало на него, — прошептала она. — О, нет., это не правда.

— Нет, правда. Мы закопали его сегодня утром. Не могли больше держать его. Он начал во…

— Перестань! — Она прикрыла лицо руками.

— В чем дело?

— Я сейчас приду в себя, — негромко ответила

она. Встала и постояла перед камином, повернувшись ко мне спиной. Ожидая, когда она вернется, я снял один ботинок. Но она заговорила со мной со своего места. — Ты маленький мальчик Лоуна?

— Да. Он велел мне прийти к вам.

— О, мое бедное дитя! — Она подбежала ко мне, и я на секунду подумал, что она собирается схватить меня или что-нибудь такое, но она остановилась и немного сморщила нос. — К…как тебя зовут?

— Джерри, — ответил я.

— Ну, Джерри, не хочешь ли пожить со мной в этом красивом большом доме? У тебя будет чистая одежда… и все остальное.

— Ну, в том-то и дело. Лоун велел мне прийти к вам. Он сказал, что у вас столько денег, что вы не знаете, что с ними делать, и еще он сказал, что вы у него в долгу.

— В долгу? — Это, казалось, ее встревожило. Я попытался объяснить.

— Ну, он говорил, что когда-то сделал для вас что-то, а вы сказали, что когда-нибудь отплатите ему, если сможете. Вот что.

— Что он об этом сказал? — К ней вернулся трубный гусиный голос.

— Да ни черта не говорил!

— Пожалуйста, больше не пользуйся такими выражениями, — сказала она, закрыв глаза. Потом снова открыла и кивнула. — Я ему обещала. Отныне можешь здесь жить. Если… если хочешь.

— Мое желание к делу не относится. Так сказал Лоуп.

— Тебе здесь будет хорошо, — сказала она. И осмотрела меня снизу доверху. — Я об этом позабочусь.

— Ладно. Привести остальных ребят?

— Остальных ребят? Детей?

— Да. Это не только для меня. Для нас всех. Она откинулась на стуле, достала глупый маленький платочек, промокнула губы, все это время глядя на меня.

— Теперь расскажи мне об этих… о других детях.

— Ну, во-первых Джейни. Ей, как и мне, одиннадцать. Бонни и Бинни восемь, они близнецы. И Бэби. Бэби три года.

* * *

Я закричал. Стерн мгновенно оказался рядом с кушеткой, прижал ладони к моим щекам, удерживая голову. Голова у меня дергалась вперед и назад.

— Хороший мальчик, — сказал Стерн. — Ты нашел. Ты еще не знаешь, что это, но знаешь где.

— Еще бы, — хрипло ответил я. — Вода есть? Он налил мне воды из термоса. Она была такой холодной, что заныло во рту. Я снова лег и отдыхал, словно после подъема на гору. Потом сказал:

— Я больше такого не выдержу.

— Хочешь кончить на сегодня?

— А вы?

— Я буду продолжать, пока ты хочешь.

Я подумал.

— Хотелось бы продолжать, но не так тяжело. Пока.

— Если хочешь еще одну приблизительную аналогию, — ответил Стерн, психиатрия подобна карте дорог. Всегда существует множество путей, чтобы добраться с одного места на другое.

— Я лучше пойду кружным путем, — сказал я ему. — По дороге восьмеркой. А не в грузовике через холм. У меня сцепление отказывает. Где же мне повернуть?

Он усмехнулся. Мне это понравилось.

— Поезжай по дороге из гравия.

— Я там уже был. На ней размыт мост.

— Ты здесь на всех дорогах был, — сказал он. — Начни по другую сторону моста.

— Никогда об этом не думал. Мне казалось, что нужно пройти все заново, каждый дюйм.

— Может, так и придется, а может, нет. Но мост легче будет перейти, если побываешь в других местах. Этот мост может иметь значение, а может и не иметь, но ты не узнаешь, пока не побываешь повсюду.

— Пошли. — Я снова был полон желания.

— Можно сделать предложение?

— Нет.

— Просто поговорим. Не углубляйся слишком в то, что говоришь. Первая часть — когда тебе восемь — ты ее по-настоящему пережил. Вторая — с этими детьми ты просто рассказывал о них. Третья — это посещение в одиннадцать — ты чувствовал. А сейчас снова просто рассказывай.

— Ладно.

Он подождал, потом негромко сказал:

— В библиотеке. Ты рассказал ей об остальных детях.

* * *

Я рассказал ей о… и тогда она сказала… и что-то произошло, и я закричал. Она успокаивала меня, а я бранил ее.

Но мы сейчас не говорим об этом. Мы идем.

В библиотеку. Кожа, столы, могу ли я договориться с мисс Кью, как велел Лоун.

А Лоун сказал вот что:

— Там на вершине холма живет женщина, ее зовут Кью. Она будет о вас заботиться. Пойди и скажи ей об этом. Делайте все, что она говорит, только оставайтесь вместе. Не разрешайте ни одному из вас уходить от остальных, слышите? А в остальном пусть мисс Кью будет довольна, и вы будете довольны. Делайте, что я велю. — Вот что сказал Лоун. Все его слова связаны стальным тросом, и все в целом превращается в нечто неуничтожимое. Я во всяком случае сломать это не могу.

Мисс Кью сказала:

— Где твои сестры и младенец?

— Я их приведу?

— Это близко?

— Достаточно близко. — Она ничего на это не ответила, и я встал. — Скоро вернусь.

— Подожди, — сказала она. — Я., на самом деле мне нужно подумать. Я хочу сказать… ну, нужно же подготовиться, понимаешь?

Я ответил:

— Думать вам не нужно, и вы готовы. Пока.

У двери я услышал, как она говорит все громче

и громче:

— Молодой человек, если хочешь жить в этом доме, у тебя должны быть хорошие манеры… — и много еще такого же.

Я крикнул в ответ:

— Ладно, ладно! — И вышел.

Солнце грело, небо ясное, и очень скоро я снова оказался в доме Лоуна. Огонь погас, от Бэби несло. Джейни уронила свой мольберт и сидела на полу, положив голову на руки. Бонни и Бинни обнявшись сидели на стуле, они как можно теснее прижимались друг к другу, словно в комнате холодно. Но холодно не было.

Я ударил Джейни по руке, чтобы она пришла в себя. Она подняла голову. У нее серые глаза — а может, зеленые, — но сейчас они выглядели странно, как вода в стакане, в который накапали молока.

Я спросил:

— Что тут происходит?

— А что? — переспросила она.

— Все. Она сказала:

— Нам все равно, вот что.

— Хорошо, — ответил я, — но мы должны сделать, что сказал Лоун. Идемте.

— Нет.

Я посмотрел на близнецов. Они повернулись ко мне спинами. Джейни сказала:

— Они хотят есть.

— Почему ты их не покормишь? Она только пожала плечами. Я сел. И зачем только Лоун позволил себя раздавить?

— Мы больше не можем слишиваться, — сказала Джейни. Казалось, это все объясняет.

— Послушай, — ответил я, — сейчас я буду Лоуном. Джейни задумалась, а Бэби принялся болтать ногами. Джейни посмотрела на него.

— Ты не можешь, — сказала она.

— Я знаю, где раздобыть еду и скипидар, — ответил я. — Могу отыскивать упругий мох, чтобы затыкать щели в бревнах, могу рубить дрова и все остальное.

Но не могу за мили позвать Бонии и Бинни, чтобы они открыли изнутри дверь. Не могу просто сказать Джейни, и она добудет воду, разожжет огонь и зарядит аккумулятор. Не могу помочь нам слишиваться.

Так мы просидели долго. Потом я услышал скрип колыбели. Поднял голову. Джейни смотрела на Бэби.

— Ну, ладно, — сказала она. — Пошли.

— Кто сказал?

— Бэби.

— Кто здесь главный? — сердито спросил я. — Я или Бэби?

— Бэби, — ответила Джейни.

Я встал и пошел к ней, чтобы ударить по рту, но остановился. Если Бэби скажет им делать то, что велел Лоун, получится. Если я начну ими командовать, не получится. Поэтому я ничего не сказал. Джейни встала и пошла к двери. Близнецы наблюдали за ней. И тут Бонни исчезла. Бинни подобрала одежду Бонни и вышла. Я вытащил Бэби из колыбели и положил к себе на плечо.

Снаружи нам стало лучше. День подходил к концу, но было тепло. Близнецы мелькали в деревьях, как пара белок-летяг, а мы с Джейни шли так, словно отправляемся купаться или еще куда-нибудь. Бэби начал пинаться, Джейни посмотрела на него и накормила, и он снова успокоился.

Подойдя к городу, я захотел собрать их всех, но боялся что-нибудь сказать. Сказал это Бэби. Близнецы вернулись к нам, Джейни отдала им одежду, и они благопристойно пошли рядом с нами. Не знаю, как Бэби это делал. Они терпеть не могли ходить так.

Неприятностей у нас не было. Только недалеко

от дома мисс Кью нам встретился один парень. Он застыл на месте и уставился на нас, но Джейни взглянула на него и заставила его шляпу опуститься на глаза, и ему трудно было вернуть ее на место.

И знаете, когда мы подошли к дому, кто-то уже смыл грязь с двери, которую я оставил. Одной рукой я держал Бэби за ногу, другой — за шею, поэтому пришлось постучать в дверь ногой и оставить еще немного грязи.

— Здесь есть женщина, по имени Мириам, — сказал я Джейни. — Если она заговорит, вели ей убираться к дьяволу.

Дверь открылась, в ней была Мириам. Она бросила один взгляд и подпрыгнула на шесть футов. Мы все вошли. Мириам обрела дар речи и завопила:

— Мисс Кью! Мисс Кью!

— Иди к дьяволу, — сказала Джейни и посмотрела на меня. Я не знал, что делать. Впервые Джейни сделала так, как я сказал.

По лестнице спустилась мисс Кью. На ней было другое платье, но такое же нелепое и тоже в кружевах. Она открыла рот, но ничего не сказала. Рот ее оставался открытым. Наконец она произнесла:

— Да сохранит нас милостивый Господь! Близнецы встали рядом и уставились на нее. Мириам, стараясь держаться подальше от нас, скользнула вдоль стены, пока не добралась до двери и не закрыла ее. Она сказала:

— Мисс Кью, если эти дети будут здесь жить, я увольняюсь.

Джейни сказала:

— Иди к дьяволу.

Бонни присела на ковер. Мириам закричала и подскочила к ней. Она попыталась схватить Бонни за руку. Бонни исчезла, оставив в руках Мириам свое платье. На лице у служанки было глупейшее выражение. Бинни улыбалась так, словно лицо ее раскололось пополам, и, как безумная, махала руками. Я посмотрел, куда она указывает. Голая Бонни сидела на перилах на верху лестницы.

Мисс Кью повернулась, увидела ее и села прямо па ступеньку. Мириам тоже опустилась, как подкошенная. Бинни подняла платье Бонни, прошла по лестнице мимо мисс Кью и протянула одежду. Бонни надела платье. Мисс Кью вытаращила глаза и посмотрела вверх. Бонни и Бинни, держась за руки, спустились с лестницы ко мне. Снова встали рядом и уставились на мисс Кью.

— Что с ней? — спросила Джейни.

— Иногда ей бывает плохо.

— Пошли назад домой.

— Нет.

Мисс Кью ухватилась за перила и встала. Постояла некоторое время, продолжая держаться за перила и закрыв глаза. Потом неожиданно распрямилась. И стала на четыре дюйма выше. Решительно спустилась к нам.

— Джерард, — прогремела она.

Мне кажется, она хотела сказать что-то совсем другое.

Но вовремя спохватилась. Показала.

— Что, во имя неба, это такое? — Она показывала на меня пальцем.

Я не сразу понял, поэтому осмотрелся.

— Что?

— Это! Это!

— Ах, это. Это Бэби.

Я снял его с плеча и протянул, чтобы она могла посмотреть. Она издала стонущий звук, подскочила и взяла его у меня. Подержала перед собой, снова застонала, стала называть его бедняжкой, положила на длинную скамью с подушками под окном с цветными стеклами. Наклонилась к нему, прикусила костяшки пальцев, снова про-

стонала. Потом повернулась ко мне.

— Сколько он в таком состоянии?

Я посмотрел на Джейни, а она на меня. Я ответил:

— Он всегда такой. — Мисс Кью закашлялась и подбежала к тому месту, где на полу лежала Мириам. Несколько раз шлепнула Мириам по щекам. Служанка села и огляделась. Закрыла глаза, вздрогнула и, держась за мисс Кью, встала.

— Соберись, — сквозь зубы сказала мисс Кью. — Принеси ванну с горячей водой и мылом. Губку. Полотенца. Быстрей! — Она сильно толкнула Мириам. Служанка пошатнулась, ухватилась за стенку и побежала.

Мисс Кью вернулась к Бэби, наклонилась, причмокивая губами.

— Не нужно с ним возиться, — сказал я. — С ним все в порядке. Мы хотим есть.

Она посмотрела на меня так, словно я ее ущипнул.

— Не разговаривай со мной!

— Послушайте, — сказал я, — нам это нравится не больше, чем вам. Если бы Лоун нам не сказал, мы бы ни за каким дьяволом не пришли бы. Нам хорошо было у себя.

— Никогда не говори «ни за каким дьяво-

лом», — сказала мисс Кью. Она одного за другим осмотрела нас всех. Потом взяла свой глупый маленький платочек и прижала ко рту.

— Видишь? — сказал я Джейни. — Ее все время рвет.

— Хо-хо, — сказала Бонни. Мисс Кью долго смотрела на нее.

— Джерард, — сказала она сдавленным голосом, — мне казалось, ты говорил, что эти девочки — твои сестры.

— Ну и что?

Она посмотрела на меня, как на дурака.

— У нас не бывает цветных сестер, Джерард. Джейни сказала:

— А у нас бывает.

Мисс Кью принялась быстро расхаживать взад и вперед.

— Многое придется сделать, — сказала она как будто про себя.

Пришла Мириам с большой овальной ванной, полотенцами и другими вещами. Ванну она поставила на скамью, и мисс Кью сунула руку в воду, потом взяла Бэби и опустила его в ванну. Бэби начал пинаться. Я сделал шаг вперед и сказал:

— Минутку. Подождите. Что вы собираетесь сделать?

Джейни сказала:

— Заткнись, Джерри. Он говорит, что все в порядке.

— Все в порядке? Она его утопит!

— Нет, не утопит. Заткнись.

Намылив губку, мисс Кью несколько раз протерла Бэби, вымыла ему голову и вытерла большим одеялом. Мириам смотрела, а мисс Кью обернула Бэби полотенцем, как пеленкой. И когда закончила, трудно было понять, что это тот же ребенок. К этому времени мисс Кью как будто лучше владела собой. Дышала она тяжело, и рот у нее был сжат еще крепче. Она протянула ребенка Мириам.

— Возьми бедняжку, — сказала она, — и положи…

Но Мириам попятилась.

— Простите, мисс Кью, но я ухожу, и мне теперь все равно. Мисс Кью обрела свой гусиный голос.

— Неужели ты оставишь меня в таком трудном положении? Эти дети нуждаются в помощи. Разве тебе это не ясно?

Мириам посмотрела на меня и Джейни. Она дрожала.

— Вы в опасности, мисс Алишия. Они не просто грязные. Они сумасшедшие!

— Они просто заброшенные дети. Вероятно,

и мы с тобой в их положении выглядели бы не лучше. И не говори «не просто»! Джерард!

— Что?

— Не говори… о, Боже, как много нужно сделать! Джерард, если ты и твои… и эти дети собираетесь жить здесь, многое должно измениться. Вы не можете жить под этой крышей и вести себя по-прежнему. Понятно?

— Конечно. Лоун сказал, чтобы мы вас слушались и чтобы вы были довольны.

— Ты будешь делать, что я скажу?

— Я ведь уже сказал только что.

— Джерард, ты должен научиться не разговаривать со мной в таком тоне. Теперь, молодой человек, если я скажу тебе слушаться Мириам, что ты ответишь? Я обратился к Джейни:

— Как насчет этого?

— Спрошу Бэби. — Джейни посмотрела на Бэби, и он замахал руками и пустил слюну. — Он говорит, все в порядке.

Мисс Кью сказала:

— Джерард, я задала тебе вопрос.

— Не выскакивайте из штанов, — ответил я. — Мне ведь нужно было спросить? Да, если вы этого хотите, мы будем слушаться Мириам.

Мисс Кью повернулась к Мириам.

— Слышала, Мириам?

Мириам посмотрела на мисс Кью, потом на нас и покачала головой. Потом протянула руки к Бонни и Бинни.

Они подошли к ней. Каждая взяла ее за руку. Они смотрели на нее и улыбались. Вероятно, планировали какую-то дьявольскую проказу, но выглядели привлекательно. Рот Мириам дернулся, и мне на секунду показалось, что она похожа на человека. Она сказала:

— Хорошо, мисс Кью.

Мисс Кью подошла и протянула ей ребенка, и служанка пошла с ним вверх по лестнице. Мисс Кью повела нас вслед за Мириам. Мы все пошли на второй этаж.

Они принялись работать над нами и не останавливались все три последующих года.

* * *

— Это был ад, — сказал я Стерну.

— Им пришлось прекратить.

— Да, вероятно. Нам тоже. Понимаете, мы собирались делать то, что сказал Лоун. Ничто в мире не могло удержать нас. Мы были обязаны делать все, что говорят мисс Кью и Мириам. Но они, кажется, так этого и не поняли. Мне кажется, они

считали, что все время должны нас подталкивать. А им нужно было только дать нам понять, чего они от нас хотят, и мы бы это сделали. Хорошо, когда речь шла о том, чтобы я не ложился в постель с Джейни. Мисс Кью подняла из-за этого настоящий ад. Можно было подумать по ее поведению, словно я украл коронные драгоценности.

— Но когда она говорила что-нибудь вроде: «Вы должны вести себя, как настоящие джентльмены и леди», для нас это не имело смысла. И иногда ее приказы были такими. «Ах! — говорила она. — Язык, язык!». Вначале я этого совершенно не понимал. Наконец спросил, что она имеет в виду, и тогда она объяснила. Понимаете, о чем я?

— Конечно, — согласился Стерн. — Стало ли легче со временем?

— Настоящие неприятности случались только дважды, один раз с близнецами, другой с Бэби. Эта последняя была очень серьезной.

— А что случилось?

— С близнецами? Ну, мы прожили с неделю или около того и начали замечать что-то такое, от чего несет. Мы с Джейни, я хочу сказать. Мы стали замечать, что почти не видим больше Бонни и Бинни. Все равно словно в доме оказались два дома, один для мисс Кью, Джейни и меня, а другой

для Мириам и близнецов. Я думаю, мы заметили бы это раньше, если бы сначала не было такой суматохи: новая одежда, необходимость спать по ночам и тому подобное. Но вот мы видим. Приходит время ланча, и мы едим с мисс Кью, а близнецы с Мириам. Поэтому Джейни спросила:

— А почему близнецы не едят с нами?

— О них заботится Мириам, дорогая, — ответила мисс Кью.

Джейни посмотрела на нее этим своим взглядом.

— Я это знаю. Пусть едят здесь, и я буду о них заботиться.

Мисс Кью поджала губы и сказала:

— Они маленькие цветные девочки, Джейни. А теперь ешь.

Но это ничего не объяснило ни Джейни, ни мне. Я сказал:

— Я хочу, чтобы они ели с нами. Лоун сказал, что мы должны держаться вместе.

— Вы и так вместе, — ответила она. — Вы живете в одном доме. Едите ту же еду. Больше не будем об этом говорить.

Я посмотрел на Джейни, она на меня, и Джейни сказала:

— Так почему же мы не можем жить и есть

вместе? Мисс Кью положила вилку и пристально посмотрела на нее.

— Я уже объяснила и сказала, что больше не должно быть никаких разговоров.

Ну, подумал я, это нас никуда не приведет. Поэтому я откинул голову и позвал:

— Бонни! Бинни! — Щелк, и они оказались рядом. И тут разразился ад. Мисс Кью приказала им уходить, а они не захотели, потом, держа их платья, с криком вбежала Мириам и не смогла их поймать, а мисс Кью продолжала гусиным голосом кричать на них, а потом и на меня. Она сказала, что это уж слишком. Ну, может, у нее была трудная неделя, но и у нас тоже. И вот мисс Кью приказала нам убираться.

Я взял Бэби и пошел к выходу, а Джейни и близнецы за мной. Мисс Кью дождалась, пока мы выйдем, а потом побежала за нами. Обогнала, встала передо мной, и мне пришлось остановиться. Остановились и все остальные.

— Так вы выполняете желание Лоуна? — сказала она. Я сказал ей «да». Она ответила, что, как она поняла, Лоун хотел, чтобы мы жили у нее. А я сказал:

— Да, но еще больше он хотел, чтобы мы были все вместе.

Она велела нам возвращаться. Сказала, что нужно поговорить. Джейни спросила Бэби, тот сказал «Все в порядке», и мы вернулись. Мы достигли компромисса. Больше мы не обедали в столовой. В доме было боковое крыльцо и застекленная терраса, из которой дверь вела в столовую, а другая дверь — на кухню, и после этого случая мы всегда ели там. Мисс Кью ела одна в столовой.

Но у этого происшествия были забавные последствия.

— Какие? — спросил Стерн. Я рассмеялся.

— Мириам. Выглядела она и разговаривала, как всегда, но начала совать нам печенье между едой. Знаете, мне потребовались годы, чтобы разобраться, в чем дело. Я серьезно. По тому, что я узнал, существуют как бы две силы, сражающиеся из-за рас. Одна хочет, чтобы белые и черные были отделены друг от друга, другая пытается их соединить. Но не понимаю, почему обе стороны так встревожены этим.

Почему просто не забудут обо всем?

— Не могут. Понимаешь, Джерри, людям необходимо верить, что они в чем-то выше других. Ты, Лоун и дети — вы очень тесная группа. Разве вам не казалось, что вы немного лучше осталь-

ного мира?

— Лучше? Как мы можем быть лучше?

— Ну, тогда другие не такие, как все.

— Ну, наверно, хотя мы об этом не думали. Другие — наверно. Но лучше нет.

— Вы уникальный случай, — сказал Стерн. — А теперь расскажи о второй неприятности. С Бэби.

— Бэби. Да. Ну, прошло несколько месяцев, как мы жили у мисс Кью. Все постепенно налаживалось. Мы даже научились говорить «Да, мэм. Нет, мэм» и тому подобное, и она засадила нас за уроки. Мы учились в определенные часы по утрам и в середине дня, пять дней в неделю. Джейни давно перестала заботиться о Бэби, а близнецы ходили куда хотели. Это было забавно. Они могли выскочить прямо перед мисс Кью, словно ниоткуда, и тут же исчезнуть, и она не верила своим глазам. Ее особенно беспокоило, что они появляются голые. Они перестали это делать, и она была довольна. Она многим была довольна. Много лет она никого не видела. Она даже счетчики выставила наружу, чтобы никто не заходил в дом. А с нами она начала оживать. Перестала надевать старомодные платья и стала похожа на человека.

Иногда даже ела с нами.

— Но однажды я проснулся, чувствуя себя очень странно. Как будто во сне у меня что-то украли, только я не знаю, что именно. Я вылез через окно и спустился по стене в комнату Джейни, что мне не разрешалось. Она была в постели. Я подошел и разбудил ее. До сих пор вижу ее глаза, когда она чуть приоткрыла их. В них был сон. И вдруг она их распахнула. Мне не нужно было говорить ей, что что-то не так. Она это знала и знала, что именно.

— Бэби исчез! — сказала она.

— Нам было все равно, разбудим ли мы кого-нибудь. Мы вылетели из комнаты Джейни, пробежали по коридору и влетели в маленькую комнатку в конце, в которой спал Бэби. Вы ни за что не поверите. Красивая колыбель, и белые ящики с распашонками, и множество пластмассовых погремушек — все это исчезло. В комнате стоял только письменный стол. То есть Бэби словно никогда и не существовало.

— Мы ничего не сказали. Просто повернулись и побежали к спальне мисс Кью. Я в ней никогда не бывал, а Джейни заходила несколько раз. Однако в этот раз все было по-другому. Мисс Кью лежала в постели с заплетенными волосами. Еще до того как мы вошли, она проснулась. Села, опираясь

спиной о подушку. И холодно посмотрела на нас.

— В чем дело?

— Где Бэби? — заорал я.

— Джерард, — ответила она, — не нужно кричать. Джейни всегда была спокойна, но она сказала:

— Лучше скажите нам, где он, мисс Кью. — И когда она говорила это, смотреть на нее было страшно.

Лицо мисс Кью стало каменным, она протянула к нам руки.

— Дети, — сказала она. — Простите. Мне действительно жаль. Но я сделала как лучше. Я отослала Бэби. Он будет жить с другими такими же детьми. Здесь мы никогда не сможем сделать его счастливым. Вы ведь знаете это.

Джейни сказала:

— Он никогда не говорил нам, что несчастен. Мисс Кью принужденно рассмеялась.

— Если бы он мог говорить, бедняжка!

— Лучше верните его назад, — сказал я. — Вы не понимаете, с чем имеете дело. Я ведь говорил вам, что мы не должны разлучаться.

Она начала сердиться, но сдерживалась.

— Попытаюсь объяснить тебе, дорогой, — сказала она. — Ты и Джейни и даже близнецы — вы

все нормальные здоровые дети и вырастете мужчинами и женщинами. Но бедный Бэби… другой. Он не будет расти, он никогда не сможет ходить и играть с другими детьми.

— Это неважно, — сказала Джейни. — Вы не имели права отсылать его. А я сказал:

— Да. Так что лучше верните его, и побыстрее. Тут она начала сердиться по-настоящему.

— Среди многого, чему я вас учила, есть и такое правило: не говорите старшим, что им делать. А теперь идите, одевайтесь для завтрака, и больше не будем об этом разговаривать.

Я сказал ей как можно вежливей:

— Мисс Кью, вы скоро захотите вернуть его. Но вы должны вернуть его как можно быстрее. Иначе… Она встала с кровати и выбежала из комнаты.

* * *

Я некоторое время молчал, и Стерн наконец спросил:

— А что дальше?

— О, — ответил я, — она его вернула, — Я неожиданно рассмеялся. — Сейчас, как вспомнишь, так смешно становится. Три месяца она командовала нами, гоняла с места на место, и вдруг неожидан-

но мы установили закон. Мы очень старались поладить с нею, действовать в соответствии с ее идеями, но на этот раз, клянусь Богом, она зашла слишком далеко. И как только захлопнула дверь, тут же начала проходить лечение. У нее под кроватью стоял большой фарфоровый горшок, так вот он взлетел в воздух и разбился о ее туалетное зеркало. Потом открылся ящик шкафа, оттуда вылетела перчатка и ударила ее по лицу.

Она прыгнула назад в кровать, и тут на нее обрушилась штукатурка с потолка. В ванной пошла вода, а пробка оказалась заткнутой, и как раз в это время вода начала вытекать, и все ее платья упали с вешалок. Она хотела выбежать из комнаты, но дверь не открывалась, а когда она дернула за ручку, дверь распахнулась, и мисс Кью растянулась на полу. Дверь снопа захлопнулась, и сверху обрушился новый пласт штукатурки. Мы стояли, глядя на нее. Она плакала. Я даже не знал, что она может плакать.

— Вернете Бэби? — спросил я.

Она лежала, продолжая плакать. Немного погодя подняла голову и посмотрела на нас. Выглядела она очень жалко. Мы помогли ей встать. Она некоторое время смотрела на нас, потом посмотрела в зеркало, на побитый потолок и

прошептала:

— Что случилось? Что случилось?

— Вы отослали Бэби, вот что, — ответил я. Она подпрыгнула и очень испуганным, по твердым голосом сказала:

— Что-то ударилось в дом. Самолет. Может, землетрясение. Поговорим о Бэби после завтрака. Я сказал:

— Дай ей еще, Джейни.

Большой водяной шар ударил ее в лицо и грудь, промочил ночную рубашку, так что она прилипла к телу. Почему-то это расстроило ее больше всего. Косы ее начали подниматься, они тянули голову, так что мисс Кью пришлось встать. Она открыла рот, чтобы закричать, и рот ей забила пудра с туалетного столика. Она стала доставать пудру изо рта.

— Что вы делаете? Что вы делаете? — спрашивала она со слезами.

Джейни посмотрела на нее и сложила руки за спиной.

— Мы ничего не сделали, — ответила она. А я сказал:

— Пока не сделали. Вернете Бэби? Она закричала:

— Перестаньте! Перестаньте! Перестаньте

говорить об этом идиоте монголоиде! Он не нужен никому, даже самому себе! Как я могу его оставить?

Я сказал:

— Давай крыс, Джейни.

У плинтуса послышался шорох. Мисс Кью закрыла лицо руками и опустилась в кресло.

— Не надо крыс, — сказала она. — Здесь нет крыс. Тут что-то запищало, и она разбилась вдребезги. Видели когда-нибудь, как человек распадается на куски?

— Да, — ответил Стерн.

— Я был ужасно сердит, — продолжал я, — но и для меня это было слишком. Но она не должна была отсылать Бэби. Потребовалось несколько часов, чтобы она настолько пришла в себя, что смогла поговорить по телефону, но еще до ланча Бэби вернулся. — Я рассмеялся.

— Что смешного?

— Она потом не могла вспомнить, что с ней было. Недели три спустя я слышал, как она говорит об этом с Мириам. Она сказала, что дом неожиданно начал оседать. Сказала, что хорошо поступила, как раз в это время отослав Бэби на медицинский осмотр. Бедняжка мог пострадать. Мне кажется, она на самом деле в это верила.

— Вероятно. Это довольно распространенный случай. Мы не верим в то, во что не хотим верить.

— А вы насколько верите? — неожиданно спросил я.

— Я уже тебе сказал: это неважно. Мне не нужно верить или не верить.

— А вы не спрашиваете меня, насколько я сам в это верю?

— Мне и это не нужно. Ты уже сам принял решение.

— Вы хороший психоаналитик?

— Кажется, да. А кого ты убил? Вопрос застал меня врасплох.

— Мисс Кью, — ответил я. Потом начал браниться и проклинать его. — Я не собирался говорить вам это.

— Не волнуйся, — ответил он. — Почему ты это сделал?

— Я для того и пришел, чтобы узнать.

— Ты, должно быть, очень ее ненавидел. Я заплакал. Мне пятнадцать лет, а я плачу!

* * *

Он позволил мне выплакаться. Сначала всхлипывания и писки, от которых заболело горло.

Потом, быстрей, чем можно подумать, потекло из носа. И наконец — слова.

— Знаете, откуда я пришел? Самое первое мое воспоминание — удар в рот. Я все еще вижу кулак размером с мою голову. Потому что я плакал. С тех пор я боюсь плакать. А плакал я, потому что был голоден. Или замерз. Или и то и другое. А потом огромные общие спальни, и самые сильные получают лучшее. Избивают тебя до полусмерти, если ты плохой, и дают огромную награду, если хороший. Огромная награда — тебя оставляют в покое. Попытайтесь так пожить. Попытайтесь жить так, что лучшее в этом проклятом мире, самое желанное и удивительное — чтобы тебя оставили в покое!

— А с Лоуном и детьми — чудо. Удивительное — ты часть чего-то, ты принадлежишь. Со мной раньше такого никогда не случалось. Две желтые лампы и очаг, но они осветили весь мир. В этом вес, что есть, и все, что будет.

— Потом большая перемена: чистая одежда, хорошо приготовленная пища, пять часов уроков ежедневно; Колумб и король Артур, и книга об основах гражданского права, и книга о гигиене. И большой кубический кусок льда, и ты смотришь, как он тает, как сглаживаются его углы, и знаешь,

что это из-за тебя мисс Кью… Ну, дьявольщина, она слишком хорошо владела собой, чтобы распускать с нами нюни, но оно было здесь, это чувство. Лоун заботился о нас, потому что это была часть его образа жизни. Мисс Кью заботилась о нас, но это не имело отношения к ее образу жизни. Она просто хотела так делать.

— У нее были очень странные представления о «правильном» и «не правильном», но она твердо их держалась, пыталась по-своему делать нам добро. Когда не могла понять, считала это своей ошибкой… а было очень много, что она не понимала и никогда не смогла бы понять. То, что правильно, было нашим достижением. Не правильно — ее ошибкой. И в тот последний год., ну, ладно.

— Так что?

— Так что я убил ее. Послушайте, — сказал я. Я чувствовал, что мне нужно говорить быстро. Не в том дело, что я торопился. Просто нужно было избавиться. — Я вам расскажу все, что знаю. В тот день, когда я ее убил, я проснулся утром, и свежие простыни подо мной скрипели, солнце пробивалось сквозь белые занавески и яркие красно-голубые портьеры. Шкаф, полный моей одежды — моей, понимаете?

До того у меня никогда своего не было. А внизу Мириам суетится с завтраком и смеются близнецы. Смеются вместе с ней, заметьте, а не только друг с другом, как всегда раньше.

— В соседней комнате ходит Джейни, напевает, и когда я ее увижу, у нее будет сияющее лицо. Я встал. Есть горячая-горячая вода, и зубная паста обожгла мне язык. Одежда мне по росту, и я спускаюсь вниз, и все уже там, и я рад их видеть, я они рады видеть меня, и все садятся, и приходит мисс Кью, и все приветствуют ее.

— Так проходит утро, потом уроки с перерывом в большой длинной гостиной. Близнецы, высунув языки, рисуют алфавит, вместо того чтобы писать его, а Джейни, когда наступает время, рисует картину, настоящую картину, с коровой среди деревьев и желтым забором на расстоянии. А я сижу, зажатый между двумя частями квадратного уравнения, и мисс Кью наклоняется, чтобы помочь мне, и я ощущаю запах ее сухих духов. Я наклоняю голову, чтобы чувствовать их лучше, а на кухне слышен стук котлов, которые задвигают в печь.

— И так проходит середина дня, снова уроки, и гуляние во дворе, и смех. Близнецы гоняются друг за дружкой, они бегают на своих двоих. Джейни

рисует листья на своей картине, пытаясь сделать так, как учит ее мисс Кью. А у Бэби большой новый манеж. Бэби не очень много двигается, он просто смотрит и пускает слюнки. И он всегда накормлен, и на нем чистая одежда.

— И вечера, и ужин, и мисс Кью читает нам, меняя голос каждый раз, как заговаривает новый персонаж, читает быстро и шепотом, когда чтение ее смущает, но все равно выговаривает каждое слово.

— И мне приходится убить се. Вот и все.

— Ты не сказал почему, — заметил Стерн.

— Вы что — дурак? — крикнул я.

Стерн ничего не ответил. Я перевернулся на живот, подпер подбородок руками и посмотрел на него. По его внешности ни за что не поймешь, что у него внутри, но мне показалось, что он удивлен.

— Я объяснил почему, — сказал я.

— Не мне.

Неожиданно я понял, что требую от него слишком многого. И медленно сказал:

— Мы просыпались в одно и то же время. Мы делали то, чего хотят другие. Мы проживали дни по образу других, мыслили чужими мыслями, произносили чужие слова. Джейни рисовала

чужие картины, Бэби ни с кем не разговаривал, и все были довольны. Теперь понимаете?

— Еще нет.

— Боже! — сказал я. Немного подумал. — Мы не слишивались.

— Не слишивались? А! То есть после смерти Лоуна.

— Нет, тут совсем другое. Как будто в машине кончился бензин. Но машина-то осталась, в ней все исправно. Просто нужно подождать. Но после того как мисс Кью приняла нас, машина начала разваливаться на части, ясно?

Наступила его очередь задуматься. Наконец он сказал:

— Мозг заставляет нас делать странные вещи. Некоторые из них кажутся абсолютно неразумными, не правильными, сумасшедшими. Но краеугольный камень работы мозга в следующем: во всем, что мы делаем, есть железная, неопровержимая логика. Покопайся как следует и найдешь причину и следствия так же ясно, как и в любой другой области. Я сказал «логика»; я не говорю «правильность», «верность», «справедливость» или что-нибудь в этом роде. Логика и истина — две совершенно разные вещи, хотя для сознания, прилагающего эту логику, они часто

кажутся совпадающими.

— Когда подсознание действует противоположно поверхностному сознанию, человек испытывает замешательство. В твоем случае я понимаю, на что ты указываешь: чтобы сохранить или восстановить особую личную связь между вами, тебе нужно было избавиться от мисс Кью. Но логики я не вижу. Не понимаю, почему восстановление этого «слишивания» стоило вновь обретенной безопасности, которая — ты сам это признаешь — вам нравилась.

Я в отчаянии сказал:

— Может, и не стоило.

Стерн наклонился вперед и указал па меня черенком трубки.

— Стоило, потому что заставило тебя сделать то, что ты сделал. После действия, возможно, обстоятельства выглядят по-другому. Но когда ты действовал, тебе важно было устранить мисс Кью и вернуть то, что было прежде. Я не понимаю почему, и, по-моему, ты тоже не понимаешь.

— Как мы это узнаем?

— Ну, давай перейдем к самой неприятной части, если ты готов. Я лег.

— Я готов.

— Хорошо. Расскажи обо всем, что случилось,

перед тем как ты убил ее.

* * *

Я покопался в последнем дне, пытаясь ощутить вкус пищи, вспомнить голоса. Одно и то же возникало, исчезало и возникало вновь — ощущение свежих накрахмаленных простыней. Я отбрасывал его, потому что это начало дня, но оно возвращалось, и я понял, что это, напротив, конец.

Я сказал:

— Я уже рассказал о детях, которые делали то, чего хотели другие, и о том, что Бэби перестал разговаривать, и все были довольны, и наконец мне пришлось убить мисс Кью. Много времени ушло на то, чтобы дойти до этого, и еще больше чтобы начать. Мне кажется, я четыре часа лежал в постели и думал, прежде чем снова встать. Было темно и тихо. Я вышел из своей комнаты, прошел по коридору, зашел в спальню мисс Кью и убил ее.

— Как?

— Это все! — закричал я громко, как только мог. Потом успокоился. — Было ужасно темно… все еще темно. Не знаю. Не хочу знать. Она любила нас. Но мне нужно было убить ее.

— Ладно, ладно, — сказал Стерн, — не надо пугаться. Ты…

— Что?

— Ты очень силен для своего возраста, верно, Джерард?

— Наверно. Достаточно силен.

— Да, — согласился он.

— Я по-прежнему не вижу логики, о которой вы говорите. — Я начал колотить кулаком по подушке, сильно, по удару на каждое слово:

— Почему — я - должен — был — это — сделать?

— Перестань, — сказал он. — Ты поранишься.

— Я должен пораниться, — ответил я.

— Да? — спросил Стерн.

Я встал, подошел к столу и налил себе немного воды.

— Что мне делать?

— Расскажи, что делал после убийства, вплоть до того, как пришел сюда.

— Не очень много, — ответил я. — Это произошло вчера вечером. Я взял ее чековую книжку. Потом, словно отупев, вернулся в свою комнату. Оделся, только не стал обуваться. Ботинки понес с собой. И вышел. Долго шел, пытаясь размышлять. Подошел к банку, когда он открылся. Получил

деньги по чеку в одиннадцать сотен долларов. Потом решил обратиться к психоаналитику, почти весь день провел, отыскивая подходящего, пришел сюда. Это все.

— Были трудности с получением денег?

— У меня никогда не возникает трудностей, когда нужно заставить человека делать то, что я хочу. Он удивленно хмыкнул.

— Я знаю, о чем вы думаете. Я мог заставить мисс Кью делать то, что мне нужно.

— Частично ты угадал, — согласился он.

— Если бы я это сделал, — объяснил я, — она бы не была больше мисс Кью. А теперь о банкире. Я только заставил его быть банкиром.

Я посмотрел на Стерна и неожиданно понял, зачем он все время вертит трубку. Чтобы смотреть на нее, чтобы я не мог заглянуть ему в глаза.

— Ты убил ее, — сказал он, и я понял, что он меняет тему, — и уничтожил нечто очень ценное для тебя. Должно быть, это менее ценно, чем твои прежние отношения с детьми. Но ты не уверен в ценности. — Он поднял голову. Описывает ля это состояние твоих мыслей?

— Примерно.

— Знаешь, что единственное заставляет людей убивать? — Когда я не ответил, он сказал:

— Стремление выжить. Спасти себя или что-то отождествляемое с собственной личностью. Но в данном случае это не применимо, потому что твое положение у мисс Кью имело гораздо большую ценность для выживания и тебя одного, и всей группы.

— Так что, может, у меня не было причины убивать ее.

— Была, потому что ты это сделал. Мы просто пока еще ее не установили. Я хочу сказать, что причина у нас есть, мы только не понимаем, почему она так важна. Ответ заключен где-то в тебе.

— Где?

Он встал и немного походил.

— Перед нами достаточно последовательное изложение событий жизни. Конечно, вымысел смешан с фактами, и остаются области, о которых у нас не хватает сведений, но у нас есть начало, середина и конец. Я не могу быть совершенно уверен, но ответ может находиться на мосту, который ты недавно отказался переходить. Помнишь?

Я помнил. И сказал:

— Почему? Почему мы не можем попробовать что-нибудь другое?

Он спокойно ответил:

— Потому что ты только что это сказал. Почему ты так избегаешь этого?

— Не делайте серьезных выводов из этой мелочи, — ответил я. Почему-то этот парень начал меня раздражать. — Меня это тревожит. Не знаю почему.

— Что-то скрывается в тебе, и оно тебя так тревожит, что ты пытаешься его утопить. Все то, что ты стараешься скрыть, возможно, и есть то, что нам нужно. Твоя тревога скрыта, верно?

— Ну, да, — ответил я, ощутил тошноту и головокружение и подавил их. Неожиданно я решил не останавливаться. — Давайте продолжим. — И снова лег.

Он позволил мне смотреть на потолок и некоторое время слушать тишину, потом сказал:

— Ты в библиотеке. Ты только что встретился с мисс Кью. Она разговаривает с тобой; ты рассказываешь ей о детях.

Я лежал неподвижно. Ничего не происходило. Нет, происходило: внутри у меня все напряглось, начиная от костей и наружу, и напрягалось все больше. Стало совсем плохо, но по-прежнему ничего не происходило.

Я слышал, как Стерн встает и подходит к столу.

Порылся там немного, что-то зазвенело и щелкнуло. Неожиданно я услышал собственный голос:

— Ну, во-первых, Джейни. Ей, как и мне, одиннадцать. Бонни и Бинни восемь, они близнецы. И Бэби. Бэби три года.

И звук моего собственного крика…

И пустота.

* * *

Выплевывая темноту, я забил кулаками и вынырнул. Сильные руки ухватили меня за запястья. Они меня не удерживали, только тащили. Я открыл глаза. Все на мне мокрое. Термос лежит на боку на ковре. Рядом, держа меня за руки, на корточках сидел Стерн. Я перестал сопротивляться.

— Что случилось?

Он выпустил мои руки и встал, внимательно глядя на меня.

— Боже, — сказал он, — ну и приступ! Я схватился за голову и застонал. Он бросил мне полотенце, и я им воспользовался.

— Что меня ударило?

— Я все время тебя записывал, — объяснил он. — Когда ты не захотел вспоминать, я решил подтолкнуть тебя твоим собственным рассказом. Иногда это совершает настоящие чудеса.

— И на этот раз совершило чудо, — простонал я. — Мне кажется, у меня сгорел предохранитель.

— В сущности так и есть. Ты был на самом краю погружения в то, что не хочешь вспоминать, и предпочел бессознательность.

— А чем вы так довольны?

— Эффект последнего стежка, — кратко сказал он. — Теперь это у нас в руках. Всего лишь еще одна попытка.

— Подождите. Последний стежок — это когда я умру.

— Не умрешь. Долгое время этот эпизод сохранялся в твоем подсознании, и тебе это не причинило вреда.

— Правда?

— Ну, во всяком случае, тебя это не убило.

— Откуда вы знаете, что не убьет, когда мы вытащим его наружу?

— Вот увидишь.

Я искоса посмотрел на него. Мне почему-то показалось, что он знает, что делает.

— Сейчас ты знаешь о себе гораздо больше, чем тогда, — негромко объяснил он. — И можешь оценивать то, что исходит из тебя. Может, не полностью, но достаточно, чтобы защититься. Не беспокойся. Доверься мне. Я могу остановить, ес-

ли будет плохо. Теперь просто расслабься. Смотри на потолок. Ощути пальцы своих ног. Не смотри на них. Смотри прямо вверх. Твои пальцы, большие пальцы ног. Не двигай ими, но чувствуй их. Отсчитывай пальцы, начиная с большого. Один, два, три. Ощути третий палец на ноге. Ощути его, ощути, как он расслабляется, становится вялым. Потом пальцы с обеих сторон от него расслабляются. Теперь все твои пальцы расслаблены, все расслаблены…

— Что вы делаете? — закричал я.

Он все тем же шелковым голосом ответил:

— Ты мне доверяешь, и пальцы твоих ног тоже мне доверяют. Они расслаблены, потому что ты мне доверяешь. Ты…

— Вы пытаетесь меня загипнотизировать. Я не позволю вам.

— Ты загипнотизируешь себя сам. Ты все сделаешь сам. Я просто показываю тебе дорогу. Я ставлю пальцы твоих ног на эту дорогу. Только ставлю пальцы ног. Никто не может заставить тебя идти туда, куда ты не хочешь, но ты хочешь идти туда, куда указывают пальцы твоих ног, и твои пальцы расслаблены, твои пальцы…

И так далее и так далее. А где же свисающее золотое украшение, где свет в глаза, где зага-

дочные пассы? Он даже сидит так, что я не могу его видеть. Где разговор о том, каким я становлюсь сонным? Ну, он знает, что я не сонный и не хочу становиться сонным. Я всего лишь хочу стать пальцами ног. Хочу расслабиться, быть расслабленными пальцами ног. В пальцах ног нет мозга, пальцы идут, идут одиннадцать раз, одиннадцать, мне одиннадцать…

Я раскололся надвое, и это правильно, одна часть наблюдает за второй, той, что пошла в библиотеку, и мисс Кью наклонилась ко мне, но не слишком близко, я сижу на стуле, и газета шуршит подо мной, один башмак у меня снят, и пальцы ног свисают расслабленно… и я чувствую от всего этого только легкое удивление. Потому что это гипноз, но я остаюсь в сознании, понимаю, что лежу на кушетке, и Стерн сидит рядом и что-то тянет, и я вполне могу перевернуться, сесть и поговорить с ним, и выйти из кабинета, если захочу, но я этого не хочу. О, если гипноз всегда такой, я согласен. Мне нравится. Все в порядке.

На столе я вижу золото, и я остаюсь вместе с мисс Кью, с мисс Кью…

— .. Бонни и Бинни восемь, они близнецы. И Бэби. Бэби три года.

— Бэби три года, — повторяет она.

Ощущается какое-то присутствие, протяжение… разрыв. Этот разрыв вызывает боль и торжество, и торжество затопляет боль и исчезает.

И вот что оказывается внутри. Все всплывает, мгновенно, в одной вспышке.

* * *

Бэби три года? Моему ребенку будет три, если есть ребенок, а его никогда не будет…

Лоун, я открыта перед тобой. Открыта, достаточно ли этой открытости?

Его зрачки подобны колесам. Я уверена, что они вращаются, только никогда этого не успевала заметить. Зонд, который исходит из его мозга и проникает в мое сознание, проходит через глаза. Понимает ли он, что это значит для меня? Не все ли ему равно? Ему все равно, и он не понимает, не знает; он опустошает меня, и я чувствую, как он руководит мной; он пьет, и ждет, и пьет, и никогда не отрывает взгляда от чашки.

Когда я впервые увидела его, я танцевала на ветру, в лесу, в дикости, я поворачивалась, а он стоял в тени листвы и смотрел па меня. Я возненавидела его за это. Это больше не мой лес, не моя заросшая папоротником, в золотистых пятнах

поляна. Он забрал мой танец, и я застыла навсегда, потому что он оказался там. Я ненавидела его за это, ненавидела то, как он смотрит, как стоит, погрузившись в прошлогоднюю листву. Он похож на дерево с ногами вместо корней, и с корой-одеждой цвета земли. Когда я остановилась, он шевельнулся и превратился в обычного человека, большую широкоплечую обезьяну, грязное животное, и вся моя ненависть неожиданно перешла в страх, и я стояла на месте, оцепенев.

Он знал, что сделал, но ему было все равно. Танец… я больше никогда не танцевала, потому что лес больше никогда не освобождался от его глаз, не освобождался от рослого беззаботного грязного человека-зверя. Летними днями одежда душила меня, зимними вечерами приличия окутывали меня саваном, и я никогда больше не танцевала и никогда не могла подумать о танце, не вспомнив о том, как он смотрел на меня. Как я его ненавидела! Как ненавидела!

Танец в лесу, в одиночестве, где никто меня не видит, — вот единственное, что я скрывала в себе, когда стала известна как мисс Кью, викторианка, старше своих лет, старше своего времени; правильная и чопорная, вся в кружевах и льне, и всегда одинокая. А теперь я навсегда останусь

такой, какой все меня воспринимают, потому что он ограбил меня, отобрал единственное, что я хотела сохранить в тайне.

Он вышел на солнце и подошел ко мне, чуть наклонив набок большую голову. Я стояла на месте, застыв внутри Я снаружи, и под слоем страха во мне скрывался слой гнева. Руки у меня по-прежнему были вытянуты, я по-прежнему склонялась в танце, и когда он остановился, я выдохнула, потому что больше не могла задерживать дыхание. Он спросил:

— Ты читаешь книги?

Я не могла вынести, что он рядом со мной, но не могла и пошевелиться. Он протянул руку, взял меня за подбородок и поднял голову, так что я посмотрела ему в лицо. Я хотела отшатнуться, но не могла оторваться от его руки, хотя он меня не держал, просто приподнимал голову.

— Ты должна прочесть для меня кое-какие книги. У меня нет времени отыскивать их. Я спросила:

— Кто ты?

— Лоун, — ответил он. — Будешь читать для меня книги?

— Какие книги? — спросила я.

Он ударил меня по лицу, не очень сильно. Это

заставило меня снова посмотреть на него. Он опустил руку. Его глаза, их зрачки начинали вращаться…

— Открой, — сказал он. — Открой и дай мне взглянуть. У меня в голове было множество книг, и он просматривал их названия… нет, не названия, потому что он не умел читать. Он смотрел на то, что я узнала из этих книг. Неожиданно я ощутила себя ужасающе бесполезной, потому что у меня было очень немного такого, что ему нужно.

— Что это? — рявкнул он.

Я знала, о чем он спрашивает. Он извлек это из моей головы. Я сама даже не знала, что оно там есть, но он нашел.

— Телекинезис, — ответила я.

— Как это делается?

— Никто не знает, можно ли это сделать. Двигать физические объекты мыслью!

— Можно, — сказал он. — А это?

— Телепортация. То же самое — ну, почти. Передвижение собственного тела с помощью мысли.

— Да, да, это я видел, — хрипло ответил он.

— Различение молекул. Телепатия и ясновидение. Я об этом ничего не знаю. Мне все это кажется глупостью.

— Читай об этом. Неважно, понимаешь ты или

нет. Это что?

Оно у меня в сознании, на губах.

— Гештальт.

— Что это?

— Группа. Как лечение множества болезней одним лекарством. Как множество мыслей, выраженных в одной фразе. Целое больше суммы составляющих.

— Читай и об этом. Много читай. Об этом больше всего. Это важно.

Он отвернулся от меня, и когда его взгляд выпустил меня, как будто что-то сломалось, я задрожала и опустилась на колено. Он, не оглядываясь, ушел в лес. Я собралась с мыслями и убежала в дом. Гнев обрушился на меня, как буря. Страх ударил, как ветер. Я знала, что должна прочесть эти книги, что он вернется, знала, что никогда больше не смогу танцевать.

И потому читала книги и возвращалась. Иногда ежедневно, иногда через три-четыре дня, а если не могла найти определенную книгу, то приходила и через десять. Он всегда ждал меня на маленькой поляне, стоял в тени, брал, что хотел, из книг и никогда у меня. Он никогда не говорил о нашей следующей встрече. Не знаю, приходил ли он ежедневно или только тогда,

когда приходила я.

Он заставлял читать книги, которые для меня не имели никакого смысла, книги об эволюции, об общественной и культурной организации, о мифологии и всегда и прежде всего — о симбиозе. Мы с ним не разговаривали; иногда не произносилось ни слова, лишь изредка он заинтересованно хмыкал.

Он вырывал из меня содержание книг, как ягоды с куста, все сразу; от него пахло потом, землей и зеленью, которую он давил, когда пробирался через лес.

Если он чему-то учился из книг, внешне это никак не отражалось.

Но вот наступил день, когда он, сидя рядом со мной, принял решение.

Он сказал:

— В какой книге есть что-то такое? — Долго сидел, думая. — Ну, вот термиты не могут переварить дерево, а микробы у них в желудке могут, а термиты поедают то, что оставляют микробы. Что это?

— Симбиоз, — вспомнила я. Я помнила слова. Лоун извлекал содержимое и отбрасывал слова. — Два типа жизни, зависящие в своем существовании друг от друга.

— Да. А есть книги о четырех-пяти типах, которые так связаны?

— Не знаю. Тогда он спросил:

— А как насчет этого? У тебя есть радиостанция и четыре-пять приемников; каждое принимающее устройство способно делать что-то одно, например, копать землю, летать или издавать звуки, но все они получают приказы из одного места. И у каждого своя энергия и свои собственные цели, но все они обособлены. Так вот: существует ли такая организация в жизни, а не в радио?

— Каждый организм часть целого, но в то же время все они отдельные? Не думаю… если только иметь в виду социальную организацию, как отряд или группу рабочих, которые получают приказы от одного начальника.

— Нет, — сразу ответил он, — не так. Как одно животное. — Он собрал руку горстью, сделав жест, который я поняла.

Я спросила:

— Ты имеешь в виду форму жизни? Но это фантастика.

— Значит, книг об этом нет?

— Никогда о них не слыхала.

— Мне нужно об этом знать, — тяжело сказал он. — Такое существует. И я хочу знать, существо-

вало ли раньше.

— Не понимаю, как такое может существовать.

— Существует. Одна часть приносит, другая рассчитывает, третья находит, четвертая говорит.

— Говорит? Только люди могут говорить.

— Знаю, — ответил он, встал и ушел.

Я искала и искала такую книгу, но ничего даже отдаленно похожего не находила. Вернулась и сказала ему. Он долго сидел неподвижно, глядя на голубую линию холмистого горизонта. Потом устремил ко мне взгляд своих вращающихся зрачков и принялся искать.

— Ты узнаешь, но не думаешь, — сказал он наконец и снова посмотрел на холмы.

— Это происходит с людьми, — сказал он спустя много времени. — Происходит прямо у них под носом, и они не видят. У вас есть такие, кто умеет читать мысли. Есть люди, которые умеют мыслью передвигать предметы. Могут сами передвигаться с помощью мысли. Есть люди, которые все могут рассчитать, стоит их только попросить. Нет только человека, который мог бы свести их воедино, как мозг, соединяющий все органы, все части, которые давят, тянут, чувствуют тепло, ходят, думают и все остальное.

— Я такой человек, — неожиданно закончил он.

И сидел неподвижно так долго, что я подумала, он забыл обо мне.

— Лоун, — сказала я, — что ты делаешь здесь в лесу?

— Жду, — ответил он. — Я еще не закончен. — Он посмотрел мне в глаза и раздраженно фыркнул. — Не то, что ты думаешь. Я хочу сказать, что еще не… завершен. Ты знаешь, что если червя разрезать, он снова вырастет? Так вот, забудь о разрезе. Допустим, он так вырастает с самого начала. Я приобретаю части. Я еще не закончен. Я хочу найти книгу о существе, которое подобно мне, каким я буду законченным.

— Я не знаю такой книги. Может, расскажешь что-нибудь еще? Может, тогда я смогу отыскать нужную книгу?

Он сломал своими большими руками палку, положил обломки рядом и снова переломил их.

— Я знаю только, что поступаю, как птица, когда пришло время вить гнездо. И знаю, что когда закончу, хвастаться будет нечем. У меня будет сильное и быстрое тело, каких ни у кого нет, но без головы. Но, может, это потому, что я только первый. Тот рисунок, который у тебя есть, пещерный человек…

— Неандерталец?

— Да. Как подумаешь, он не представлял собой ничего особенного. Ранняя попытка чего-то нового. Вот кем я стану. Но, может, когда я кончу, появится и нужная голова. Вот тогда уже будет что-то.

Он довольно хмыкнул и ушел.

* * *

Я искала, искала много дней, но не могла найти то, что ему нужно. Нашла журнал, в котором утверждалось, что следующий шаг в эволюции человека будет в психическом, а не в физическом направлении, но ничего не говорилось о… назовем это организмом. Говорилось кое-что о плесени, но это скорее напоминало совместную деятельность амеб, а не симбиоз.

Моему ненаучному, лично незаинтересованному сознанию не представлялось ничего подобного тому, что он ищет. Разве что оркестр, в котором каждый музыкант играет на особом инструменте, со своей техникой и по особым нотам, но при этом получается одна мелодия. Но он имел в виду нечто совсем другое.

И вот я пошла к нему однажды в прохладный осенний вечер, и он взял то немногое, что у меня было, и гневно отвернулся от меня с проклятием,

которое я не разрешаю себе вспоминать.

— Не можешь найти, — сказал он мне. — Больше не приходи.

Он встал, отошел к изорванной березе, прислонился к ней и стал смотреть на движущиеся на ветру тени. Я думаю, обо мне он совершенно забыл. И когда я заговорила с ним, подпрыгнул как испуганное животное. Должно быть, настолько погрузился в свои странные мысли, что не слышал, как я подошла.

Я сказала:

— Лоун, не вини меня в том, что я не нашла. Я старалась.

Он справился с неожиданностью и посмотрел на меня этим своим взглядом.

— Винить? Кто тебя винит?

— Я тебя подвела, — сказала я, — и ты сердишься. Он смотрел на меня так долго, что я почувствовала себя неловко.

— Не знаю, о чем ты говоришь, — сказал он наконец. Я не хотела, чтобы он отворачивался от меня. Он ушел бы. Оставил бы навсегда, даже не подумав обо мне; ему было все равно! Это не жестокость и не беспечность, как они мне известны. Он был равнодушен, как равнодушна кошка к распускающемуся бутону.

Я взяла его за руку и затрясла, но это все равно, что трясти фасад моего дома.

— Теперь ты знаешь! — закричала я. — Ты знаешь, что я читала! Ты должен знать, что я думаю! Он покачал головой.

— Я личность, я женщина! — кричала я. — Ты использовал меня и ничего не дал взамен. Ты заставил меня нарушить все привычки моей жизни, заставил читать много часов напролет, приходить к тебе в дождь и в воскресенье, и ты не разговариваешь со мной, не смотришь на меня, ты ничего не знаешь обо мне, и тебе все равно. Ты наложил на меня заклятие, которое я не могу разорвать. А когда закончил, ты говоришь мне: «Больше не приходи».

— Я должен давать что-то взамен того, что взял?

— Люди поступают так.

Он снова заинтересованно хмыкнул.

— А чего ты хочешь от меня? У меня ничего нет. Я отодвинулась от пего. Я чувствовала… не знаю, что я чувствовала. Немного погодя я сказала:

— Не знаю.

Он пожал плечами и отвернулся. Я едва не прыгнула на него, потащила назад.

— Я хочу, чтобы ты…

— Ну, черт побери, что?

Я не могла смотреть на него, говорила с трудом.

— Не знаю. Есть что-то, но не знаю, что именно. Что-то такое… даже если бы знала, не могла бы сказать. — Он покачал головой, и я снова взяла его за руку. — Ты читаешь книги во мне. Не можешь прочесть… меня?

— Я никогда не пытался. — Он зажал мне лицо и придвинулся. — Вот.

Взгляд его проник в меня, как необычный зонд, и я закричала. Попыталась вырваться. Я не хочу этого, уверена, что не хочу. Я отчаянно вырывалась. Думаю, он оторвал меня от земли своими большими руками. Держал, пока не закончил, потом выпустил. Я, всхлипывая, жалась к земле. Он сел рядом. Не пытался притронуться ко мне. Не пытался уйти. Наконец я успокоилась и ждала.

Он сказал:

— Больше так не буду.

Я села, подоткнула под себя юбку и легла щекой на поднятое колено, чтобы видеть его лицо.

— Что произошло? Он выругался.

— У тебя внутри все перемешалось. Тебе тридцать три года. Зачем ты так живешь?

— Я живу очень удобно, — раздраженно отве-

тила я.

— Да, — сказал он. — Десять лет в одиночестве, только служанка. Больше никого.

— Мужчины животные, а женщины…

— Ты на самом деле ненавидишь женщин. Они знают что-то такое, чего ты не знаешь.

— И не хочу знать. Я и так счастлива.

— Еще бы. Дьявольски счастлива!

Я ничего не ответила на это. Не выношу такую речь.

— Ты хочешь от меня две вещи. Ни одна не имеет смысла. — Он посмотрел на меня, и впервые на лице его я увидела чувство — глубокое удивление. — Ты хочешь все знать обо мне, откуда я пришел, как стал таким.

— Да, хочу. А что еще я хочу от тебя? Что знаешь ты и не знаю я?

— Я где-то родился и рос, как сорняк, — сказал он, не обращая на меня внимания. — Среди людей, которые не могли даже сдать меня в приют. Поэтому я готовился стать чем-то вроде деревенского дурачка. А потом ушел в лес.

— Почему?

Он подумал и наконец ответил:

— Наверно, потому, что образ жизни людей не имел для меня смысла. А в лесу я рос, как хотел.

— Как это? — спросила я, преодолевая огромное расстояние, которое постоянно то возрастало, то убывало между нами.

— Это то, что я и хотел узнать из твоих книг.

— Ты мне никогда не говорил. Он вторично сказал:

— Ты учишься, но не думаешь. Существует нечто… ну, личность. Сделана из отдельных частей, но это одна личность. У нее есть руки, ноги, рот, который может говорить, и у нее есть мозг-Это я, мозг этой личности. Не очень умный, но лучший из тех, что я знаю.

— Ты сошел с ума.

— Нет, — ответил он, не обижаясь и совершенно уверенно. — У меня уже есть части, подобные рукам. Я могу переместить их куда угодно, и они делают все, что я хочу, хотя они еще слишком молоды, чтобы принести много добра. Есть часть, которая говорит. Говорит очень хорошо.

— Не думаю, чтобы ты хорошо говорил, — сказала я. Не выношу не правильный английский. Он удивился.

— Я говорю не о себе! Она там, с остальными.

— Она?

— Та, что говорит. Теперь мне нужна часть, которая думает, которая может взять все что угод-

но, сложить одно с другим и получить верный ответ. И когда все части будут вместе и привыкнут действовать сообща, я буду тем новым типом существа, о котором говорил тебе. Понятно? Только… хотел бы я, чтобы у него была голова получше.

У меня самой голова закружилась.

— Что заставляет тебя это делать? Он серьезно обдумал вопрос.

— А что заставляет тебя выращивать волосы под мышками? — спросил он. Такие вещи не планируют. Они просто происходят.

— А что… что происходит, когда ты смотришь мне в глаза?

— Тебе нужно название? У меня его нет. Не знаю. Знаю, что могу любого заставить делать, что мне нужно. Ну, например, заставить тебя забыть обо мне.

Я сдавленно ответила:

— Я не хочу забывать о тебе.

— Забудешь. — Не знаю, что он хотел этим сказать: что заставит меня забыть или я сама этого захочу. — Ты меня ненавидишь, но потом, спустя много времени, будешь мне благодарна. Может, когда-нибудь сумеешь сделать что-то для меня. И так будешь благодарна, что обрадуешься

такой возможности. Но ты забудешь, забудешь все, кроме какого-то… ну, чувства. И может, моего имени.

Не знаю, что заставило меня это сделать, но я жалобно спросила:

— И никто не узнает о тебе и обо мне?

— Никто не сможет узнать, — ответил он. — Если… не появится у существа новая голова, как я или лучше. — И он встал.

— О, подожди, подожди! — воскликнула я. Он не должен уходить, еще не должен. Этот высокий грязный человек-зверь чем-то околдовал меня. — Ты не дал мне другого…

— О, — сказал он. — Да, это.

Он сделал стремительное движение. Какое-то давление, натяжение… разрыв. С ужасной болью и торжеством, подавляющим боль, это было сделано.

* * *

Я вынырнул на двух разных уровнях. Мне одиннадцать лет, и я задыхаюсь от потрясения, от невероятной боли перемещения в другое эго. И:

Мне пятнадцать, я лежу на кушетке, а Стерн тянет:

* * *

…спокойно, расслабленно, твои ноги расслаблены, твой живот расслаблен, твой живот мягкий, шея у тебя такая же расслабленная, как живот, все в теле становится мягким, вялым…

Я сел и свесил ноги на пол.

— Все в порядке.

Стерн посмотрел на меня чуть раздраженно.

— Должно получиться, — сказал он, — но только если ты будешь помогать. Просто лежи…

— Получилось, — ответил я.

— Что?

— Все. От «а» до «я». — Я щелкнул пальцами. — Вот так.

Он пристально посмотрел на меня.

— О чем ты?

— Все было во мне, как вы и сказали. В библиотеке. Когда мне было одиннадцать. Когда она сказала «Бэби три года». Это высвободило что-то, что бурлило во мне три года, и все это вырвалось наружу И я получил страшный удар Просто ребенок, без предупреждения, без защиты. Это была такая., боль Я никогда такой не испытывал — Продолжай, — сказал Стерн.

— В сущности все. Не то, что во мне. То, что со

мной было. Я словно побывал в ней. Узнал все, что произошло с ней за четыре месяца. Абсолютно все. Она знала Лоуна.

— Ты хочешь сказать, множество эпизодов?

— Да.

— Ты пережил их все сразу? В долю секунды?

— Верно. Послушайте, на эту долю секунды я стал ею, понятно? Я был ею, всем, что она делала, что думала, слышала и чувствовала. Все, все, и в правильном порядке, если бы мне понадобилось. И все, и любая часть. Если я должен рассказать, что ел на ланч, нужно ли заодно рассказывать все, что произошло со мной с рождения? Нет. Говорю вам, я стал ею, и отныне могу вспомнить все, что помнила она. И все это в одно мгновение.

— Гештальт, — прошептал он.

— Ага! — сказал я и задумался. Подумал об этом и еще о множестве вещей. Но потом отложил на время и спросил:

— А почему я не знал этого раньше?

— У тебя эти воспоминания были заблокированы Я возбужденно ответил.

— Не понимаю почему, совсем не понимаю.

— Просто естественное отвращение, — предположил он — Как ты считаешь? Ты не хотел становиться женщиной, даже на мгновение.

— Вы мне с самого начала говорили, что у меня таких проблем нет.

— Ну, а это как тебе? Ты ведь сказал, что ощутил боль Ну ты не хотел возвращаться к этому, чтобы боль не повторилась.

— Дайте мне подумать, дайте подумать. Да, да, отчасти это так это вхождение в чужое сознание. Она раскрылась передо мной, потому что я напомнил ей о Лоуне. Я вошел. Но я не был готов. Я никогда этого не делал Ну, может немного, преодолевая сопротивление. Но тут я вошел свободно, и это было для меня слишком. Я испугался и продолжал пугаться годы. А оно лежало во мне, свернувшись, закрытое. Я рос, сила моего мозга тоже росла, а я по-прежнему боялся ею воспользоваться. И чем становился старше, тем глубже ощущал, что мисс Кью должна быть убита, прежде чем убьет меня то, чем я становлюсь. Боже! — воскликнул я — Вы знаете, кто я?

— Нет, — ответил он — Не хочешь ли рассказать об этом?

У него появилось профессиональное непредубежденное выражение. Не веры или недоверия, а просто внимания. Мне нужно бы то рассказать ему, но я вдруг понял, что мне не хватает слов. Я знал сущности, но не знал их

названий.

Лоуи брал значения и отбрасывал слова.

Еще дальше назад.

Ты читала книги Прочитай для меня.

Взгляд в его глаза Это «раскрытие», «проникновение».

Я вернулся к Стерну Он посмотрел на меня, я наклонился ближе. Вначале он вздрогнул, потом справился с собой, придвинулся еще ближе.

— Боже, — прошептал он — Я раньше не смотрел в эти глаза Готов поклясться, что они вращаются, как колеса.

* * *

Стерн читал книги Я даже не представлял себе, что существует столько книг. Я скользнул туда, ища то, что мне нужно.

Не могу сказать, на что это похоже. Словно идешь по туннелю, а в туннеле, от пола до потолка, торчат деревянные руки как в карусели на ярмарке, когда можно схватить медное кольцо. На конце каждой руки медное кольцо, и ты можешь взять любое из них.

Теперь представьте себе, что вы знаете, какие именно кольца вам нужны. И теперь в деревянных руках только такие кольца. Теперь

представьте себе, что у вас самого тысячи рук, которыми вы можете брать одновременно. Представьте себе, что туннель невероятно длинный, и вы можете пройти его из конца в конец, хватая кольца, за одно мгновение. Вот как это, только еще легче.

Для меня это было легче, чем для Лоуна.

* * *

Выпрямившись, я отодвинулся от Стерна. Он выглядел больным и испуганным.

— Все в порядке, — сказал я.

— Что ты со мной сделал?

— Мне нужны были некоторые слова. Послушайте, отнеситесь к этому как профессионал.

Я им восхищался. Он положил трубку в карман и прижал кончики пальцев ко лбу и щекам. Потом сел и стал выглядеть как всегда.

— Знаю, — сказал я. — Так себя чувствовала мисс Кью, когда Лоун это с ней проделал.

— Кто ты?

— Я вам сказал. Я центральный нервный узел, ганглий сложного организма, состоящего из Бэби-компьютера, Бонни и Бинни, способных к телепортации, Джейни, занятой телекинезисом, и меня самого, телепата, осуществляющего

центральный контроль. Нет среди наших способностей ни одной, которая не была бы задокументирована раньше. Телепортация йогов, телекинезис некоторых игроков, умственно отсталые гениальные математики, а прежде всего так называемый полтергейст, когда девочки передвигают вещи в доме. Только в нашем случае каждая часть способна на самое лучшее применение этих способностей.

— Лоун организовал нас, вернее, мы сформировались вокруг него. Неважно, что именно. Я заменил Лоуна, но я еще недостаточно развился, когда он умер, а сверх того получил встряску от соприкосновения с мисс Кью. Вы были правы, когда сказали, что это испытание заставило меня подсознательно уходить от всего с ним связанного. Но есть еще одна причина, по которой я не мог уходить за преграду «Бэбн три года».

Мы столкнулись с проблемой, которая для нас оказалась важней безопасности в доме мисс Кью. Разве вы еще не поняли? Мой гештальт-организм находился на грани смерти от этой безопасности. Я понял, что либо умрет мисс Кью, либо умрет этот организм — Я. О, части будут продолжать жить: две маленькие цветные девочки с задержкой речи, одна девочка постарше со склонностью

к самоанализу и живописи, один идиот-монголоид и я — девяносто процентов потенциала замкнуты, а десять процентов — просто малолетний преступник. — Я рассмеялся. — Конечно, она должна была погибнуть. Это просто инстинкт самосохранения гештальт-организма.

Стерн пошевелил губами и наконец выговорил:

— Я не…

— И не нужно, — рассмеялся я. — Замечательно. Вы настоящий специалист, очень хороший специалист. Я могу вам сказать это, и вы оцените как профессионал. Вы говорите о блоках. Я не мог пройти блок «Бэби три года», потому что за ним скрывался ключ к тому, кто я такой на самом деле. Не мог, потому что боялся вспомнить, что на самом деле я существую на двух уровнях: маленький мальчик мисс Кью и нечто гораздо, гораздо большее. Я не мог быть и тем и другим, но не мог и отказаться от одного из состояний.

Он спросил, не отрывая взгляда от трубки:

— А теперь можешь?

— Могу.

— И что теперь?

— О чем вы?

Стерн перегнулся через угол своего стола.

— Тебе не приходило в голову, что, может, этот… твой гештальт-организм уже мертв?

— Он не мертв.

— Откуда ты знаешь?

— Откуда ваша голова знает, что руки действуют? Он прикоснулся к своему лицу.

— Вот так… и что дальше? Я пожал плечами.

— Разве синантроп посмотрел на подошедшего гомо сапиенса и спросил: «Что дальше?». Мы будем жить, все вместе, как человек, как дерево, как любой живой организм. Будем расти, и питаться, и ощущать, и размножаться. Будем защищать себя. — Я развел руки. — Будем совершать естественные поступки.

— Но что вы можете сделать?

— А что может сделать электрический мотор? Все зависит от того, к чему мы приложим усилия. Стерн побледнел.

— А что ты… хочешь делать? Я задумался. Он молча ждал.

— Знаете что? — сказал я наконец. — С самого рождения люди меня пинали, пока обо мне не позаботилась мисс Кью. И что произошло тогда? Она едва меня не убила.

Я подумал еще и сказал:

— Всем было весело, кроме меня. Всем весело,

все забавляются, когда есть возможность пнуть того, кто слабее тебя и не может защититься. О, тебе делают одолжения, пока не завладеют тобой или не убьют тебя. — Я посмотрел на Стерна и улыбнулся. — Я собираюсь позабавиться, только и всего.

Он повернулся спиной ко мне. Я думал, он начнет расхаживать, но он тут же снова повернулся ко мне. Я знал, что теперь он все время будет наблюдать за мной. Он сказал:

— Ты проделал большой путь после того, как зашел ко мне.

Я кивнул.

— Вы хороший психоаналитик.

— Спасибо, — горько ответил он. — И ты считаешь, что теперь излечился, приспособился и готов действовать?

— Конечно. А разве вы так не считаете? Он покачал головой.

— Ты только узнал, кто ты такой. Тебе нужно еще многое узнать.

Я готов был проявить терпение.

— Что, например?

— Например, что бывает с людьми, которые живут с чувством вины, как у тебя. Ты отличаешься, Джерри, но не настолько.

— Я должен чувствовать вину, что спас свою жизнь? Он не обратил на это внимание.

— Еще одно. Ты сам сказал, что всю жизнь на всех сердился. Так ты жил. А думал ли ты, почему?

— Не могу сказать, что думал.

— Одна причина в том, что ты был один. Поэтому для тебя так много значили эти дети и мисс Кью.

— Ну и что? Дети по-прежнему со мной. Он медленно покачал головой.

— Ты и дети — единый организм. Уникальный. Беспрецедентный. — Он ткнул в меня черенком трубки. — Совершенно один.

Кровь зашумела у меня в ушах.

— Заткнитесь, — сказал я.

— Только подумай, — негромко продолжал он. — Ты можешь практически все. Можешь иметь все, что захочешь. Но все это не избавит тебя от одиночества.

— Заткнитесь! Все одиноки. Он кивнул.

— Некоторые могут научиться жить с этим.

— Как?

Немного погодя он ответил:

— Благодаря тому, что есть нечто, о чем ты ничего не знаешь. Даже если я тебе скажу, оно для

тебя ничего не будет значить.

— Скажите, и посмотрим.

Он очень странно взглянул на меня.

— Это нечто называется моралью.

— Наверно, вы правы. Не понимаю, о чем вы говорите. — Я собрался. Больше мне незачем его слушать. — Вы боитесь, — сказал я. — Боитесь гомогештальта.

Он сделал огромное усилие и улыбнулся.

— Ублюдочная терминология.

— Мы ублюдочное племя, — ответил я. Показал:

— Садитесь сюда.

Он пересек комнату и сел за стол. Я наклонился к нему, и он заснул с открытыми глазами. Я выпрямился и осмотрел кабинет. Взял термос, наполнил его и поставил на стол. Поправил угол ковра, положил чистое полотенце в головах кушетки. Прошел мимо стола и посмотрел на магнитофон.

Словно протянув руку, вызвал Бинни. Она стояла у стола, широко раскрыв глаза.

— Посмотри сюда, — сказал я. — Внимательно посмотри. Я хочу стереть запись. Спроси у Бэби, как это сделать.

Она посмотрела на меня, как-то встряхнулась и

наклонилась к магнитофону. Исчезла — и сразу вернулась. Прошла мимо меня, повернула две ручки, нажала кнопку, что-то дважды щелкнуло. Лента быстро начала перематываться назад.

— Все в порядке, — сказал я. — Уходи. Она исчезла, Я взял пиджак и направился к выходу. Стерн по-прежнему сидел за столом и смотрел, ничего не видя.

— Хороший психоаналитик, — прошептал я. Чувствовал я себя отлично.

Снаружи я немного подождал, потом повернулся и снова вошел.

Стерн посмотрел на меня.

— Садись сюда, сынок.

— Простите, сэр, — сказал я. — Ошибся кабинетом.

— Ничего, — ответил он.

Я вышел и прикрыл за собой дверь. И всю дорогу до полицейского участка улыбался. Мой рассказ о мисс Кью запишут, и он им понравится. Я посмеивался, думая о Стерне, как он будет гадать, куда пропал почти целый день и откуда у него тысяча баксов. Это гораздо забавнее, чем думать о нем мертвом.

И что это за дьявольская штука — мораль?

Часть третья
МОРАЛЬ

— Кто он вам, мисс Джеральд? — спросил шериф.

— Джерард, — поправила она. У нее серо-зеленые глаза и необычный рот. — Он мой двоюродный брат.

— Все дети Адама братья, так или иначе. Вам придется рассказать мне немного больше.

— Семь лет назад он служил в военно-воздушных силах, — сказала она. Потом случились... неприятности. Он был отправлен в отставку. По медицинским основаниям.

Шериф порылся в папке на столе.

— Фамилию врача помните?

— Сначала Томпсон, потом Бромфилд. Заключение об отставке подписал доктор Бромфилд.

— Похоже, вы действительно кое-что знаете. А кем он был до службы в авиации?

— Инженером. То есть я хочу сказать, был бы им, если бы закончил школу.

— А почему не кончил? Она пожала плечами.

— Он просто исчез.

— Откуда вы знаете, что он здесь?

— Я узнала бы его везде, — ответила она. — Я видела… видела, как это случилось.

— Видели. — Шериф хмыкнул, поднял папку, уронил ее. — Послушайте, мисс Джеральд, не мое дело советовать. Но вы кажетесь мне хорошей девушкой. Почему бы вам просто не забыть о нем?

— Я хотела бы повидаться с ним, если можно, — негромко ответила она.

— Он сумасшедший. Вы знаете это?

— Не думаю.

— Пробил кулаком стекло в витрине. Просто так. Она ждала. Он попытался снова.

— Он грязный. Даже не знает собственного имени.

— Можно мне его увидеть?

Шериф без слов выругался и встал.

— Если бы врачи в авиации имели хоть немного здравого смысла, они посадили бы его в такое место, где бы он и близко не смог подойти к тюрьме. Сюда, пожалуйста.

Стены из стальных плит, как переборки на корабле. Окрашены сверху поблекшей желтой краской, а внизу в цвет горчицы. Шаги звучат гулко. Шериф открыл тяжелую дверь, она со скрипом отодвинулась. Они прошли, и шериф

снова закрыл дверь. Пропустил ее вперед, и они оказались в большом, напоминающем амбар помещении с бетонными стенами и потолком. Вокруг всего помещения проходило нечто вроде балкона. Под ним и над ним камеры, со стальными стенами и решетками вместо передней стены. Всего около двадцати камер. Заняты всего с полдюжины. Место холодное и неприятное.

— Ну, а чего вы ожидали? — спросил шериф, разгадав выражение ее лица. Отеля «Валдорф» или еще чего?

— Где он? — спросила она.

Они прошли к камере в нижнем ярусе.

— Проснись, Барроус. К тебе женщина.

— Гип! О, Гип!

Заключенный не пошевелился. Он полулежал на стальной койке, одна нога свесилась на пол. Левая рука на грязной перевязи.

— Видите? Не говорит ни слова. Довольны, мисс?

— Впустите меня, — выдохнула она. — Позвольте поговорить с ним.

Он пожал плечами и неохотно открыл дверь. Она вошла и повернулась.

— Можно поговорить с ним наедине?

— Он может причинить вам вред, — преду-

предил он. Она посмотрела на него. Рот у нее исключительно выразительный.

— Что ж, — сказал шериф наконец. — Я буду поблизости. Крикнете, если понадобится помощь. Если попытаешься что-то сделать, Барроус, я тебе перевязь натяну на шею. — Шериф закрыл за девушкой дверь.

Она подождала, пока он не отойдет, потом подошла к заключенному.

— Гип, — прошептала она. — Гип Барроус. Тусклые зрачки чуть повернулись в глазницах, пока не устремились примерно в ее направлении. Глаза закрылись и снова открылись. Медленно мигнули. Она наклонилась к нему.

— Мистер Барроус, — прошептала она, — вы меня не знаете. Я сказала, что вы мой двоюродный брат. Я хочу помочь вам.

Он молчал.

Она сказала:

— Я вас вытащу отсюда. Разве вы не хотите выйти? Он долго смотрел ей в лицо. Потом посмотрел на закрытую дверь и снова ей в лицо.

Она коснулась его лба, щеки. Показала на грязную повязку.

— Больно?

Он оторвал взгляд от ее лица, посмотрел на

повязку. С усилием поднял глаза. Она спросила:

— Вы ничего не хотите сказать? Не хотите, чтобы я вам помогла?

Он молчал, и она встала.

— Мне пора идти. Не забывайте меня. Я вам помогу. — И она повернулась к двери. Он спросил:

— Почему?

Она вернулась к нему.

— Потому что вы грязный, избитый и вам все равно — и потому что это не может скрыть от меня, кто вы на самом деле.

— Вы сумасшедшая, — устало прошептал он. Она улыбнулась.

— Так говорят о вас. Так что у нас есть кое-что общее. Он грязно выругался. Она безмятежно сказала:

— И за этим вам не спрятаться. Теперь слушайте меня. Сегодня к вам придут двое. Один врач. Второй юрист. К вечеру мы вас отсюда вытащим.

Он поднял голову, и впервые на его лице появилось какое-то выражение. Совсем не приятное. Голос его прозвучал низко. Он проворчал:

— Что за врач?

— Из-за руки, — спокойно ответила она. — Не психиатр. Больше вам не придется встречаться с психиатрами.

Он опустил голову. Лицо его утратило выражение. Она подождала, но так как он ничего не сказал, она повернулась и позвала шерифа.

* * *

Было не слишком трудно. Приговор — шестьдесят суток за злостное хулиганство. Освобождение под залог не предлагалось. Адвокат легко доказал, что его следовало предложить. Залог был внесен. В чистой новой повязке и в грязной одежде Барроус прошел мимо побагровевшего шерифа, не обратив внимания на его слова, что шериф сделает, когда грязный бродяга снова покажется в городе.

Девушка ждала снаружи. Барроус тупо стоял на ступеньках, пока она разговаривала с юристом. Когда юрист ушел, она коснулась его локтя.

— Пошли, Гип.

Он пошел, как заводная игрушка, пошел, куда его повели. Дважды повернули, прошли пять кварталов и поднялись по каменным ступенькам чистого домика с эркером и центральной дверью с цветным стеклом. Девушка открыла наружную дверь одним ключом и дверь в прихожую другим. Барроус оказался в комнате с эркером. Высокий потолок, чисто, много воздуха.

Впервые он двинулся по своей воле. Медленно повернулся, разглядывая стены. Протянул руку, приподнял за угол туалетный столик, опустил.

— Твоя комната?

— Твоя, — ответила она. Подошла к нему и положила на столик два ключа. Твои ключи. — Открыла верхний ящик. — Твои носки и носовые платки. — Пальцами постучала по очереди по всем ящикам. — Рубашки. Белье. — Показала на дверцу. Там два костюма. Мне кажется, подойдут.

Халат. Шлепанцы. Ботинки. — Показала на другую дверь. — Ванная. Много полотенец, много мыла. Бритва.

— Бритва?

— Всякий, кто имеет ключи, может иметь и бритву, — мягко ответила она. Приведи себя в порядок. Я вернусь через пятнадцать минут. Знаешь, сколько дней ты не ел?

Он покачал головой.

— Четыре дня. Пока.

Она выскользнула за дверь и исчезла, прежде чем он нашелся что ответить. Он долго смотрел на дверь. Потом выругался и опустился на кровать.

Почесал нос. Рука легла на подбородок. Чешется. Он полувстал, бормоча:

— Будь я проклят, если стану бриться, — и снова лег. А потом каким-то образом оказался в ванной, глядя на себя в зеркало. Вымыл руки, плеснул воды в лицо, вытер грязь полотенцем и посмотрел снова. Потом хмыкнул и потянулся за мылом.

Нашел бритву, нашел белье, брюки, носки, туфли, рубашку, пиджак. Посмотрев в зеркало, пожалел, что у него нет расчески. В это время девушка локтем открыла дверь, положила пакет и улыбнулась ему. В руках ее была расческа. Он без слов взял ее, вышел, смочил голову и причесался.

— Пошли, все готово, — позвала его из комнаты девушка. Он вышел. Она сняла с ночного столика лампу и поставила на него толстую овальную тарелку с большим бифштексом, бутылку эля, бутылку поменьше с крепким портером, картошку с тающим маслом, горячие булочки в салфетке и овощной салат в небольшой деревянной чашке.

— Ничего не хочу, — сказал он и набросился на еду. Нет ничего в мире лучше приятного ощущения во рту и желудке, пощипывания эля и неописуемого волшебства поджаренной корочки.

Когда тарелка опустела, и она, и стол неожиданно захотели взлететь над его головой. Он упал,

схватил стол за края и удержал его. Его начала бить сильная дрожь. Девушка сзади сказала:

— Все в порядке. Все в порядке. — Положила руки ему на плечи и заставила снова сесть. Он попытался поднять руки и не смог. Она салфеткой вытерла ему влажный лоб и верхнюю губу.

Со временем его глаза открылись. Он осмотрелся, обнаружил девушку сидящей на краю кровати. Она молча наблюдала за ним. Он застенчиво улыбнулся.

— Фью! Она встала.

— Теперь все будет в порядке. Тебе лучше лечь. Спокойной ночи!

Только что она была в комнате, и вот ее уже нет. Только что она была с ним, теперь он один. Слишком значительное изменение, которое трудно вынести и понять. Он оторвал взгляд от двери, посмотрел на кровать и сказал «Спокойной ночи», просто потому, что это ее последние слова, они, мерцая, повисли в тишине.

Он опустил руки на ручки кресла и заставил ноги слушаться. Смог встать, но и только. Упал вперед и вбок, чтобы не задеть стол. Лег поперек покрывала, и его окутала тьма.

* * *

— Доброе утро.

Он лежал неподвижно. Ноги подняты, ладони прижаты к щекам. Он крепко закрыл глаза, чтобы не видеть свет. Заставил себя не замечать кинетическое ощущение прогиба матраца. Там села она. Отсоединил слух, чтобы не слышать ее слов. Но обоняние предало его: он не ожидал в комнате запаха кофе. И захотел кофе, захотел отчаянно, прежде чем подумал отказаться от этого желания.

Лежал ошеломленно, думая, думая о ней. Он думал: если она снова заговорит, он ей покажет. Будет лежать, пока она не заговорит, а потом не обратит на нее внимания и по-прежнему будет лежать.

Он ждал.

Ну, если она не собирается говорить, как он может не обращать на нее внимания?

Он открыл глаза. Они сверкнули, круглые и сердитые.

Она сидела в ногах кровати. Тело неподвижно, лицо неподвижно, живы только рот и глаза.

Он неожиданно сильно закашлялся. От этого глаза закрылись, а когда он открыл их снова, ее

не увидел. Потрогал грудь, посмотрел вниз.

— Всю ночь проспал в одежде, — сказал он.

— Пей кофе.

Он посмотрел на нее. Она по-прежнему не шевелилась. На ней красный жакет с серо-зеленым шарфом. Удлиненные серо-зеленые глаза, которые в профиль кажутся глубокими чистыми треугольниками. Он отвел от нее взгляд, смотрел все дальше и дальше, пока не обнаружил кофе. Большая чашка, толстая горячая чашка, налитая дополна. Кофе черный, крепкий, вкусный.

— Ух ты, — сказал он принюхиваясь. Отпил — Ух ты. Посмотрел на солнечный свет. Хорошо. Ветерок шевелит занавеску на окне, солнечный луч то врывается, то исчезает. Хорошо. Светящийся овал зеркала, отражающего солнце, пятно на соседней стене. Хорошо. Он снова отпил кофе.

Потом поставил чашку и занялся пуговицами рубашки. Рубашка оказалась смятой и пропотевшей.

— Душ, — сказал он.

— Давай, — ответила девушка. Подошла к шкафу и достала оттуда картонную коробку и брюки. Открыла коробку. В ней была электрическая плитка. Тем временем он расстегнул три пуговицы, а четвертая и пятая с треском

оторвались. Кое-как ему удалось выбраться из одежды. Девушка не обращала на него внимание. Она не отводила взгляд, но и не смотрела на него, спокойно занималась своими делами, возилась с плиткой. Он прошел в ванную, долго возился с кранами душа, наконец пустил воду. Встал под душ, и вода потекла по шее. Он нашел в мыльнице мыло, позволил воде бежать по голове и принялся яростно тереть ее, пока все мыло не превратилось в пену. «Боже, — возникла откуда-то мысль, — я худ, как ксилофон. Надо нарастить тело, или я заболею… — Появилась новая мысль, прервала первую. — Я не должен выглядеть здоровым. Надо быть здоровым, но казаться больным». Он гневно спросил:

— Кому нужно, чтобы я казался больным? — Но ответа не было. Только его голос глухо отразился от плиток.

Он выключил воду, вышел из-под душа и взял с крючка огромное полотенце. Начал вытирать голову, с одного конца до другого. Потом бросил полотенце на пол, в угол, взял другое и растерся докрасна. Выбросил и его и вышел в комнату. На ручке кресла висел халат, поэтому он надел его.

Девушка жарила в сковороде три яйца на свином жире. Когда он сел на кровать, она перело-

жила яйца на тарелку, оставив жир в сковороде. Яйца превосходно поджарены, белок твердый, желтки не разлились, они жидкие, покрытые пленочкой. И еще бекон, всего на несколько секунд до пережаривания, сухой и ароматный. Поджаренный хлеб, золотистый снаружи, белый внутри, с быстро тающим маслом, которое, растекаясь, заполняет все углубления. Два ломтика с маслом, один с мармеладом. Хлеб лежит на солнце, у него цвет, который бывает только у мармелада и цветного стекла.

Он поел, выпил кофе. Поел еще и еще выпил. Потом еще кофе. И все это время она сидела в кресле, держа на коленях его рубашку, и руки ее летали, как танцовщицы, и под легкими искусными движениями пуговицы возвращались на свои места.

Он наблюдал за ней и, когда она кончила, подошел и протянул руку к рубашке. Она покачала головой и показала:

— Чистую.

Он увидел вязаный пуловер. Пока он одевался, девушка вымыла тарелки и сковороду, заправила постель. Он откинулся в кресле, а она склонилась к нему, сняла влажную повязку с руки, осмотрела порез, перевязала снова. Повязка была удобной

и прочной.

— Теперь можешь обойтись без перевязи, — довольно сказала она. Встала и прошла к кровати. Села лицом к нему, снова застыла, если не считать рта и глаз.

Снаружи пропела иволга, замолчала, обрывки ее песни повисли в воздухе. Мимо прошел грузовик с решетчатым кузовом, сотрясая паутину. Рядом с ним двигались два человека, один с хриплым голосом, другой с голосом скрипки. В одно окно влетел сферический звук, с мухой в центре, в другом появился белый котенок. Муха полетела в кухню, котенок подскочил и попытался ее поймать. Спрыгнул и исчез из виду, сделав вид, что упал нарочно: только глупец может подумать, что он потерял равновесие.

В комнате было тихо, царила внимательность без требований. Только настороженность из-за возможного ухода. Девушка сидела сложив руки, глаза ее были живы, а трубочист, по имени Выздоровление, прочищал все его поры, весь костный мозг, воспользовавшись расслабленностью тела. Тело отдыхало и росло, отдыхало и снова росло.

Потом девушка встала. Без разговоров, просто потому, что настало время, взяла свою сумочку и направилась к двери. Остановилась, ожидая.

Он пошевелился, тоже встал и подошел к ней. Они вышли.

Медленно прошли по ровной местности, ухоженной, с подстриженной травой. В долине мальчишки играли в мяч. Двое постояли немного, наблюдая за игрой. Девушка разглядывала его лицо, и когда увидела, что на нем отражаются только движущиеся фигуры, без интереса, взяла за руку и повела дальше. Они нашли пруд с утками, вокруг прямые, усыпанные шлаком дорожки и много цветочных клумб. Девушка сорвала примулу и вставила ему в лацкан. Отыскали скамью. Перед ними мужчина толкал яркую раскрашенную чистую тележку. Девушка достала сосиски, бутылку с содовой и протянула ему. Он молча поел.

Они оба молчали.

Когда стемнело, девушка привела его назад в комнату. На полчаса оставила его одного и, вернувшись, застала сидящим на том же месте. Раскрыла пакеты и приготовила отбивные с салатом. А пока он ел, сварила еще кофе. После обеда он зевнул. Она сразу встала, сказала:

— Спокойной ночи! — И ушла. Он медленно повернулся и посмотрел на закрытую дверь. Немного погодя сказал:

— Спокойной ночи. — Разделся, лег и выключил свет.

На следующий день они поехали в автобусе и ели в ресторане.

Еще днем позже чуть задержались и сходили на концерт.

Потом был дождливый день, и они пошли в кино. Он смотрел молча, не улыбаясь, не хмурясь, не шевелясь. Музыка его не трогала.

— Твой кофе.

— Это в стирку.

— Идем.

— Спокойной ночи.

Вот и все, что она ему говорила. А в остальном наблюдала и ждала.

* * *

Он проснулся в темноте. Он не знал, где находится. Но лицо было с ним, широколобое, плоское, с толстыми линзами очков и заостренным подбородком. Он без слов закричал, и лицо улыбнулось ему. И когда он понял, что лицо не в комнате, а в его сознании, оно исчезло… Нет, просто он знал, что его здесь нет. Ярость оттого, что лица нет, переполняла его; его мозг буквально плавился от гнева. «Да, но где он?» — спросил он себя и вслух

ответил:

— Не знаю, не знаю, не знаю… — Голос его превратился в стон, он звучал все тише и тише и совсем смолк. Человек глубоко вздохнул, и что-то выскользнуло из него, выпало и распалось. Он заплакал. Кто-то взял его за руку, взял вторую руку, сжал его руки; это девушка; она услышала, она пришла. Он не один.

Не один… от этого он заплакал еще сильнее. Держал ее за руки, смотрел сквозь тьму на ее лицо, на ее волосы и плакал.

Она оставалась с ним, пока он не успокоился, и еще потом долго, и он все держал ее за руки. И выпустил, когда захотел спать. И тогда она укрыла его одеялом и вышла на цыпочках.

Утром он сидел на краю кровати и смотрел на пар от кофе, который постепенно рассеивался в солнечном свете. Когда девушка поставила перед ним яйца, он посмотрел на нее. Рот его дрогнул. Она стояла перед ним и ждала.

Наконец он спросил:

— А ты сама поела?

Что-то загорелось в ее глазах. Она покачала головой. Он посмотрел на тарелку, о чем-то думая. Наконец отодвинул еду от себя и встал.

— Поешь, — сказал он. — А я приготовлю еще.

Она и раньше улыбалась, но он этого не замечал. Но теперь как будто тепло всех предыдущих улыбок перешло в эту. Девушка села и принялась есть. Он поджарил яйца — не так хорошо, как она, — и пока они готовились, он подумал о тосте, но тост подгорел, пока он ел яйца. Девушка не пыталась помочь ему, даже когда он тупо смотрел на маленький столик, хмурясь и почесывая подбородок. Со временем он понял, что ищет, вторую чашку. Она оказалась на туалетном столике. Он налил девушке свежего кофе, взял себе первую чашку, к которой она еще не притронулась, и она снова улыбнулась.

— Как тебя зовут? — впервые спросил он.

— Джейни Джерард.

— О.

Она внимательно посмотрела на него, потом потянулась к спинке кровати, на которой висела ее сумочка. Джейни открыла ее и достала кусок алюминиевой трубы, примерно в восемь дюймов длиной и овальной в разрезе. Но гибкой, сплетенной из множества тонких проводов. Девушка повернула его лежавшую рядом с чашкой руку ладонью вверх и вложила трубу.

Он, должно быть, видел трубу, потому что смотрел на чашку. Но не сжал пальцы. Выражение его

лица не изменилось. Наконец он взял тост. Труба выпала, покатилась, докатилась до края стола и упала на пол. Мужчина намазал тост маслом.

После этой первой совместной еды что-то изменилось. Многое изменилось. Теперь он больше никогда не раздевался при ней и всегда замечал, когда она ест. Он начал сам платить по мелочам: за проезд в автобусе, за ланч Потом стал пропускать ее перед собой в дверь, брать ее за локоть, когда они переходили улицу. Он ходил с ней на рынок и нес покупки.

Он вспомнил свое имя, вспомнил даже, что «Гип» — уменьшительное от «Гиппократ». Однако не мог вспомнить, как получил такое имя или где родился и вообще что-нибудь о своем прошлом. Девушка его не торопила и ни о чем не спрашивала. Просто проводила с ним дни и ждала. И продолжала держать на виду кусок алюминиевой трубы.

Каждое утро труба оказывалась на столе с завтраком. Лежала в ванной рядом с зубной щеткой. Однажды он нашел ее в кармане пиджака, в том самом кармане, в котором регулярно появлялись деньги. На этот раз банкноты были заткнуты в трубу. Он вытащил деньги и выронил трубу, а Джейни подобрала ее. Однажды она положила

трубу ему в ботинок, и когда он попытался надеть ботинок и не смог, труба выпала на пол, и он оставил ее лежать. Как будто она прозрачна или невидима для него; когда приходилось прикасаться к ней, например, чтобы достать деньги, он делал это неловко, невнимательно, избавлялся от трубы и, по-видимому, тут же забывал о ней. Джейни никогда о ней не упоминала. Просто незаметно подкладывала, снова и снова, терпеливая, как маятник.

Постепенно он начинал днем помнить, что было утром, что было вчера. Помнил скамью, на которой они обычно сидели, театр, в который ходили. Он даже сам вел девушку назад. Она постепенно переставала руководить им, и наконец он сам начал планировать их занятия.

Так как он не помнил прошлого, только дни, проведенные с нею, они превратились в дни открытий. У них случались пикники, они ездили в автобусе по городу. Нашли еще один театр, нашли пруд не только с утками, но и с лебедями.

Происходили и другие открытия. Однажды он остановился посреди комнаты и начал поворачиваться, разглядывая стены и окна.

— Я был болен?

А однажды остановился посреди улицы, глядя

на зеленое здание на другой стороне.

— Я был там.

Несколько дней спустя он остановился у магазина мужской одежды и озадаченно посмотрел на него. Нет, не на него. На витрину.

Рядом Джейни ждала, наблюдая за его лицом.

Он медленно поднял левую руку, согнул, посмотрел на шрам, на два прямых разреза — один длинный, другой короткий — на запястье.

— Вот, — сказала девушка. И вложила ему в руку кусок трубы.

Не глядя, он сжал пальцы, сложил их в кулак. На лице его появилось удивленное выражение, потом ужас и что-то похожее на гнев. Он покачнулся.

— Все в порядке, — негромко сказала Джейни. Он вопросительно хмыкнул, посмотрел на нее так, словно она незнакомка, потом как будто узнал. Разжал руку и внимательно посмотрел на кусок трубы. Подбросил ее и поймал.

— Она моя, — сказал он. Джейни кивнула. Он сказал:

— Я разбил витрину, — Посмотрел на витрину, снова подбросил кусок металла, потом положил в карман и пошел дальше. Долго молчал, но когда они поднимались по ступеням своего дома,

сказал:

— Я разбил витрину, и меня посадили в тюрьму. А ты вытащила меня оттуда, и я болел, а ты привела меня сюда и вылечила.

Он достал свой ключ, открыл дверь и отступил, пропуская Джейни.

— Зачем ты это сделала?

— Просто захотелось, — ответила она.

Он был встревожен. Прошел к шкафу, вывернул карманы своих двух костюмов и спортивной куртки. Пересек комнату, бесцельно принялся открывать и закрывать ящики туалетного столика.

— В чем дело?

— Эта штука, — неопределенно ответил он. Прошел в ванную, вышел. — Знаешь, кусок трубы.

— О, — сказала она.

— Он у меня был, — сказал он с несчастным видом. Снова обошел комнату, прошел мимо сидящей на кровати Джейни к ночному столику. — Вот он!

Мужчина посмотрел на трубу, согнул ее и сел в кресло.

— Не хотелось потерять, — задумчиво сказал он. — Она у меня давно.

— Она была в конверте, который выдали, когда тебя выпускали из тюрьмы, объяснила Джейни.

— Да. Да. — Он поворачивал трубу в руках, потом поднял и показал, словно ярким толстым обвиняющим указательным пальцем. — Эта штука…

Девушка ждала.

Он покачал головой.

— Она у меня давно, — повторил мужчина. Он встал, походил, сел снова. — Я искал парня, который… Ах! — проворчал он. — Не могу вспомнить.

— Все в порядке, — мягко сказала девушка. Он сжал голову руками.

— Я уже почти нашел его, — сказал он сдавленным голосом. — Долго искал. Всегда его искал.

— Всегда?

— Ну, с тех пор… Джейни, я снова не могу вспомнить.

— Все в порядке.

— Все в порядке, все в порядке! Ничего не в порядке! — Он распрямился и посмотрел на нее. — Прости, Джейни. Я не хотел кричать на тебя.

Она улыбнулась. Он спросил:

— Где эта пещера?

— Пещера? — повторила она. Он неопределенно указал рукой.

— Что-то вроде пещеры. Наполовину пещера,

наполовину длинный дом. В лесу. Где это?

— Я была там с тобой?

— Нет, — сразу ответил он. — Кажется, это было раньше. Не помню.

— Не волнуйся из-за этого.

— А я волнуюсь! — возбужденно ответил он. — Что, мне нельзя волноваться? Сказав это, он посмотрел на нее в поисках прощения и нашел его. — Ты должна понять, — сказал он спокойней, — что есть что-то… я должен… Послушай, снова раздраженно заявил он, — существует что-то самое важное в мире, а я даже не могу вспомнить, что это.

— Случается.

— Это со мной случилось, — мрачно сказал он, — Мне это не нравится.

— Ты себя совсем доведешь, — сказала Джейни.

— Конечно! — взорвался он. Осмотрелся, яростно покачал головой. — Что это? Что я здесь делаю? Кто ты, Джейни? Что тебе до меня?

— Я хочу, чтобы ты выздоровел.

— Да, выздоровел, — проворчал он. — Я должен выздороветь! Я болен. И мне должно становиться все хуже.

— Кто тебе это сказал? — резко спросила Джей-

ни.

— Томпсон, — выпалил он и отшатнулся. На лице его отразилось глуповатое удивление. Высоким срывающимся подростковым голосом он простонал:

— Томпсон? Кто такой Томпсон?

Джейни пожала плечами и деловито ответила:

— Должно быть, тот, кто сказал, что тебе будет становиться хуже.

— Да, — прошептал он. И снова возбужденно:

— Да… — Помахал куском трубы. — Я его видел. Томпсона. — Тут его взгляд упал на трубу, и он принялся ее удивленно разглядывать. Покачал головой и закрыл глаза. — Я искал… — Голос его затих.

— Томпсона?

— Нет! Его я никогда не хотел отыскать! Да, хотел, — тут же поправился он. — Хотел вышибить ему мозги.

— Ты сделал это?

— Да. Понимаешь… Он… ну… да что это с моей головой? — воскликнул он.

— Тише, — успокаивала она.

— Не могу вспомнить, не могу, — расстроенно сказал он. — Все равно что видишь, как что-то поднимается из-под земли. Тебе нужно это схва-

тить. Прыгаешь так, что колени разрываются, вытягиваешься и только касаешься пальцами… Грудь его поднималась и опускалась. — Касаешься пальцами и знаешь, что никогда не сможешь схватить. А потом падаешь и видишь, как это уходит от тебя, все выше и выше, становится все меньше и меньше, и ты никогда… — Он закрыл глаза. Дышал тяжело. Еле слышно повторил:

— И ты никогда…

Он сжал кулаки. В одном из них по-прежнему кусок трубы, и мужчина снова прошел через последовательность открытия, удивления, изумления.

— Она у меня давно, — сказал он, глядя на трубу. — Тебе, должно быть, кажется, что я спятил, Джейни.

— О, нет.

— Думаешь, я тронулся?

— Нет.

— Я болен, — простонал он.

К его удивлению, она рассмеялась. Подошла к нему и потащила, заставляя встать. Отвела в ванную, протянула руку и включила свет. Втолкнула его и постучала пальцами по зеркалу.

— Кто болен?

Он посмотрел на здоровое красивое лицо, ко-

торое смотрело на него из зеркала, на блестящие волосы и ясные глаза. Искренне удивленный, повернулся к Джейни.

— Я уже много лет так хорошо не выглядел! С тех пор как… Джейни, я служил в армии?

— Правда?

Он снова посмотрел в зеркало.

— Да, больным я не выгляжу, — согласился словно сам с собой. Коснулся своей щеки. — Кто все время говорит мне, что я болен?

Он услышал, как удаляются шаги Джейни. Выключил свет и присоединился к ней.

— Мне хочется сломать этому Томпсону спину, — сказал он. — Бросить его…

— Куда?

— Забавно, — сказал он. — Я хотел сказать: «Бросить его через кирпичную стену». Я даже видел, как бросаю его на эту стену.

— Может, ты так и сделал. Он покачал головой.

— Это была не стена. Застекленная витрина. Знаю! — закричал он. — Я увидел его и захотел ударить. Увидел его прямо на улице, он смотрел на меня, и я закричал и набросился на него и… и… — Он посмотрел на свою руку со шрамом. Удивленно сказал:

— А потом повернулся, промахнулся и ударил

по стеклу. Боже.

Он ошеломленно сел.

— Вот из-за чего тюрьма и все остальное. Я лежал в этой грязной тюрьме. Больной. Не ел, не шевелился, и мне становилось все хуже.

— Ну, сейчас ведь это все кончено? Он посмотрел на нее.

— Нет. Не кончено. Благодаря тебе. — Он посмотрел на ее глаза, на рот. — А ты, Джейни? Тебе чего нужно? Она опустила глаза.

— О, прости, прости… Звучит так… — Он протянул руку, опустил, не коснувшись девушки. — Не знаю, что со мной сегодня. Просто… Я не понимаю тебя, Джейни. Что я для тебя должен сделать?

Она быстро улыбнулась.

— Выздороветь.

— Этого недостаточно, — серьезно ответил он. — Где ты живешь?

Она показала.

— Через коридор.

— О, — сказал он. Вспомнил ночь, когда плакал, и в замешательстве оттолкнул это воспоминание. Отвернулся в поисках темы, любой темы. — Давай выйдем.

— Давай. — Показалось ли ему, что в ее голосе прозвучало облегчение?

* * *

Они катались по берегу, ели сахарную вату, танцевали на площадке под открытым небом. Он вслух удивился, когда смог научиться танцевать, но это было единственное упоминание того, что тревожило его допоздна. Впервые он сознательно наслаждался пребыванием с Джейни. Это было Происшествие, а не образ жизни. Он не представлял себе, что можно так легко смеяться, кататься, пробовать и идти дальше, чтобы посмотреть, что там. В сумерках они стояли над озером, держась за перила, и смотрели на купальщиков. Тут и там на пляже сидели влюбленные. Гип улыбнулся, глядя на них, повернулся к Джейни, чтобы поговорить, и поразился странному печальному выражению, которое смягчило ее всегда строгое лицо. Поток эмоций, слишком сложных и спутанных, заставил его отвернуться. Отчасти он понял, что она редко занимается самоанализом и нельзя ей мешать. Отчасти осознал, что ее полная поглощенность его делами — совсем не все, что есть в ее жизни. Когда она пришла в его камеру, для него жизнь началась заново. И ему никогда не приходило в голову, что у нее позади четверть века без него, и это совсем не чистая страница.

Почему она спасла его? Почему именно его, если ей понадобилось кого-то спасти? И… почему вообще?

Что ей от него нужно? Есть ли что-то в его прошлой забытой жизни, что он может дать ей? Если есть, молча поклялся он, это принадлежит ей, чем бы ни оказалось; непостижимо, чтобы что-то, что она могла получить от него, было бы равно его собственному новому открытию жизни.

Но что это может быть?

Он понял, что смотрит на пляж, на маленькую галактику влюбленных, каждая пара в собственном мире, поглощенная собой, но в полной гармонии с остальными, и все вместе плывут в светящихся сумерках. Влюбленные… он чувствовал притяжение любви… где-то в тумане, он не может вспомнить где, с кем… но это было, и снова всплыл старый, старый рефлекс: пока я не отыщу его и — Но тут он снова потерял нить мысли. Что бы он ни искал, это важнее любви, брака, работы, звания полковника (Звание полковника? Неужели ему когда-то хотелось стать полковником?).

Ну, может, существовало соперничество. Джейни любила его. Она увидела его, и ударила молния, и она захотела его, но добивалась этого по-своему. Что ж. Если она хочет этого…

Он закрыл глаза, представив себе ее лицо, наклон головы, когда она молча, внимательно ждет; ее стройные сильные руки и гибкое тело, ее волшебный голодный рот. Увидел серию быстрых снимков, сделанных фотоаппаратом его мужского сознания, но отложенных в ту часть, которая помечена «неактуально»: ноги Джейни на фоне окна, просвечивающие сквозь облако юбки. Джейни в крестьянской блузке, и прямой луч солнца касается ее обнаженного плеча и верхнего изгиба груди. Джейни танцует, наклоняется и прижимается к нему, как будто они золотые листочки электроскопа (Где он видел электроскоп… Где работал с ним? О, конечно, это было в… Но все тут же исчезло). Джейни, едва видимая в сумерках, светящаяся в облаке нейлона, она крепко держит его за руку, пока он не успокаивается.

Но это не соблазнение, эта близость завтраков, прогулок, долгих молчаний без прикосновений, без единого слова ухаживания. Любовь, даже подавленная и молчаливая, многого требует, она полна жажды и желания. А Джейни… Джейни только ждала. Если ее интересовало его непонятное прошлое, она сохраняла полную пассивность, ждала, что он может дать. Если ей нужно что-то, что он сделал, чем был, неужели она не стала бы

его расспрашивать, подстегивать, допытываться, как это делали Томпсон и Бромфилд (Бромфилд? А это кто такой?). Но она никогда этого не делала, никогда.

Нет, должно быть, что-то другое заставляло ее смотреть на влюбленных с такой сдержанной печалью, с выражением, с каким безрукий слушает скрипку. Рот Джейни, яркий, неподвижный, ждущий. Умные руки Джейни. Тело Джейни, теплое плечо, гладкое предплечье, тело теплое, страстное, жаждущее…

Они повернулись друг к другу. Дыхание их прервалось, повисло между ними, как символ и обещание, живое и слившееся. На краткое мгновение им принадлежал весь звездный космос влюбленных, но потом лицо Джейни исказилось в судороге сосредоточенности, изменилось не под твердым контролем, а в каком-то изящном и сложном приспособлении.

В нем, глубоко внутри, словно возник маленький шар жесткого вакуума. Мужчина вздохнул, и магия, окружавшая их, собралась и исчезла, заполнив вакуум, уничтожив его. Если не считать судорожного изменения лица Джейни, они не шевелились; по-прежнему стояли на солнце рядом друг с другом, ее лицо было обращено к нему, ча-

стью освещенное, частью в тени. Но волшебство слияния, единства исчезло. Они снова были двое, а не одно целое, и рядом была Джейни спокойная, Джейни терпеливая, Джейни не обескураженная, неугнетенная. Нонет истинная перемена произошла в нем. Руки его, поднятые для объятия, больше не стремились к ней, губы утратили вкус нерожденных поцелуев. Он отступил на шаг.

— Пойдем?

Быстрая дрожь сожаления пробежала по лицу Джейни и тут же исчезла. Теперь и это, наряду со множеством другого, будет преследовать его: кончики пальцев всегда будут едва касаться гладкой поверхности, но никогда не дотянутся. Он почти понимал ее сожаление, вот оно, рядом — и исчезло, исчезло навсегда, ушло от него далеко.

Они молча направились к дороге и огням, к жалким тысячам свечей, аттракционам, таким неуклюжим в своей претензии на движение. А сзади, в сгущающейся тьме, они оставили настоящее сияние, настоящее движение. Все оставили, не осталось ничего. Вместе со сжатым воздухом, который выстреливает теннисные мячи в деревянные военные корабли; вместе с гонкой игрушечных псов на склоне; со стрелками, которые пробивают воздушные шары, — вместе

со всем этим осталось еще что-то, незаметное, погребенное без надгробья.

В одном аттракционе несколько оставшихся от военного оборудования сервомеханизмов имитировали радарное обнаружение цели. Нужно было вручную нацеливать миниатюрную зенитку, малейшие ее движения тут же повторялись большим орудием сзади. По высокому куполу потолка проносились силуэты самолетов. В целом это было искусное соединение механизмов и загадок, способное выкачать немало денег.

Гип попробовал первым. Вначале он заинтересовался, потом увлекся и был совершенно очарован тем, что его легкие движения послушно повторяются в раскачиваниях и поворотах большой пушки в двадцати футах от него. По первому «самолету» он промахнулся, по второму тоже; после этого абсолютно точно рассчитал собственную ошибку орудия и сбивал все цели, как только они показывались. Джейни, как ребенок, захлопала, а служитель наградил их блестящей глиняной статуэткой полицейской собаки и вернул пятую часть платы. Гип гордо принял награду и предложил пострелять Джейни. Она вызывающе подошла к механизму и засмеялась, когда большая пушка покачнулась и вздрогнула.

У Гипа раскраснелись щеки, он привычно оценивал точку встречи с каждой целью и сказал краем рта:

— Сорок или еще чуть выше в правом квадранте, капрал, или феи размагнитят твои заряды.

Глаза Джейни чуть сузились, возможно, чтобы лучше прицеливаться. Она ничего не ответила. Сбила первую цель, как только она показалась над горизонтом, и вторую, и третью. Гип хлопнул в ладоши и радостно выкрикнул ее имя. Она как будто на мгновение сосредоточилась, сделала жест человека, который с трудом возвращается к окружающей обстановке. Потом четыре раза подряд промахнулась. Дважды попала, один выстрел прошел выше, еще один ниже, а последний — на полмили в сторону.

— Не очень хорошо, — сказала она дрожащим голосом.

— Вполне прилично, — вежливо ответил он. — Сейчас вообще не обязательно в них попадать.

— Не обязательно?

— Конечно. Достаточно, чтобы разрыв был близко. В мире не бывало диабетической собаки.

Джейни перевела взгляд на статуэтку и захихикала.

— Я ее сберегу, — сказала она. — Гип, у тебя весь

пиджак в краске. Давай отдадим ее.

Они прошли вдоль павильонов в поисках подходящего человека, которого можно было бы облагодетельствовать, и нашли его наконец — мальчишку лет семи, который методично высасывал воспоминания о масле и соке из изгрызенного кукурузного початка.

— Это тебе, — пропела Джейни. Мальчик не обратил внимания на подарок и не отводил своих пугающе взрослых глаз от ее лица.

Гип рассмеялся.

— Не договорились! — Он присел рядом с мальчиком. — Давай заключим сделку. Заберешь, если я дам доллар в придачу?

Никакого ответа. Мальчик продолжал сосать початок, не отрывая взгляда от лица Джейни.

— Упрямый клиент, — улыбнулся Гип. Неожиданно Джейни вздрогнула.

— Оставь его, — сказала она. Все ее веселость исчезла.

— Ну, меня он не переспорит, — весело ответил Гип. Он поставил статуэтку возле изношенных ботинок мальчишки и сунул в дыру, больше всего похожую на карман, долларовую бумажку. — Приятно было иметь с вами дело, сэр, — сказал он и пошел за Джейни, которая уже уходила.

— Настоящая балаболка, — рассмеялся Гип, поравнявшись с Джейни. Он оглянулся. Мальчик продолжал смотреть на Джейни. — Ты как будто произвела на него сильное впечатление — Джейни!

Джейни застыла, глаза ее широко раскрылись, рот превратился в изумленный треугольник.

— Маленький чертенок! — выдохнула она. — В его возрасте! — Она резко повернулась и посмотрела назад.

Глаза Гипа явно подвели его, потому что он увидел, как початок вырвался из грязных маленьких рук, повернулся на девяносто градусов и ударил мальчика по щеке. Потом упал на землю. Ребенок попятился, выкрикнул непечатное предположение по их адресу и исчез в переулке.

— Фью! — поражение сказал Гип. — Ты права! — Он с восхищением посмотрел на нее. — Какие у тебя большие уши, бабушка, — заметил он, не очень умело скрывая под насмешкой свое потрясение. — Я ничего не слышал, пока он не дал второй залп.

— Правда? — спросила она. Впервые он заметил в ее голосе раздражение. В то же время он чувствовал, что не он причина этого раздражения. Гип взял ее за руку.

— Не расстраивайся. Пойдем поедим.

Она улыбнулась, и все сразу наладилось.

Сочная пицца и холодное пиво в слишком ярко раскрашенном зеленом павильоне. Полная удовлетворенности и усталости прогулка мимо затемненных будок к последнему автобусу. Автобус дожидался их, тяжело дыша. Чувство принадлежности оттого, что спина вписалась в спинку сиденья. Дремота, общая улыбка, шестьдесят миль в час по темному городу и наконец знакомый гараж на знакомой улице. Улица пустая и гулкая, но это моя улица в моем городе.

Они разбудили водителя такси и дали свой адрес.

— Разве я могу быть более живым? — прошептал Гип и вдруг понял, что она его услышала. — Я хочу сказать, — попытался он объяснить, — что весь мой мир, все, чем я жил, словно оказалось в маленьком уголке в моей голове настолько глубоко, что я не мог разглядеть. А потом ты увеличила этот уголок, сделала его сначала размером с комнату, потом — с целый город, а сегодня он стал таким большим, как… как… ну, гораздо больше, — неуверенно закончил он.

Пролетающий мимо одинокий уличный фонарь осветил ее ответную улыбку. Гип сказал:

— И вот я думаю, насколько больше он еще может стать.

— Гораздо больше, — ответила Джейни. Он сонно откинулся на спинку сиденья.

— Я себя странно чувствую, — прошептал Гип. — Я чувствую… Джейни, незнакомым голосом сказал он, — я болен.

— Ты знаешь, что это, — спокойно ответила она.

В нем возникло напряжение и тут же исчезло, он негромко рассмеялся.

— Опять он. Он ошибается, ошибается. Он никогда не сделает меня снова больным. Шофер!

Голос его звучал как мягкое разрывающееся дерево. Шофер от неожиданности нажал на тормоза. Гип вылетел со своего места вперед и ухватил шофера под мышки.

— Поезжайте назад! — возбужденно сказал он.

— Боже всемогущий! — пробормотал шофер. И начал разворачивать машину. Гип повернулся к Джейни, ожидая ответа, любого ответа, но она молчала. Сидела молча и ждала. Шоферу Гип сказал:

— Назад на один квартал. Вот здесь. Налево. Поверните налево.

Он снова откинулся, прижался щекой к окон-

ному стеклу, разглядывая темные дома и газоны. Немного погодя он сказал:

— Здесь. Дом с подъездной дорогой, тот, у которого высокая живая изгородь.

— Хотите, чтобы я подъехал к нему?

— Нет, — ответил Гип. — Остановите здесь. Немного дальше… вот так, чтобы мне было его видно.

Когда такси остановилось, шофер повернулся и посмотрел назад.

— Выйдете здесь? Доллар и…

— Тшш! — Звук прозвучал так неожиданно, что шофер ошеломленно застыл. Потом устало покачал головой и повернулся лицом вперед. Пожал плечами и принялся ждать. Гип сквозь проезд в изгороди смотрел на едва видимый белый дом, на его крыльцо и въездные ворота, на аккуратные ставни и веерообразную дверь.

— Отвезите нас домой, — сказал Гип спустя некоторое время.

И пока они не доехали, оба молчали. Гип сидел, одной рукой сжимая виски, другой прикрывая глаза. В углу машины, где сидела Джейни, было темно и тихо.

Когда машина остановилась, Гип по-прежнему молча вышел и помог выйти Джейни. Дал шофе-

ру банкноту, принял сдачу, отсчитал чаевые и протянул снова. Такси ушло. Гил стоял, глядя на деньги в руке, перебирая монеты.

— Джейни?

— Да, Гип.

Он посмотрел на нее. В темноте черты ее лица были едва видны.

— Пойдем в дом.

Они вошли. Он включил свет. Джейни сняла шляпу, повесила сумочку на спинку кровати, сама села на кровать, сложив руки на коленях. Ждала.

Он казался ослепшим, настолько глубоко погрузился в себя. Просыпался медленно, по-прежнему глядя на монеты в руке. Какое-то время они казались ему бессмысленными, потом медленно, с усилием он распознал их, и выражение его лица изменилось. Сжав руку, он потряс деньги, потом высыпал на ночной столик.

— Они мои.

— Конечно!

Гип устало покачал головой.

— Нет. У меня нет денег. И плата за развлечения, и покупки в магазинах, и утренний кофе… Наверно, за дом нужно платить.

Она молчала.

— Этот дом, — бесстрастно продолжал он. — Как только я его увидел, понял, что был в нем когда-то. Как раз перед тем, как меня арестовали. У меня тогда не было денег, это я помню. Я постучал в дверь и был грязный и полоумный, и мне велели зайти через заднюю дверь, если я хочу поесть. Денег у меня не было, это я хорошо помню. У меня было только…

Из кармана он достал металлическую трубу. Свет лампы отразился в ней, Гип взмахнул трубой и указал на ночной столик.

— А здесь с самого начала у меня есть деньги. Они каждый день появляются у меня в кармане. А я никогда об этом не думал. Это твои деньги, Джейни?

— Они твои. Забудь об этом, Гип. Это не имеет значения.

— Как это мои? — выкрикнул он. — Мои, потому что ты их мне даешь? — Он пронзил тишину ярким зондом своего гнева и кивнул. — Я так и думал.

— Гип!. — Он покачал головой, молча, яростно. Больше ничем не мог ответить, потому что внутри у него бушевал могучий ветер. Гнев, унижение, тщетность его нелепых нападений на завесы, которые ограждают его от знания. Гип

упал в кресло и закрыл лицо руками.

Он почувствовал близость девушки, ее рука легла ему на плечо.

— Гип… — прошептала она. Он пожал плечом, и рука исчезла. Гип услышал слабый скрип пружины: Джейни снова села.

Он медленно отнял руки. Лицо его болезненно исказилось.

— Ты должна понять, я не сержусь на тебя, я не забыл, что ты сделала, нет, не то, — заговорил он. — У меня снова все смешалось, — хрипло продолжал Гип. Я делаю, сам не зная почему. Делаю то, что должен делать, но не понимаю. Как… — Он замолчал, задумавшись, чтобы разобраться в обрывках мыслей, которые разносит этот ужасный ветер. — Как будто это не правильно — я не должен быть здесь, есть, тратить деньги, но я не знаю, кто это сказал, как я это узнал. И еще… я тебе говорил… мне нужно найти кого-то, но я не знаю, кого и почему. Я сказал сегодня вечером… — Он замолчал, и долго тишину нарушало лишь его свистящее дыхание сквозь напряженные губы. — Я сказал сегодня вечером, что мой мир… место, в котором я живу, становится все больше. Сейчас оно уже такое большое, что может вместить и дом, возле которого мы останавливались. Мы

остановились на углу, и я знал, что дом там и я должен его увидеть. Я знал, что был уже здесь, грязный и возбужденный… постучал… мне сказали, чтобы я зашел через задний вход… я закричал на них… пришел кто-то еще. Я спрашивал их, хотел узнать о…

Снова молчание и свист дыхания.

— ., узнать о детях, которые здесь жили, но здесь не было детей. И я снова закричал, все испугались, а я немного опомнился. Я им сказал, чтобы они рассказали, что мне нужно, и я уйду, я не хочу никого пугать. Я сказал, ну, хорошо, никаких детей не было, тогда скажите, где Алишия Кью, дайте мне только поговорить с Алишией Кью.

Он выпрямился с горящими глазами и куском трубы указал на Джейни.

— Видишь? Я вспомнил, вспомнил ее имя! Алишия Кью! — Гип снова осел. — А мне ответили: «Алишия Кью мертва». И сказали, о, ее дети! И рассказали, где мне их найти. Написали адрес, я куда-то его дел… — Он начал рыться в карманах, неожиданно перестал и посмотрел на Джейни. — В старой одежде, она у тебя, ты ее спрятала!

Если бы она заговорила, если бы объяснила, все было бы в порядке, но она только продолжала смотреть на него.

— Ну, хорошо, — прохрипел он. — Я вспомнил одно, смогу вспомнить и остальное. Или могу вернуться туда и спросить снова. Ты мне не нужна.

Выражение ее лица не изменилось, но он, наблюдая за ней, вдруг понял, что она сохраняет невозмутимость с огромными усилиями.

Он мягко сказал:

— Ты мне была нужна. Я бы умер без тебя. Ты… — Он не нашел слов, чтобы описать, кем она была для него, перестал искать и продолжал:

— Просто для того, что я должен сделать, ты мне не нужна. Мне нужно кое-что узнать, но я должен это сделать сам.

Наконец она заговорила.

— Ты и так все сделал сам, Гип. Все. Я только поместила тебя туда, где ты мог это сделать. Я… я хочу продолжать.

— Не нужно, — заверил он ее. — Я теперь большой мальчик. Я прошел долгий путь, я воскрес. Мне осталось узнать немного.

— Очень много, — печально сказала она. Он решительно покачал головой.

— Говорю тебе, я знаю! Узнать о детях, об этой Алишии Кью, узнать адрес, куда они переселились — и все. Это и есть то, чего я коснулся кончиками пальцев… чем бы это ни было. Еще

одно место и адрес детей — вот все, что мне нужно. Там будет он.

— Он?

— Ну, знаешь, тот, кого я ищу. Его зовут… — Гип вскочил. — Его зовут…

Он с силой ударил кулаком по ладони.

— Забыл, — прошептал он.

Поднес руку к затылку, сосредоточенно зажмурился. Потом расслабился.

— Все в порядке. Теперь я узнаю.

— Сядь, — сказала Джейни. — Давай, Гип. Сядь и выслушай меня.

Он неохотно послушался, негодующе посмотрел на нее. Его голова полна почти понятых картин и фраз. Подумал:

«Неужели она не может оставить меня одного? Дать немного подумать?». Но потому что… потому что она Джейни, он ждал.

— Ты прав, ты можешь это сделать, — сказала она. Говорила она медленно и очень осторожно. — Можешь завтра пойти к этому дому, если захочешь, узнать адрес и отыскать то, что ищешь. И все это будет обозначать для тебя абсолютно — ничего. Гип, я знаю это!

Он смотрел на нее.

— Поверь мне, Гип, поверь мне! Он пробежал

по комнате, схватил Джейни за руки, поставил на ноги, посмотрел ей в лицо.

— Ты знаешь! — закричал он. — Ты все знаешь! Знаешь все, верно? Тебе все известно! Я схожу с ума, пытаясь узнать, а ты сидишь и смотришь, как я корчусь!

— Гип! Гип, мои руки…

Он еще сильнее сжал их, потряс Джейни.

— Ты знаешь? Все знаешь обо мне?

— Отпусти. Пожалуйста, отпусти. О, Гип, ты не понимаешь, что делаешь!

Он швырнул ее на кровать. Она подобрала ноги, повернулась набок, приподнялась на локте и сквозь слезы, невероятные слезы, слезы, которые не могут принадлежать той Джейни, которую он знает, посмотрела на него. Потерла больное место, расправила руку.

— Ты не понимаешь, что ты… — Она подавилась. Потом стихла, тяжело дыша, посылала сквозь эти невозможные слезы какое-то невероятное, искаженное сообщение, которое он не мог понять.

Он медленно склонился к ней.

— Ах, Джейни, Джейни.

Губы ее дернулись. Вряд ли это можно было принять за улыбку, хотя она хотела улыбнуться.

— Все в порядке, — выдохнула она.

Джейни опустила голову на подушку и закрыла глаза. Гип сел на пол, скрестив ноги, положил руки на кровать и опустил на них подбородок.

Она с закрытыми глазами сказала:

— Я понимаю, Гип, понимаю. Я хочу помочь, хочу продолжать помогать.

— Нет, — ответил он, не горько, но из глубин чувства, похожего на горе.

Он понял — может, по ее дыханию, — что снова вызвал ее слезы. И сказал:

— Ты знаешь обо мне. Ты знаешь все, что я ищу. — Прозвучало как обвинение, и он сразу об этом пожалел. Он хотел только выразить свою мысль. Но не нашел другого способа. — Правда?

Она, не открывая глаз, кивнула.

— Ну, тогда…

Он тяжело встал и вернулся в кресло. «Когда ей что-то от меня нужно, — зло подумал он, — она просто сидит и ждет». Сев, он посмотрел на нее. Джейни не шевелилась. Он сделал сознательное усилие и устранил горечь из мыслей, оставил только удовлетворенность. И ждал.

Она вздохнула и села. При виде ее растрепанных волос и покрасневших щек он ощутил порыв нежности. Но сурово подавил его.

Джейни сказала:

— Тебе придется поверить мне на слово. Ты должен доверять мне, Гип.

Он медленно покачал головой. Она опустила глаза, свели руки. Подняла одну, поднесла запястье к глазу. И сказала:

— Этот кусок трубы.

Труба лежала на полу, где он ее оставил. Гип подобрал ее.

— При чем тут она?

— Когда ты впервые вспомнил, что она была у тебя раньше… вспомнил, что она твоя? Он задумался.

— В доме. Когда я пошел к дому, чтобы спросить.

— Нет, — сказала она. — Я не об этом. После твоей болезни.

— О! — Он на мгновение зажмурился, вспоминая. — Витрина. Когда я вспомнил, что разбил витрину. Я вспомнил это и тогда… о! — неожиданно оборвал он себя. — Ты вложила ее мне в руку.

— Верно. И восемь дней продолжала вкладывать. Однажды положила тебе в ботинок. Потом на тарелку. В миску для супа. Однажды вставила в нее твою зубную щетку. Каждый день, по несколько раз в день… в течение восьми дней, Гип!

— Я не..

— Ты не понимаешь! О, я тебя не виню.

— Я не это хотел сказать. Я хотел сказать: я тебе не верю.

Наконец она посмотрела на него; и тут он понял, как редко он оставался без ее взгляда на своем лице.

— Правда, — напряженно сказала она. — Правда, Гип. Так нужно было.

Он неохотно кивнул.

— Ну, ладно. Так нужно было. Но какое это имеет отношение…

— Подожди, — попросила она. — Ты поймешь… Каждый раз, прикасаясь к трубе, ты отказывался признавать ее существование. Ты выпускал ее из руки и не смотрел, как она падает на пол. Наступал на нее босой ногой и даже не чувствовал. Однажды она оказалась в твоей еде, Гип; ты подобрал ее вилкой, как фасоль, положил конец в рот, потом выплюнул; ты даже не понял, что она у тебя в тарелке.

— Бл… — начал он с усилием и закончил:

— блок. Так называл это Бромфилд. — Кто школ Бромфилд? Но тут же забыл об этом. Заговорила Джейни.

— Верно. Теперь слушай внимательно. Когда

наступает время исчезнуть блоку, он исчезает. И вот ты стоял с куском трубы в руке и знал, что он реален. Но до того, как ты сам это осознал, я ничем не могла тебе помочь.

Он подумал.

— Ну… и как же это случилось?

— Ты вернулся.

— К магазину, к разбитой витрине?

— Да, — ответила она и сразу продолжила:

— Нет. Я хотела сказать другое. Ты пришел в себя в этой комнате и ты… ну, ты сам сказал: мир стал для тебя больше, он вместил в себя и эту комнату, потом улицу, потом весь город. Но то же самое происходило и с твоей памятью. Твоя память росла: сначала она включила вчера, потом последнюю неделю, потом тюрьму, а потом то, что привело тебя в тюрьму. Теперь посмотри: сейчас эта труба означает для тебя что-то важное, что-то очень важное. Но раньше труба ничего для тебя не значила. Ничего не значила, пока твоя память не ушла достаточно назад. И тут труба снова стала реальной.

— О, — сказал он. Она опустила глаза.

— Я знала о трубе. Я могла объяснить тебе. Я все старалась привлечь к ней твое внимание, но ты не мог ее увидеть, пока не был готов. Ну, хорошо,

я многое знаю о тебе. Но разве ты не понимаешь: если бы я тебе рассказала, ты не смог бы меня услышать?

Он покачал головой — не отрицая, а ошеломленно. И сказал:

— Но я больше — не болен!

И прочел ответ в выражении ее лица. Негромко переспросил:

— Не болен? — И тут в нем вспыхнул гнев. — Послушай, — прорычал он, неужели я неожиданно оглохну, если ты расскажешь мне, какую школу я кончил?

— Конечно, нет, — нетерпеливо ответила она. — Просто для тебя это не будет иметь смысла. Никакого отношения к тебе. — Она сосредоточенно прикусила губу. — Вот, например. Ты несколько раз упоминал Бромфилда.

— Кого? Бромфилда? Ничего подобного. Она пристально посмотрела на него.

— Гип, упоминал. Не дальше как десять минут назад.

— Правда? — Он задумался. Думал долго и напряженно. Потом широко раскрыл глаза. — Клянусь Господом, упоминал!

— Хорошо. Так кто он? Какое имеет к тебе отношение?

— Кто?

— Гип! — резко сказала она.

— Прости, — ответил он. — Кажется, я немного запутался. — Он снова задумался, напряженно старался припомнить всю последовательность, каждое слово. Наконец с трудом сказал:

— Б… Бромфилд.

— Вряд ли это останется с тобой. Потому что пришло из далекого прошлого. И не будет иметь для тебя смысла, пока ты сам не вернешься туда.

— Вернусь? Как вернусь?

— Разве ты не возвращаешься все время — от болезни к тюрьме, потом к аресту и еще раньше — к этому дому? Подумай об этом, Гип. Подумай, почему ты пошел к тому дому.

Ом сделал нетерпеливый жест.

— Не нужно. Разве ты не понимаешь? Я пошел к этому дому, потому что искал… кого-то. А, да, детей. Каких-то детей, которые могли бы мне сказать, где полоумный. — Он со смехом подскочил. — Видишь? Полоумный! Я вспомнил! Я все вспомню, вот увидишь. Полоумный… Я много лет искал его, всегда искал. Я… забыл почему, по… — голос его прозвучал уверенней, — но теперь это уже не имеет значения. Я хочу сказать тебе, что мне сейчас не нужно возвращаться дальше.

Все, что нужно, я уже сделал. Я вышел на тропу. Завтра пойду к дому, получу адрес, поеду туда и закончу то, что начал, когда потерял…

Он запнулся, озадаченно огляделся, увидел сплетенную из проводов трубу на ручке кресла и схватил ее.

— Вот, — торжествующе сказал он. — Это часть… часть… о, черт побери!

Она подождала, пока он не успокоится настолько, чтобы услышать ее. И тогда спросила:

— Вот видишь?

— Что вижу? — жалобно, разбито спросил он.

— Если ты пойдешь туда завтра, то окажешься в ситуации, которую не понимаешь, по причинам, которых не помнишь, будешь искать то, что тебе самому неизвестно. Но ты прав, Гип, — призналась она, — ты можешь это сделать.

— Если я это сделаю, все вернется.

Она покачала головой. Он хрипло сказал:

— Ты все знаешь, правда?

— Да, Гип.

— Ну, мне все равно. Я сделаю это. Она глубоко вздохнула.

— Тебя убьют.

— Что?

— Если пойдешь туда, тебя убьют, — отчетливо

сказала она. — О, Гип, разве я до сих пор не оказывалась права? Разве ты уже не вернулся намного? На самом деле вернулся, и все, что вспомнил, от тебя не ускользает?

Он с болью ответил:

— Ты говоришь, что я могу пойти туда завтра и узнать то, что ищу… Ищу? И говоришь, что меня убьют, если я это сделаю. Чего ты хочешь от меня? Что пытаешься заставить меня сделать?

— Просто продолжай, — попросила она. — Продолжай делать, что делаешь.

— Зачем? — рассердился он. — Уходить назад, все дальше и дальше от того, что мне нужно? Что хорошего…

— Прекрати! — резко сказала она. И, к своему собственному изумлению, он замолчал. — Через минуту начнешь кусаться, — мягко и с веселой ноткой сказала она. — Это не поможет.

Он пытался не подчиниться ее мягкости, но она оказалась непреодолимой. Попытался отбросить, но она уже коснулась его. И он сказал спокойней:

— Ты хочешь сказать, что я не должен искать… полоумного и… все остальное?

— О, — ответила она, — и это «о» прозвучало очень многозначительно. — О, нет. Гип, ты узна-

ешь все, правда, узнаешь. Но сначала ты должен понять, что ищешь и почему.

— И сколько времени на это уйдет? Она трезво покачала головой.

— Не знаю.

— Я не могу ждать. Завтра… — Он ткнул пальцем в окно. Тьма рассеивалась, скоро восход. — Сегодня, видишь? Сегодня я пойду туда… я должен. Ты ведь понимаешь, как долго я… — Голос его стих. Гип повернулся к девушке. — Ты говоришь, меня убьют. Я предпочитаю быть убитым, но найти. Ради этого я жил.

Она трагично взглянула на него.

— Гип…

— Нет! — рявкнул он. — Ты меня не отговоришь! Она начала говорить, замолчала, склонила голову. Опустилась, спрятала лицо на постели.

Он в ярости расхаживал взад и вперед по комнате, потом остановился над ней. Лицо его смягчилось.

— Джейни, — сказал он, — помоги мне… Она лежала неподвижно. Он знал, что она его слышит. И сказал:

— Если это опасно… если кто-то собирается убить меня… скажи, кто именно. По крайней мере дай мне знать, что искать.

Она повернулась лицом к стене, чтобы он мог ее слышать, но не видел лица. Напряженным голосом ответила:

— Я не сказала, что тебя кто-то хочет убить. Я сказала, что ты будешь убит.

Он долго стоял над ней. Потом проворчал:

— Ну, ладно. Буду убит. Спасибо за все, Джейни. Тебе лучше остаться дома.

Она слабо, медленно, как в бреду, встала. Повернулась к нему с таким горестным выражением, что сердце его дрогнуло. Но он упрямо сжал зубы, посмотрел на дверь, повернул к ней голову.

Она пошла, не оглядываясь, с трудом переставляя ноги. Он не мог этого вынести. Но позволил ей уйти.

* * *

Простыня слегка смята. Гип медленно прошел по комнате и посмотрел на постель. Протянул руку, потом упал на кровать и зарылся лицом. Простыня еще сохранила тепло ее тела, и на короткое, почти неуловимое мгновение он ощутил нечто, связанное со смешанным дыханием, с двумя зачарованными душами, сливающимися воедино. Но это ощущение тут же исчезло, вообще все исчезло, и он лежал в истощении.

Давай, начинай болеть. Свернись в клубок и умри.

— Хорошо, — прошептал он.

Можно и умереть. Какая разница? Умереть или быть убитым, кому какое дело?

Джейни не все равно.

Он закрыл глаза и увидел ее рот. Он думал, что это рот Джейни, но подбородок слишком заостренный. Рот сказал:

«Просто ложись и умирай, вот и все», — и улыбнулся. От улыбки заблестели стекла толстых очков; это значит, что он видит все лицо. И тут он ощутил боль, такую сильную и неожиданную, что повернул голову и застонал. Рука… его рука порезана. Он посмотрел на нее, увидел шрамы, от которых исходила внезапная боль.

— Томпсон, я должен убить Томпсона.

Кто такой Томпсон, кто такой Бромфилд, кто такой полоумный в пещере… пещера, где пещера, в которой дети… дети… нет, детей там нет…, нет детей… там только одежда, вот что! Одежда, старая, изорванная, лохмотья; но так он…

Джейни. Ты будешь убит. Просто ложись и умри.

Глаза его закатились, напряжение сменилось ползучей летаргией. Это нехорошо, но все же

лучше, чем чувства. Кто-то сказал:

— Сорок или еще выше в правом квадранте, капрал, или феи размагнитят твои заряды. Кто это сказал? Он. Гип Барроу. Он сказал это.

Кому сказал?

Джейни, которая метко стреляла из модели зенитки.

Он еле слышно фыркнул. Джейни не капрал.

— Реальность — не самая приятная из атмосфер, лейтенант. Но нам нравится думать, что мы к ней приспособились. Очень тонкое приспособление, таким восхитится любой инженер. Если человек одержим, реальность этого не переносит. Что-то должно уступить; если уступает реальность, ваше тонкое приспособление лишается средств управления. Поэтому управление расстраивается. Поэтому нужно расстаться с одержимостью. Начните функционировать так, как вы должны по замыслу.

А это кто сказал? О… Бромфилд! Это ничтожество! Не стоило говорить о приспособлении с инженером.

— Капитан Бромфилд (устало, в проклятый двадцатитысячный раз), если бы я не был инженером, я бы не нашел это, не распознал бы, и мне было бы все равно. — Ах, конечно, все равно.

Все равно. Просто лежи свернувшись, пока Томпсон не показывает своего лица. Лежи свернувшись и…

— Нет, клянусь Господом! — взревел Гип Барроус. Он вскочил с кровати, стоял дрожа посреди комнаты. Закрыл глаза руками и раскачивался, как деревце в бурю. Он, должно быть, все смешал, голос Бромфилда, лицо Томпсона, пещеру, полную детской одежды, Джейни, которая не хочет, чтобы его убили; но было одно, что он знал, в чем был уверен:

Томпсон не заставит его свернуться и умереть. Джейни помогла ему избавиться от него!

Раскачиваясь, он стонал:

— Джейни…

Джейни не хочет, чтобы он умер.

Джейни не хочет, чтобы его убили; но в чем же тогда дело? Джейни просто хочет… вернуться. Найти пропущенное время.

Он посмотрел в светлеющее окно.

Вернуть время? Что ж, может быть, сегодня он узнает адрес, и увидится с детьми, и найдет полоумного… и найдет его; ведь он этого хочет? Сегодня. А потом, во имя Бога, он покажет Бромфилду, кто одержим!

Если останется жив, он покажет Бромфилду.

Но нет; Джейни хочет другого, хочет, чтобы он вернулся назад. Насколько? В годы голода, когда никто тебе не верит, никто не помогает, ты охотишься, умираешь от голода и холода, ищешь самых незначительных намеков, потом других, которые можно было бы сравнить с первыми; адрес, который известен в доме с въездными воротами, он на клочке бумаги в детской одежде, которая в…

— В пещере, — вслух сказал он. Перестал раскачиваться и выпрямился.

Он нашел пещеру, а в ней была детская одежда, а в ней грязный клочок бумаги, который и привел его к дому с въездными воротами в этом городе.

Еще один шаг назад, большой шаг; он совершенно в этом уверен. Реальность пещеры доказала: он видел то, что Бромфилд считал несуществующим. Это реальность, и он нашел ее клочок! Он схватил этот клочок, согнул и сжал, серебристый, легкий, необычно сплетенный — кусок провода, кусок трубы. Конечно, конечно! Кусок трубы тоже был в пещере. Теперь он вспомнил.

В нем начало расти сильное возбуждение. Она сказала:

«Вернись назад», а он ответил: «Нет, это потребует слишком много времени. Сколько времени

ушло на этот шаг, на открытие пещеры и ее сокровищ?».

Он посмотрел в окно. Прошло не больше тридцати минут. Может, сорока. Да, а он в это время был растерян, его мучили гнев, сознание вины, боль. А что, если он попробует вернуться назад в другом состоянии, отдохнувший, сытый, с вернувшимся разумом — и с помощью Джейни?

Он подбежал к двери, распахнул ее, пробежал по коридору, толкнул противоположную дверь.

— Джейни, послушай, — сказал он в сильном возбуждении. — О, Джейни… — и смолк в замешательстве. Затормозил, на шесть футов пролетев вперед; ноги его скользили, он пытался вернуться в коридор, закрыть за собой дверь. — Прошу… прошу прощения, — слабо сказал он, полный смущения. Ударился спиной о дверь, в истерике повернулся, распахнул ее и бросился наружу. Боже, думал он, она должна была сказать мне! Добрался по коридору до своей комнаты, чувствуя себя гонгом, в который только что ударили. Закрыл дверь и прислонился к ней. Откуда-то взялись силы для смущенного смеха, и это помогло ему. Он снова повернулся к двери, вопреки желанию его влекло туда. Он пытался не дать своему воображению вернуться по коридору и снова за-

глянуть в дверь; ничего не получилось; он снова увидел эту картину, увидел отчетливо, и снова рассмеялся, пристыженный и смущенный- Она должна была бы мне сказать, — прошептал он.

Взгляд его упал на кусок трубы; он подобрал этот кусок и сел в большое кресло. На мгновение смущение забылось, вспомнилась прежняя необходимость. Он должен увидеть Джейни. Поговорить с ней. Может, это безумие, но она должна знать; может, они вернутся назад вместе быстрее, так быстро, что он уже сегодня отыщет полоумного. Ах... наверно, это безнадежно. Но Джейни, Джейни должна знать. Нужно подождать. Она придет, когда будет готова. Должна прийти.

Он лег в кресло, вытянул ноги, наклонил голову, упираясь затылком в спинку. В нем, словно ароматный туман, нарастала усталость, закрывая глаза и заполняя ноздри.

Руки у него ослабли, глаза закрылись. Один раз он засмеялся — негромко и глуповато; но картина уже не виделась так ярко и не оставалась надолго, чтобы отвлечь его от здорового сна.

* * *

Бах-бах-бах-бах-бах-бах-бах-бах.

(Пятидесятые годы, думал он, в горах. Мечта каждого мальчишки — найти пулемет и поливать все вокруг, как из шланга.)

Бум-бум-бум-бум!

(Эрликоны! Откуда только такое старье вытаскивают? Здесь зенитная батарея или музей?)

— Гип! Гип Барроус!

(Ради святого Петра, когда капрал научится говорить «лейтенант»? Мне-то все равно, так или иначе, но однажды он так скажет перед каким-нибудь молокососом полковником, и нам обоим достанется.)

Бум! Бум!

— О… Гип!

Он сел, прикрывая глаза, и пулемет превратился в стук в дверь, а капрал в Джейни, которая зовет откуда-то, и зенитная батарея превратилась в туман и рассеялась, как во сне.

— Гип!

— Входи, — прохрипел он.

— Закрыто.

Он хмыкнул и с трудом встал. Сквозь занавеси пробивался солнечный свет. Подошел к двери и

открыл. Глаза не фокусировались, а зубы казались сигарными окурками.

— О, Гип!

Через ее плечо он увидел другую дверь и вспомнил. Втащил Джейни внутрь и закрыл дверь.

— Слушай, мне ужасно жаль, что так получилось. Я чувствую себя дураком.

— Гип, не нужно, — негромко ответила она. — Это неважно, ты ведь знаешь. Как ты?

— Немного взбудоражен, — признался он и почувствовал раздражение от собственного смущенного смеха. — Подожди, я плесну в лицо холодной воды и совсем проснусь. — Из ванной он окликнул:

— Где ты была?

— Гуляла. Мне нужно было подумать. Потом… ждала снаружи. Боялась, что ты можешь… ну, знаешь. Хотела пойти за тобой, быть с тобой. Думала, что могу помочь… У тебя правда все в порядке?

— Конечно. И я никуда не пойду, не поговорив сначала с тобой. Но насчет той, другой… Надеюсь, у нее все нормально.

— Что?

— Ну, наверно, она удивилась еще больше. Ты должна была сказать мне, что с тобой кто-то есть.

Я бы не стал врываться…

— Гип, о чем ты говоришь? Что случилось?

— О! — сказал он. — Черт побери! Ты пришла прямо сюда. В своей комнате еще не была?

— Нет. Но о чем ты…

Он на самом деле покраснел.

— Лучше бы она сама об этом рассказала. Ну, мне неожиданно захотелось тебя увидеть, увидеть немедленно. Поэтому я побежал по коридору и ворвался. Я не думал, что там может быть кто-то, кроме тебя, и вот я не могу остановиться, влетаю на середину комнаты, а тут стоит твоя подруга.

— Кто? Гип, ради неба…

— Женщина. Должно быть, твоя знакомая, Джейни. Грабители не гуляют нагишом.

Джейни медленно поднесла руку ко рту.

— Цветная женщина. Девушка. Молодая.

— Она… что она…

— Не знаю, что она делала. Я всего лишь бросил один взгляд — если это ее успокоит. И сразу выскочил. О, Джейни, мне жаль. Я знаю, это неловко, но неужели так уж плохо? Джейни! — в тревоге воскликнул он.

— Он нашел нас… Нужно убираться отсюда, — прошептала она. Губы ее побелели, она вся дрожала. — Пошли, о, пошли!

— Подожди, Джейни! Мне нужно поговорить с тобой.

Я…

Она повернулась к нему, как разъяренное животное. Заговорила с таким напряжением, что слова сливались:

— Молчи! Не спрашивай, я ничего не могу сказать. Ты не поймешь. Только уходи отсюда. — Она с поразительной силой схватила его за руку и потянула. Ему пришлось сделать два торопливых шага, иначе он упал бы на пол. Когда он делал второй шаг, она уже открывала дверь, свободной рукой схватила его за рубашку, потащила, подтолкнула в коридоре к выходу. Он ухватился за дверной косяк; гнев и удивление слились и превратились в упрямство. Ни одно ее слово теперь не могло бы его пошевелить; даже ее удивительная сила только заставила бы его сопротивляться. Но она ничего не сказала и даже не коснулась его; пробежала мимо, бледная и дрожащая от ужаса, сбежала по ступенькам.

Он сделал единственное, что позволяло тело, сделал без раздумья и сознательного решения. И обнаружил, что бежит рядом с Джейни по улице.

— Джейни!..

— Такси! — крикнула она.

Машина едва начала останавливаться, как она распахнула дверцу. Гип вслед за ней упал на сиденье.

— Поехали, — сказала Джейни шоферу, вглядываясь в заднее окно.

— Куда? — спросил шофер.

— Вперед. Быстрей.

Гип тоже посмотрел в окно. Но увидел только уменьшающийся фасад дома и одного или двух глазеющих пешеходов.

— Что это? Что случилось? Она только покачала головой.

— В чем дело? — настаивал он.. — Дом взорвется или что?

Она снова покачала головой. Отвернулась от окна и сжалась в углу. Белыми зубами кусала тыльную сторону ладони. Он осторожно опустил ее руку. Она разрешила.

Он еще дважды заговаривал с ней, но она не отвечала, только каждый раз слегка отворачивалась. Наконец он покорился, сел и стал смотреть на нее.

За городом, там, где дорога разветвляется, шофер робко спросил:

— Куда? Ответил Гип:

— Налево. — Джейни настолько пришла в себя,

что бросила на него быстрый благодарный взгляд и снова отвернулась.

Наконец в ней что-то изменилось, хотя она продолжала сидеть неподвижно и смотреть в пустоту. Он негромко сказал:

— Тебе лучше?

Она взглянула на него. В углах ее рта появилась печальная улыбка.

— Во всяком случае не хуже.

— Испугалась, — сказал он. Она кивнула.

— Я тоже, — сказал он с застывшим лицом. Она взяла его за руку.

— О, Гип, прости. Не могу выразить, как мне жаль. Я не ожидала этого — не так быстро. И боюсь, что сейчас уже ничего не могу сделать.

— Почему?

— Не могу сказать.

— Не можешь сказать мне? Или не можешь сказать еще? Она осторожно ответила:

— Я говорила тебе, что ты должен сделать, — возвращаться все дальше и дальше; отыскать все места, в которых ты бывал, узнать все, что произошло, с самого начала. — Ужас снова показался у нее на лице и превратился в печаль. Но на это больше нет времени.

Он рассмеялся почти радостно.

— Есть. — Схватил ее за руку. — Сегодня утром я нашел пещеру. Это было два года назад, Джейни! Я знаю, где она и что нашел в ней. Старую одежду, детскую. Адрес, дом с въездными воротами. И кусок трубы — единственную вещь, которая доказывает, что я прав, когда ищу… ищу… Ну, что ж, — рассмеялся он, — это будет следующим шагом назад. Важно, что я нашел пещеру. Это самый большой шаг. Я сделал его за тридцать минут и даже не очень старался. А теперь буду стараться. Ты говоришь, у нас нет больше времени. Ну, может, не недели, не дни. Но день у нас есть, Джейни? Полдня?

Лицо ее просветлело.

— Может быть, и есть, — сказала она. — Может быть… Шофер! Остановите.

Она заплатила шоферу; Гип не возражал. Они стояли на открытом месте на границе города; холмистые поля, едва прочерченные следами городских животных; фруктовый киоск, заправочная станция, а через дорогу слишком новое здание из лакированного дерева и штукатурки. Джейни показала на луг.

— Нас найдут, — сказала она спокойно, — но там мы будем одни… и если… кто-то придет, нам будет видно.

Они сели лицом Друг к другу, на вершине холма, там, где подрост едва начал прорывать прошлогоднюю стерню. Отсюда каждый видел половину горизонта.

Солнце поднялось высоко, стало жарко, дул ветер, плыли облака. Гип Барроус работал. Он все дальше и дальше уходил в прошлое. А Джейни слушала, ждала, и все время ее ясные глубокие глаза осматривали открытую местность.

Назад и назад… грязному и обезумевшему, Гипу Барроусу понадобилось почти два года, чтобы найти дом с въездными воротами. Потому что в адресе были указаны улица и номер дома. Но не был указан город.

Три года заняла дорога от психиатрической лечебницы до пещеры. Год, чтобы узнать у чиновника округа адрес психиатрической лечебницы. Полгода — на поиски чиновника, который уже ушел на пенсию. И так до возникновения его одержимости, когда его выбросили из армии. На это еще шесть месяцев.

Семь трудных лет от упорядоченности и расписаний, обещаний большого Civivinero и смеха до тусклого освещения тюремной камеры. Семь украденных лет, семь лет бескрылого падения.

Он вернулся на эти семь лет назад и узнал,

каким был до того, как они начались.

На зенитном полигоне нашел он свою мечту и свою гибель.

Еще молодой, как всегда блестящий, окруженный слегка скрытой неприязнью, лейтенант Барроус обнаружил, что у него слишком много свободного времени, и это ему не понравилось.

* * *

Полигон оказался маленьким, в некоторых отношениях просто музей, потому что большая часть оборудования устарела. Сами орудия давно были заменены другими защитными средствами и больше не входили в систему противовоздушной обороны. Но здесь тренировались артиллеристы и офицеры, специалисты по радарам и технике.

В один из периодов ненавистного безделья лейтенант начал рыться в архиве и обнаружил многолетние данные о действии дистанционных взрывателей на малых высотах и об эффективности первых снарядов с радарными устройствами наведения на цель, передатчиками и часовыми механизмами. Похоже, зенитчики предпочитали сбивать низколетящие самолеты, чем позволить своим снарядам взорваться раньше времени от

столкновения с веткой дерева или электрическим столбом.

Но лейтенант Барроус обладал способностью замечать малейшие математические несоответствия с такой же легкостью, с какой слух Тосканини замечает фальшивую ноту. В одном квадранте одного сектора полигона обнаружился участок, где количество неразорвавшихся снарядов всегда превышало среднюю статистическую вероятность. Ну, два-три случая в году могли указывать на дефекты в самих снарядах. Но когда каждый снаряд, пролетавший над определенным участком, отказывался взрываться, это нарушало нерушимый закон. Научный мозг отказывается признавать такие нарушения и будет преследовать виновное явление, как общество преследует своих преступников.

Лейтенанту больше всего нравилось, что факты находятся в его исключительном распоряжении. Никому не пришло бы в голову специально проводить стрельбы на низких высотах. Еще меньше причин делать это над одним определенным участком. И поэтому только когда лейтенант Барроус сопоставил данные сотен стрельб за десять лет, у него появился повод, оправдывающий исследование.

Но исследование будет проводить только он. Если ничего не получится, никто не узнает. Если удастся обнаружить что-то интересное, он сможет с подобающей скромностью и впечатляющей четкостью привлечь к этому внимание полковника; и тогда, может быть, полковник изменит свое мнение о новобранце-лейтенанте. Поэтому в свободное время лейтенант провел экспедицию и обнаружил участок, на котором его карманный вольтметр отказывался работать нормально. И тут лейтенанту пришло в голову, что его находка имеет отношение к магнетизму. Чувствительные обмотки и реле дистанционных взрывателей переставали действовать, когда пролетали над этим участком на высоте меньше сорока ярдов. Постоянные магниты переставали действовать так же, как электромагниты.

В короткой, но яркой карьере Барроуса ничто даже приблизительно по своим возможностям не приближалось к этому открытию. Точный, но доступный полету воображения ум продолжал действовать, и лейтенант видел: идентификация и анализ феномена (возможно, эффект Барроуса?), попытка — разумеется, успешная, — повторить его в лабораторных условиях. Потом применения. Генератор поля, воздвигающий невидимую

силовую стену; самолеты и их связь — даже внутренняя перестает действовать, потому что отказывают крохотные магниты. Установки поиска цели на управляемых ракетах, взрыватели, в том числе, конечно, и дистанционные… абсолютное защитное оружие электромагнитной эры… и как много еще? Никаких пределов. Конечно, последуют демонстрации, и полковник представит его известным ученым и военным: «Вот это, господа, не новичок!».

Теперь, когда он знает, что происходит, ему нужно понять, чем это вызвано. Поэтому он разработал и собрал детектор. Простой, остроумный и тщательно откалиброванный. И пока занимался этой работой, его неукротимый мозг проверял, исследовал, восхищался, перепроверял всю концепцию «контрмагнетизма». В свободное время Барроус вывел несколько математических законов и их следствий и отправил в Институт электроисследований. Там их получили и оценили. Позже они были опубликованы в журнале института. Лейтенант даже улучшил показатели стрельб своих подчиненных, предупредив, чтобы над определенным участком снаряды не опускались ниже известного предела, потому что «феи размагнитят взрыватели». И это доставило

ему большую радость. Он представил себе, как походя упомянет о своем открытии. Если бы Бог дал этим тупицам мозги, они могли бы пойти и откопать сами.

Наконец он закончил свой детектор. В него входил ртутный переключатель, соленоид и источник энергии. Прибор отмечал малейшие колебания напряженности магнитного поля собственного магнита. Лейтенант раздобыл хорошую артиллерийскую карту, выбрал самого тупого рядового, какого смог найти, и провел целый свободный день на полигоне, бродя зигзагами по склону и делая отметки на карте, пока не обнаружил центр эффекта размагничивания.

Это оказалось поле давно заброшенной фермы. Посреди поля стоял древний грузовик в последней стадии проржавения. Ветры, дожди и оттепели почти погребли машину, и лейтенант вместе с терпеливым солдатом занялись лихорадочными раскопками. После нескольких часов тяжелого труда они выкопали остатки грузовика. А под ним обнаружили источник невероятного поля.

От каждого угла проржавевшей рамы отходил сверкающий, серебристый, сплетенный из проводов кабель. Кабели соединялись под рулем, и

оттуда к небольшой коробке шел тонкий проводок. А из коробки торчала ручка. Не было никаких явных источников энергии, но штука работала.

Когда Барроус повернул ручку вперед, остов застонал и заметно просел в мягкую почву. Когда потянул ручку назад, корпус грузовика заскрипел, приподнялся на сломанных подвесках и готов был подниматься дальше.

Лейтенант поставил ручку в нейтральное положение и отступил.

То, что он нашел, делало возможными его самые дикие мечты. Размагничивающий генератор, дожидающийся разборки и изучения. Но все это всего лишь побочный продукт.

Ручка вперед — и прибор делает грузовик тяжелее. Ручка назад — легче.

Антигравитация!

Антигравитация — фантастика, мечта! Аитигравитация, которая изменит жизнь на земле так, что пар, электричество, даже атомная энергия превратятся в незначительные побеги в саду технологии, который вырастет с помощью этого прибора. Тут и уходящие к небесам здания, которые не осмеливался проектировать ни один архитектор; полет без крыльев, полет к планетам, может, к звездам. Новая эпоха в транспорте, снаб-

жении, даже в танцах, даже в медицине. И какие исследования… и все это принадлежит ему.

Солдат, тупой рядовой, подошел и рванул ручку назад. Улыбнулся, упал и схватил Барроуса за ноги. Барроус высвободился, встал. Потянулся и коснулся кончиками пальцев одного из уходящих вверх серебристых кабелей. Прикосновение продолжалось долю секунды, но Барроус как будто навсегда застыл в этом мгновении, касаясь чуда, повис, оторвавшись от земли.

И упал.

* * *

Кошмар.

Вначале бешено бьющееся сердце и забытое дыхание, безумное зрелище древний остов поднимается над землей, все выше и выше, становится все меньше и меньше в темнеющем небе, пятно, точка, вспышка света, когда его касается луч солнца. А потом онемение и соль возвращающегося дыхания.

Откуда-то давящий смех. Откуда-то из другого места ненависть, стремление подавить этот смех.

Время безумных криков и споров, слов, переходящих в вопли, все более широкие полумесяцы

смеющихся глаз, и ускользающие со смехом тени. Он это сделал… и запутал меня.

Убить…

И некого убивать. Бежать в темноте и никого не находить. Топот ног, и огонь во внутренностях, и пламя в голове. Болезненное падение на равнодушную землю.

Одинокое возвращение в пустую, такую пустую дыру в земле. И вечное стремление вверх, к серебристым проводам, которых больше никогда не увидишь.

Уставившийся желто-красный глаз. Рев и пинок. Детектор тоже поднимается, поворачивается, разбивается, и глаз гаснет.

Долгий путь назад в казармы, когда тащишь с собой невидимку по имени Боль, которая своими липкими лапами цепляется за сломанную ногу.

Падение. Отдых и снова подъем. Ручей, падение, отдых, лагерь.

Штаб. Деревянные ступени, темная дверь; гулкий стук; кровь, грязь, стук. Шаги, голоса. Удивление, озабоченность, раздражение, гнев.

Белые шлемы и нарукавные повязки — военная полиция. Рассказать им, пусть приведут полковника. Никого другого, только полковника.

Заткнись, ты разбудишь полковника.

Полковник, это антимагнетрон, дорога к спутникам. Больше никаких ракетных двигателей!

Заткнись, новичок!

Драка с ними, потом крик, когда кто-то наступил на сломанную ногу.

* * *

Кошмар кончился, он на белой кушетке в белой комнате с черными решетками на окнах и с рослым полицейским у двери.

— Где я?

— Это больница, больница при гауптвахте, лейтенант.

— Боже, что случилось?

— Хоть убейте меня, сэр. Вы как будто хотели убить какого-то рядового. Все время всем говорили, как он выглядит.

Он положил руку на лоб.

— Рядовой. Его нашли?

— Лейтенант, такого человека нет в составе части. Честно. Служба безопасности проверила все досье. Не волнуйтесь так, сэр.

Стук. Полицейский открывает дверь. Голоса.

— Лейтенант, с вами хочет поговорить майор Томпсон. Как вы себя чувствуете?

— Плохо, сержант, плохо… Но я поговорю с ним,

если он этого хочет.

— Он успокоился, сэр.

Новый голос — тот самый голос! Барроус сжал руку так, что искры из глаз посыпались. Не смотри; если ты прав, ты его убьешь.

Дверь. Шаги.

— Добрый вечер, лейтенант. Когда-нибудь приходилось раньше разговаривать с психиатром?

Медленно, в ужасе перед взрывом, который должен произойти, Барроус опустил руку и открыл глаза. Чистый аккуратный мундир с майорскими нашивками и знаками различия медицинского корпуса не в счет. Профессиональные уверенные манеры, слова этого человека — все неважно. Единственно важный факт — когда он в последний раз видел это лицо, оно принадлежало рядовому, который без жалоб и без интереса таскал тяжелый детектор весь жаркий день, который разделил с ним открытие и который неожиданно улыбнулся ему, потянул за ручку, и грузовик-развалина начал подниматься в небо.

Барроус прыгнул.

Кошмар снова поглотил его.

* * *

В больнице делали все, чтобы помочь ему. Позволили самому проверить архивы, чтобы убедиться, что такого рядового никогда не существовало. Эффект «размагничивания»? Никаких данных. Конечно, лейтенант сам признавал, что отнес все относящиеся к делу записи к себе на квартиру. Нет, у него на квартире их нет. Да, на поле есть яма. Нашли и так называемый «детектор», хотя этот прибор совершенно не имеет смысла: он измеряет только магнитное поле собственного магнита. Что касается майора Томпсона, есть свидетели, видевшие его в самолете на пути сюда, когда это произошло. Если бы только лейтенант избавился от навязчивой идеи, что майор Томпсон и есть исчезнувший рядовой, мы добились бы гораздо большего; но он не избавился, понимаете ли, не смог избавиться. Но, конечно, капитан Бромфилд, возможно, добьется большего…

Я знаю, что сделал, знаю, что видел. Я найду это приспособление и того, кто его изготовил. И я убью этого Томпсона!

Бромфилд оказался хорошим человеком, и, Бог свидетель, он старался. Но в пациенте соедини-

лись талант к наблюдениям и годы практики, и эта комбинация не позволяла ему отказаться от своего. Когда лейтенант перестал требовать доказательств, миновал истерический период и наступила вначале меланхолия, а потом внешнее равновесие, ему попытались устроить встречу с майором. Лейтенант сразу набросился на него, и потребовалось пять человек, чтобы защитить майора.

Слишком умный парень, знаете ли. Такие часто сходят с ума.

Его продержали еще немного, убедившись, что единственной целью агрессии является майор Томпсон. Потом предупредили майора и вышвырнули лейтенанта. Жаль, сказали ему.

Первых шесть месяцев прошли как в дурном сне. Он все еще был полон отцовских советов капитана Бромфилда и пытался найти работу, пока не наступит «адаптация», о которой все время толковал капитан. Но она не наступила.

У лейтенанта были небольшие сбережения и выходное пособие. Он может потратить несколько месяцев, чтобы разобраться в этой истории.

Вначале ферма. Приспособление находилось на грузовике, а грузовик, очевидно, принадлежал фермеру. Найди его, и получишь ответ.

Потребовалось шесть месяцев, чтобы отыскать городской архив (жителей местности переселили, когда создавался зенитный полигон) и узнать имена двух единственных людей, которые могли рассказать ему о грузовике. А Продд, фермер. Полоумный батрак, имя и местонахождение которого неизвестны.

Но почти год спустя он отыскал Продда. Слухи привели его в Пенсильванию, а намек — к воротам психиатрической лечебницы. Продд находился в последней стадии старческого слабоумия, от него удалось узнать, что старик ждет жену, что его сын Джон так никогда и не родился, что старина Лоун, может, и был придурком, но никто лучше него не мог вытаскивать грузовик из грязи, что Лоун был хороший парень, он жил в лесу со зверями, а он, Продд, никогда не пропускал дойку.

Гип никогда не видел такого счастливого человека.

Барроус отправился в лес. Три с половиной года он прочесывал леса. Питался орехами, ягодами и тем, что мог поймать в ловушки. Забыл о том, что он инженер, почти забыл собственное имя. Его интересовало только одно. Поставить такое приспособление на старый грузовик мог только

дурак, а Лоун и был дураком.

Гип отыскал пещеру, детскую одежду и кусок плетеной серебристой трубы. И адрес.

Он отправился по этому адресу. Узнал, где найти детей. Но тут он столкнулся с Томпсоном — и Джейни его нашла.

Семь лет.

* * *

Прохладно, под головой теплая подушка, а его волосы мягко поглаживают. Он спит и в то же время не спит. Он так устал, так истощен и измучен, что сон и бодрствование превратились в синонимы. Все стало безразлично. Он знает, кто он и кем был. Знает, чего хочет и где это найти. И, выспавшись, найдет.

Он счастливо пошевелился, и мягкое прикосновение от волос перешло к щеке. Его потрепали по щеке. Утром, удовлетворенно подумал он, я отправлюсь искать полоумного. Но, пожалуй, потрачу час на воспоминания. На воскресном празднике в школе я выиграл гонку в мешках, и меня наградили носовым платком цвета хаки. В скаутском лагере я до завтрака поймал три щуки, поймал на блесну; я греб в каноэ, а леску держал в зубах; самая большая щука порезала мне рот.

Терпеть не могу рисовый пудинг. Люблю Баха, и ливерную колбасу, и последние две недели мая, и глубокие чистые глаза, как у…

— Джейни?

— Я здесь.

Он улыбнулся, удобнее положил голову на подушку и понял, что голова лежит на коленях Джейни. Открыл глаза. Голова Джейни была черным облаком в ореоле звезд: темнее самой ночи.

— Ночь?

— Да, — шепотом ответила она. — Хорошо поспал? Он лежал улыбаясь, думая о том, как хорошо выспался.

— Никаких снов не видел. Потому что знал, что снова могу их видеть.

— Я рада.

Он сел. Она осторожно передвинулась. Он сказал:

— У тебя, должно быть, все тело затекло.

— Ничего, — ответила она. — Мне нравится смотреть, как ты спишь.

— Давай вернемся в город.

— Еще нет. Сейчас моя очередь, Гип. Мне многое нужно тебе рассказать.

Он притронулся к ней.

— Ты замерзла. Разве это не может подождать?

— Нет, о, нет! Ты должен знать все до того, как он… до того, как нас отыщут.

— Он? Кто этот он?

Она долго молчала. Гип едва не заговорил, но потом передумал. А когда заговорила она, то, казалось, была так далека от ответа на его вопрос, что он чуть не прервал ее. Но опять передумал. Пусть рассказывает по-своему, как хочет.

Она сказала:

— Ты что-то нашел на поле; у тебя оно было в руках достаточно долго, чтобы ты понял, что это такое, что оно может означать для нашего мира. И человек, который был с тобой, солдат, заставил тебя его потерять. Как ты думаешь, почему он это сделал?

— Потому что он неловкий безмозглый ублюдок. Она ничего на это не ответила и продолжала:

— Военный врач, который пришел к тебе, майор, выглядел точно, как тот солдат.

— Мне доказали, что это не так. Он был так близок к ней, что уловил в темноте ее легкое движение. Она кивнула.

— Доказательство: свидетели, которые видели его в то же время в самолете. Дальше. У тебя было множество данных о том, что в определенном

районе выходят из строя дистанционные взрыватели. Что случилось с этими данными?

— Не знаю. Насколько мне известно, с того дня, как я ушел, и до обыска моя комната была закрыта.

— Тебе никогда не приходило в голову, что эти три обстоятельства: пропавший рядовой, сходство с ним майора Томпсона и исчезнувшие данные — все они и заставили считать тебя ненормальным?

— Это понятно и так. Думаю, если бы мне разобраться хоть с одним или двумя из этих обстоятельств, я покончил бы со своей одержимостью.

— Ну, хорошо. Теперь подумай вот о чем. Ты семь лет брел вперед, все ближе и ближе подходя к утраченному. Ты проследил человека, создавшего это приспособление, и готов был отыскать его. Но произошло кое-что.

— Это моя вина. Я столкнулся с Томпсоном и снова спятил.

Она положила руку ему на плечо.

— Предположим, солдат передвинул ручку не по неосторожности. Предположим, он сделал это нарочно.

Даже если бы она зажгла перед ним лампу-

вспышку, он не был бы поражен больше. Такой же неожиданный ослепительный свет. Обретя способность речи, он сказал:

— Почему я сам до этого не додумался?

— Потому что тебе этого не позволили, — с горечью ответила она.

— О чем ты? Я…

— Пожалуйста. Еще немного, — попросила она. — Предположим на мгновение, что кто-то проделал все это с тобой намеренно. Можешь догадаться, кто это, почему он так поступил и как сделал?

— Нет, — сразу ответил он. — Уничтожение первого и единственного в мире генератора антигравитации не имеет смысла. Еще меньше смысла в преследовании меня такими сложными и трудоемкими методами. Да, что касается методов. Ему нужно уметь проникать в запертые комнаты, гипнотизировать свидетелей и читать мысли!

— Он все это проделал, — сказала Джейни. — Он может.

— Джейни — кто?

— А кто сделал генератор?

Гип вскочил и испустил крик, полетевший над темными полями.

— Гип!

— Не обращай внимания, — потрясение ответил он. — Я только что понял, что уничтожить генератор мог только тот, кто может его построить заново. А это значит… О, мой Бог! — солдат, и полоумный, и Томпсон, да, Томпсон. Он засадил меня в тюрьму, когда я готов был снова отыскать его. Они все — один человек… Почему я до этого не додумался?

— Я тебе говорила. Тебе это не позволили. Он снова сел. На востоке, как неясные очертания скрытого города, повис рассвет. Гип смотрел туда, думая, что наступил день, когда он закончит свой долгий безумный поиск. Он подумал о том ужасе, который испытала Джейни, когда он хотел немедленно отправиться на встречу с этим… с этим чудовищем — отправиться без здравого рассудка, без воспоминаний, без оружия и информации.

— Ты должна рассказать мне, Джейни. Все рассказать. И она рассказала рассказала все. Рассказала о Лоуне, о Бонни и Бинни и о себе; о мисс Кью и Мириам, которые теперь обе мертвы; и о Джерри. Рассказала, как после смерти мисс Кью они вернулись в лес, в старый дом Кью, и там какое-то время снова были близки. А потом…

— Спустя какое-то время Джерри решил пойти

учиться в колледж. И закончил его. Ему это было легко. Все было легко. Понимаешь, когда он прячет глаза за очками, его очень трудно запомнить; люди его просто не замечают. Он закончил также медицинскую школу и психиатрическую.

— Он настоящий психиатр? — спросил Гип.

— Нет. Только получил диплом. Это большая разница. Он скрылся в толпе. При поступлении в школу он фальсифицировал все записи. И его никогда не поймали. Если кто-то пытался расследовать, ему стоило поглядеть в глаза, и человек обо всем забывал. И он не провалил ни одного экзамена, так как ему всегда разрешали выйти в мужской туалет.

— Куда? В мужской туалет?

— Да. — Джейни рассмеялась. — У нас это одно время даже превратилось в игру. Понимаешь, он уходил в туалет, запирался и вызывал Бонни или Бинни. Говорил им, что его затрудняет, они возвращались домой, говорили мне, я спрашивала Бэби, они относили информацию, и все это занимало несколько секунд. Но однажды один студент услышал, что Джерри с кем-то говорит. Он был в соседней кабинке, встал на унитаз и посмотрел. Можешь себе представить! Бонни и Бинни во время телепортации не могут прихва-

тить даже зубочистку, не говоря уже об одежде.

Гип ударил себя по лбу.

— И что же произошло?

— О, Джерри справился с этим парнем. Тот выскочил из туалета с криком, что там голая женщина. Половина студентов кинулась туда. Конечно, она исчезла. А потом Джерри посмотрел на парня, и тот забыл обо всем и удивился, из-за чего такой шум. Потом ему из-за этого доставалось.

— Хорошие были времена, — вздохнула Джейни. — Джерри так всем интересовался. Он все время читал. Все время расспрашивал Бэбн. Его интересовали люди, машины, книги, история, искусство — все. Я тогда тоже многое узнала. Ведь вся информация проходила через меня.

— Но потом Джерри… я хотела сказать «заболел», но это не совсем то. Она задумчиво прикусила губу. — Судя по моим знаниям людей, только два их типа по-настоящему стремятся к прогрессу. Те, что глубоко копают, познают и потом пытаются использовать узнанное. И те, кто обладает большим любопытством: они просто так созданы. Но большинство хочет что-нибудь доказать. Стать богаче. Стать известными, знаменитыми, почитаемыми. Последнее уже некоторое время относилось к Джерри. Он никогда по-на-

стоящему не учился, и серьезная конкуренция его пугала. Ребенком ему сильно досталось. В семь лет он сбежал из приюта и жил как крыса на помойке, пока его не отыскал Лоун. И потому ему нравилось быть первым в классе и добывать деньги легким движением руки, когда заблагорассудится. И еще мне кажется, что некоторые вещи его искренне заинтересовали: музыка, биология и еще кое-что.

— Но скоро он понял, что ему ничего и никому не нужно доказывать. Он умнее и сильнее любого другого человека. И доказывать это стало скучно. Он мог получить все, что захочет.

— Он бросил учебу. Перестал играть на гобое. Постепенно все бросил. Наконец, почти год вообще ничего не делал. Кто знает, что происходило у него в голове? Неделями лежал молча.

— Наш гештальт, как мы себя называем, когда-то был дураком, когда в качестве «головы» служил Лоун. Ну, когда его место занял Джерри, гештальт превратился в сильный растущий организм. Но когда с Джерри это произошло, он впал в состояние, которое называют маниакально-депрессивным.

— Гм! — проворчал Гип, — Маньяк, способный править миром.

— Он не хотел править миром. Он знал, что может это, если захочет. Но не видел для этого причины.

Ну и вот, как описано в психологии, он начал регрессировать. Возвратился в детство. А его детство было очень злым.

Я начала кое-что делать. Не могла оставаться в доме. Искала, как бы вывести его из этого состояния. Однажды вечером в Нью-Йорке назначила свидание парню. Я знала, что он работает в ИРИ.

— Институт радиоинженеров, — сказал Гип. — Известное заведение. Я когда-то был его членом.

— Знаю. Этот парень и рассказал мне о тебе.

— Обо мне?

— О том, что ты называл «математическим воссозданием». Экстраполяция действующих законов вероятности и сопутствующих явлений на изменения напряженности магнитного поля. Цель — постройка генератора гравитации.

— Боже!

Она коротко и болезненно рассмеялась.

— Да, Гип. Я сделала это с тобой. Я не знала, что из этого выйдет. Мне просто хотелось заинтересовать Джерри чем-нибудь.

Да, он заинтересовался. Расспросил Бэби и сразу получил ответ. Понимаешь, Лоун построил эту

штуку до того, как Джерри стал жить с нами. И мы о нее совершенно забыли.

— Забыли! Такую вещь?

— Послушай, мы не похожи на остальных людей.

— Да, не похожи, — задумчиво согласился он. — Зачем это вам?

— Лоун построил его для старого фермера Продда. Очень похоже на Лоуна. Генератор гравитации, чтобы увеличивать или уменьшать вес старого грузовика. И все для того, чтобы фермер мог воспользоваться грузовиком как трактором.

— Не может быть!

— Да. Конечно, Лоун был придурок. Ну, мы спросили Бэби, каковы будут последствия, если эту штуку найдут. Бэби ответил, что последствий будет множество. Он сказал, что это перевернет мир вверх дном. Будет гораздо хуже промышленной революции. Хуже, чем все предыдущее. Сказал, что если события начнут развиваться в одном направлении, начнется война, в какую поверить трудно. Если будут развиваться в другом, наука слишком далеко продвинется вперед. Похоже, гравитация — ключ ко всему. Добавится еще одна составляющая Единого Поля — так мы называем психическую энергию, «псионику».

— Материя, энергия, пространство, время и душа, — выдохнул в благоговении Гип.

— Да, — небрежно согласилась Джейни, — все это едино, и будет получено доказательство этого. И тогда больше не останется тайн.

— Более грандиозного события я и представить себе не могу. Итак… Джерри решил, что бедные недоразвитые человекообразные обезьяны недостойны этого?

— Не Джерри! Ему все равно, что произойдет с вами, обезьянами! Но он узнал от Бэби, что в каком бы направлении ни развивались события, происхождение этой штуки будет установлено. Нас отыщут. Ты ведь сделал это в одиночку. А ЦРУ потребовались бы не годы, а недели.

— Вот это Джерри встревожило. Он ушел от мира. И хотел вариться в собственном соку в глубине леса. Он не хотел, чтобы Вооруженные Силы или Объединенные Нации ворвались к нему с призывом к патриотизму. Конечно, он мог бы справиться со всеми, но для этого пришлось бы повозиться. А ему не хотелось возиться. Он рассердился. Рассердился на Лоуна, который был мертв, и особенно рассердился на тебя.

— Ух ты! Он мог бы убить меня. Почему не убил?

— По той же причине, по какой просто не убрал прибор до того, как ты его нашел. Говорю тебе, он злобен и мстителен — по-детски. Ты обеспокоил его. Он хотел расправиться с тобой.

Теперь должна признаться, что тогда это меня не встревожило. Приятно было видеть, как он ожил. Мы вместе отправились на базу.

А теперь то, чего ты просто не помнишь. Он вошел в твою лабораторию, когда ты калибровал свой детектор. Посмотрел тебе в глаза и вышел со всеми сведениями, какими располагал ты, плюс тот факт, что ты намеревался отыскать генератор и что ты хотел… как это ты сам выражался? «найти добровольца».

— Я в те дни был зазнайкой, — печально признался Гип.

Джейни рассмеялась.

— Ты сам не знаешь. Просто сам не знаешь, каким был. Ну нот, ты вышел с большим тяжелым прибором на ремне. Я видела тебя, Гип. Я все еще вижу тебя, в отлично сшитом мундире, с солнцем в волосах… Мне было семнадцать лет.

Джерри велел мне быстро раздобыть рубашку рядового. Я отыскала в казарме.

— Не думал, что семнадцатилетняя девушка может войти в казарму и выйти оттуда невре-

димой. Никакая девушка в семнадцать лет этого не сделает.

— Да я и не заходила! — ответила она. Гип удивленно вскрикнул: его собственная рубашка сморщилась, потом напряглась. Концы ее выскользнули из-под пояса и замахали в безветренном рассвете.

— Не делай этого! — попросил он.

— Просто демонстрирую, — подмигнула она. — Джерри надел рубашку, прислонился к изгороди и ждал тебя. Ты направился прямо к нему и протянул детектор. «Пошли, солдат, — сказал ты. — Ты только что добровольно согласился участвовать в пикнике. Понесешь еду».

— Какой я был вонючкой!

— Не думаю. Я выглядывала из-за помещения военной полиции. Мне ты показался замечательным. Правда, Гни. Он рассмеялся.

— Продолжай. Расскажи остальное.

— Остальное ты знаешь. Джерри велел Бонни принести записи из твоей квартиры. Она отыскала их и принесла мне. А я сожгла. Прости, Гип. Я не знала, что собирается сделать Джерри.

— Продолжай.

— Ну, это все. Джерри позаботился, чтобы тебе никто не поверил. Психологически это вполне

возможно. Ты утверждал, что существует рядовой, которого на самом деле нет. Ты утверждал, что он и психиатр — одно и то же лицо, а это опасный симптом, любой врач это знает. Ты утверждал, что располагаешь данными, цифрами, вычислениями, но их не смогли найти. Ты мог доказать, что что-то выкопал, но что именно, никто не знал. Но самое главное ты, располагая научно ориентированным умом, утверждал, что существуют факты, в которые не верит весь мир. Не прав либо ты, либо весь мир. Кому-то следовало уступить.

— Остроумно, — прошептал Гип.

— И вдобавок, — с некоторым трудом сказала Джейни, — Джерри дал тебе постгипнотическую команду, которая делала для тебя невозможным связать его как солдата или как психиатра Томпсона — с антигравитатором.

Когда я узнала, что он сделал, я попыталась заставить его помочь тебе. Совсем немного. Он… он просто засмеялся. Я спросила Баби, что можно сделать. Он ничего не ответил. Сказал только, что постгипнотическую команду можно снять при помощи обратной абреакции.

— А что это такое?

— Мысленный возврат к самому происше-

ствию. Абреакция — это процесс подробного воссоздания происшествия. Но тебе это было недоступно; ты получил приказ. С этого все и началось. И единственный способ отменить этот приказ ты должен был сам, без объяснения причин, распутать все события в обратном порядке, пока не дошел бы до этого приказа. Как все подобные приказы, он действовал «с этого момента». Но если бы ты вернулся к предыдущему моменту, приказ тебя не мог остановить. А как я могла отыскать тебя и провести через все события, не объясняя причин?

— Боже милостивый, — сказал Гип мальчишески. — Я начинаю казаться себе очень значительным лицом. Только такой парень может вызвать столько хлопот.

— Не льсти себе, — ядовито заметила она. Потом:

— Прости, Гип. Я не хотела этого говорить… Для Джерри не существовало никаких проблем. Он раздавил тебя, как жука. Оттолкнул и забыл о тебе.

Гип хмыкнул. — Благодаря тебе.

— Он снова это сделал, — яростно сказала она. — Ты потерял семь лучших лет жизни, потерял свой инженерный мозг, не осталось ничего, кроме

грязного голодного тела и тупой одержимости, которую ты сам не мог понять или объяснить. Но клянусь небом, в тебе было то, что делает тебя тобой, было что-то, что заставило тебя протащиться через эти семь лет, собирая сведения по клочкам, пока ты не оказался перед самым входом. Когда он тебя увидел — это была случайность, он оказался в городе, — он сразу узнал тебя и понял, что тебе нужно. И когда ты набросился на него, он направил тебя на витрину одним взглядом… своих… отравленных… ядовитых… глаз…

— Эй, — мягко сказал он. — Эй, Джейни, успокойся.

— С ума схожу от ярости, — прошептала она, вытерев ладонью глаза. Откинула волосы, расправила плечи. — Бросил тебя на витрину и одновременно дал приказ «свернись и умри». Я видела это, видела, как… Это отвратительно… Немного успокоившись, она сказала:

— Может, если бы это произошло только раз, я смогла бы забыть. Я этого никогда не одобряла, но когда-то я в него верила… ты должен понять, мы были одним целым, Джерри, и я, и дети; были чем-то живым и реальным. Ненавидеть его — все равно что ненавидеть собственные ноги или легкие.

— В Евангелии сказано: «Если же правый глаз твой соблазняет тебя, вырви его и брось от себя. И если правая твоя рука…».

— Да, глаз, рука! — воскликнула она. — Ноне голова! — И продолжала:

— Но твой случай не был единственным. Помнишь толки о расщеплении элемента 83?

— Выдумка. С висмутом это просто невозможно. Смутно припоминаю… какой-то псих по имени Клекенхорст.

— Псих по имени Клекенхаймер, — поправила она. — Джерри впал в приступ хвастовства и упомянул дифференциальное уравнение, о котором ему не следовало рассказывать. Клек запомнил его. И произвел реакцию расщепления висмута. А Джерри встревожился: такое открытие вызовет много шума, и он опасался, что его выследят и окружат толпы любопытных. И избавился от бедного старины Клека.

— Клекенхаймер умер от рака! — фыркнул Гип.

Джейни бросила на него странный взгляд.

— Знаю, — негромко сказала она.

Гип несильно ударил себя по вискам кулаками. Джейни сказала:

— Были и другие. Не такие значительные

случаи, как этот. Однажды я убедила Джерри поухаживать за девушкой, просто так, без применения его способностей. Ну, и та предпочла другого, прекрасного парня, который продавал посудомоечные машины и отлично с этим справлялся. И у парня вдруг развилось acne rosacea.

— Нос как свекла. Я такое видел.

— Как переваренная раздувшаяся свекла, — поправила Джейни. — Больше никакой работы.

— И никакой девушки, — предположил он. Джейни улыбнулась и сказала:

— Она осталась с ним. Сейчас у них свой небольшой бизнес. Торгуют керамикой. Парень остается в тени.

У Гипа появилась догадка, каково происхождение этого бизнеса.

— Джейни, поверю тебе на слово. Таких случаев несколько. Но… почему я? Почему ты все это проделала ради меня?

— По двум причинам. Во-первых, я видела, что он сделал с тобой в городе, заставил наброситься на отражение в стекле. Ты думал, что это он. С меня хватило насилия, больше я его не хотела видеть. Во-вторых, ну… это ведь был ты.

— Не понимаю.

— Слушай, — сказала она со страстью, — мы не

собрание выродков. Мы гомогештальт, понимаешь? Мы единый организм, новый тип человека. Мы не были изобретены. Мы появились в процессе эволюции. Мы следующая ступень. Мы одни, больше таких нет. Мы живем в другом мире, ваша система морали и этические правила к нам неприменимы. Мы живем на пустынном острове в окружении стада коз.

— Я козел.

— Да, да, ты козел, понятно? Мы родились на этом острове, и никто не учил нас, не говорил, как вести себя. Мы можем научиться у коз, узнать, что делает козу хорошей козой. Но это никогда не изменит того факта, что мы-то не козы! К нам нельзя прикладывать тот же набор правил, что к обычному человеку; мы просто другие!

Он хотел заговорить, но она знаком велела ему замолчать.

— Послушай, приходилось тебе когда-нибудь видеть в музее скелеты лошадей, начиная с маленького эофиппуса и после всей последовательности в девятнадцать-двадцать скелетов кончая першероном? Между первым и девятнадцатым номерами огромная разница. Но какая разница между номером пятнадцать и шестнадцать? Почти никакой! — Она замолчала, тяжело

дыша.

— Я тебя слышу. Но какое это имеет отношение…

— К тебе? Разве ты не понимаешь? Гомогештальт — это нечто новое, особое, превосходящее. Но части — руки, кишки, банки памяти, точно как кости в тех скелетах, — они те же, что на ступеньку ниже, или чуть другие. Это я, я Джейни. Я видела, как он раздавил тебя; ты был как раздавленный кролик, ты стал грязным, постарел. Но я тебя узнала. Узнала и увидела, каким ты был семь лет назад, когда выходил во двор со своим детектором, и солнце освещало твои волосы. Ты был большой, могучий, уверенный, ты шел как большой лоснящийся жеребец. В тебе было то, что входит в окраску бойцового петуха, что заставляет дрожать лес, когда лось бросает свой вызов. Ты был сверкающими доспехами, и развевающимся вымпелом, и моим женским шарфом у тебя на перевязи, ты был, ты был… Мне было семнадцать лет, черт возьми, Барроус, семнадцать, и я была полна весной и снами, которые меня пугали.

Глубоко потрясенный, он прошептал:

— Джейни… Джейни…

— Убирайся! — выкрикнула она. — Совсем не то, что ты подумал. Не любовь с первого взгля-

да. Это детское понимание: любовь — совсем другое. Ее недостаточно, чтобы заставить тебя плыть, переплетаться, сливаться, отделяться и становиться гораздо сильнее, чем вначале. Я говорю не о любви, я говорю о семнадцати годах и о чувстве… — Она закрыла лицо. Он ждал. Наконец она опустила руки. Глаза ее оставались закрытыми, она сидела неподвижно, — Я говорю о человеческом, — закончила она.

Потом деловито добавила:

— Вот почему я помогла тебе, а не кому-то другому.

Он встал и вышел в свежее утро, уже яркое, новое, как страх пугающего сна молодой девушки. Снова вспомнил, какая паника ее охватила, когда он впервые рассказал о появлении Бонни. Теперь он понимал, что она должна была почувствовать: он, слепо», немой, безоружный, невежественный, опять оказался под безжалостной ступней.

Он вспомнил день, когда вышел из лаборатории, поискал себе раба. Высокомерный, самоуверенный, поверхностный, ищущий самого тупого солдата.

Он думал о себе, каким был в тот день. Не о том, что случилось с Джерри, потому что теперь это ясно. Можно лечить, но нельзя изменить. И чем

больше он думал о себе, тем больше его охватывало чувство унижения.

Он едва не наткнулся на Джейни. Она сидела, глядя на сложенные па коленях руки, и он подумал, что ее руки тоже должны быть полны тайн, и боли, и волшебства.

Он склонился к ней.

— Джейни, — сказал он хрипло, — ты знаешь, что произошло в тот день, когда ты меня увидела. Я не хочу осквернить твое ощущение семнадцати лет… Просто хочу рассказать о себе, о том, что было… ну, о том, что было не таким, как ты думаешь. — Он перевел дыхание. — Мне легче это вспомнить, потому что для тебя прошло семь лет, а я словно уснул и во сне видел, как ищу полоумного. Теперь я проснулся, и сон ушел, и я все хорошо помню…

Джейни, у меня в детстве были проблемы. Я понял, что совершенно бесполезен, а то, чего я хочу, бесполезно по определению. Я не сомневался в этом, пока не вырвался и не понял, что в моем новом мире другая система ценностей, чем в старом, и что в этом новом мире я тоже обладаю ценностью. Я нужен, я един с другими.

— И тогда я поступил в авиацию и перестал быть в мечтах знаменитым футболистом или предсе-

дателем дискуссионного клуба. Я превратился в рыбу с высохшими жабрами, и амблистомы едва не доконали меня. Я тогда едва не умер, Джейни.

— Да, я в одиночку отыскал это размагничивающее поле. Но я хочу, чтобы ты знала, что когда я в тот день вышел из лаборатории, я не был петухом, самцом-лосем и всем прочим, как ты воображала. Я собирался сделать открытие и отдать его человечеству, но не ради человечества, но чтобы… — он с трудом глотнул… — чтобы меня пригласили играть на пианино в офицерском клубе, чтобы меня хлопали по спине., и… и смотрели на меня, когда я вхожу. Вот все, чего я хотел. Н когда понял, что это не просто ослабление магнитного поля (одно это сделало бы меня знаменитым), а антигравитация (а это изменило бы облик Земли), я подумал только, что теперь сам президент пригласит меня поиграть на пианино, а по спине меня будут хлопать генералы. Хотел я прежнего.

Он присел на корточки, и они долго молчали. Наконец Джейни сказала:

— А теперь чего ты хочешь?

— Больше ничего такого, — прошептал он. Взял ее руки в свои. — Больше не хочу. Хочу другого. — Неожиданно он рассмеялся. — И знаешь

что, Джейни. Я сам не знаю, чего хочу!

Она сжала его руки и выпустила их.

— Может, узнаешь. Гип, нам пора идти.

— Хорошо. Куда?

Она стояла рядом с ним, высокая.

— Домой. Ко мне домой.

— И в дом Томпсона? Она кивнула.

— Зачем, Джейни?

— Он должен понять кое-что, чему не способен научить компьютер. Должен научиться стыдиться.

— Стыдиться?

— Не знаю, как действуют системы морали, — ответила она, не глядя на него. — Не знаю, как включить их действие. Знаю только, что если правила морали нарушаются, тебе стыдно. И хочу, чтобы ему стало стыдно.

— Что я могу сделать?

— Пойдем со мной, — улыбнулась она. — Хочу, чтобы он увидел тебя — какой ты есть, как ты думаешь. Хочу, чтобы он вспомнил, каким ты был раньше, сколько в тебе было блеска, сколько обещаний. Он должен понять, как дорого он тебе обошелся.

— Думаешь, все это для пего важно?

Она улыбнулась. Такой улыбки можно испу-

гаться.

— Важно, — мрачно ответила она. — Ему придется признать, что он не всесилен, что нельзя убивать другого, просто потому что ты сильнее.

— Ты хочешь, чтобы он попытался убить меня? Она снова улыбнулась, но на этот раз улыбка ее была полна удовлетворения.

— Он не сможет. — Рассмеялась и быстро повернулась к нему. — Не волнуйся об этом, Гип. Я его единственная связь с Бэби. Ты думаешь, он предпочтет собственную лоботомию? Рискнет оказаться отрезанным от собственной памяти? Это не память человека, Гип. Это память гомогештальта. Это вся когда-либо собранная информация плюс сопоставление всех известных фактов со всеми другими во всех возможных комбинациях. Без Бонни и Бинни он может обойтись, может действовать на расстоянии другими способами. Может обойтись и без того, что я для него делаю. Но он не может обойтись без Бэби. Ему приходилось обходиться без него с тех пор, как я начала работать с тобой. И сейчас он в неистовстве. Он может притронуться к Бэби, поднять его, разговаривать с ним. Но не может ничего извлечь из него без моей помощи!

— Иду, — негромко ответил он. Потом добавил:

— Тебе не придется убивать себя.

* * *

Вначале они вернулись в свой дом, и Джейни со смехом открыла оба замка, не прикоснувшись к ним.

— Я все время хотела это сделать, но не смела, — призналась она. Влетела в его комнату. — Смотри! — пропела. Лампа на ночном столике поднялась, медленно поплыла по воздуху и опустилась на пол у входа в ванную. Ее провод развернулся, как змея, и вилка сама включилась в розетку на плинтусе. Лампа загорелась. — Смотри! — воскликнула Джейни. — Кофеварка поползла по туалетному столику, остановилась. Гип услышал журчание воды, на внешней поверхности кофеварки выступила конденсированная влага. Кофеварка заполнилась ледяной водой. — Смотри, — восклицала Джейни, — смотри, смотри! — И ковер вздыбился бугром, этот бугор пробежал по всему ковру и разгладился с противоположной стороны; ножи, вилки, бритва, зубная щетка, два галстука и пояс дождем обрушились на пол и образовали сердце, пронзенное стрелой. Гил громко рассмеялся, обнял Джейни и повернул ее.

— Почему я никогда не целовал тебя, Джейни? Лицо ее и тело застыли, и в глазах появилось непостижимое, неописуемое выражение — нежность, заинтересованность, веселье и что-то еще. Она сказала:

— Не собираюсь говорить, что ты удивительный, умный, сильный, но немножко и ханжа. — Увернулась от него, и воздух заполнился ножами, вилками, галстуками, лампой и кофеваркой, все это вернулось на свои места. Джейни от двери сказала:

— Поторопись, — и исчезла.

Гип бросился за ней и поймал в коридоре. Ома смеялась.

Он сказал:

— Я знаю, почему ни разу не поцеловал тебя. Она опустила глаза, но не смогла то же проделать с углами рта.

— Правда?

— Ты можешь налить воды в закрытый сосуд. Или убрать ее из него. — Это был не вопрос.

— Правда?

— Когда мы, невежественные мужчины, начинаем рыть копытами землю и задевать рогами за ветки, то это может быть весна, или концентрированный идеализм, или любовь. Но всегда

это вызывается повышением гидростатического давления в крошечных резервуарах меньше моего мизинца.

— Правда?

— И вот когда уровень жидкости в этих резервуарах неожиданно понижается, я… мы… ну, начинаем дышать спокойней, и луна теряет свое значение.

— Правда?

— Вот что ты со мной делала.

— Правда?

Она высвободилась, быстро взглянула на него и рассмеялась.

— Ты ведь не станешь утверждать, что это аморально, — сказала она.

Наморщила нос и скрылась в своей комнате. Он посмотрел на закрытую дверь и, может, сквозь нее, потом отвернулся.

Улыбаясь, радостно и удивленно качая головой, он накрыл клубок ужаса в себе самом новым типом спокойствия. Удивленный, очарованный, задумчивый и ужасающийся, встал под душ, потом начал одеваться.

* * *

Они подождали на дороге, пока такси не скрылось, потом Джейни повела его в лес. Если когда-то лес расчищали, сейчас это не было заметно. Еле приметная тропинка вьется, но идти по ней легко, потому что кроны над головой такие густые, что подлеска почти нет.

Они прошли к обросшему мхом утесу; и тут Гип увидел, что это не утес, а стена, которая в обоих направлениях уходит ярдов на сто. В ней массивная железная дверь. При их приближении что-то щелкнуло, и дверь открылась. Гип посмотрел на Джейни и понял, что это сделала она.

Дверь за ними закрылась. За ней тот же лес, такие же большие и толстые деревья, но дорожка выложена кирпичом и делает только два поворота. После первого поворота исчезла стена, а после второго, через полмили, стал виден дом.

Дом слишком низкий и слишком широкий. Крыша не остроконечная, а скорее похожа на насыпь. Когда они подошли ближе, Гип увидел, что от дома отходит прочная серо-зеленая стена. Он понял, что весь этот участок представляет собой тюрьму. И ему здесь не понравилось.

— Мне тоже, — сказала Джейни. Он обрадовал-

ся и посмотрел ей в лицо.

Гуубл.

Кто-то стоял за искривленным дубом у дома, выглядывая из-за ствола.

— Подожди, Гип.

Джейни быстро направилась к дереву и с кем-то заговорила. Гип услышал, как она сказала:

— Тебе придется. Ты ведь не хочешь, чтобы я умерла? Казалось, это привело к концу спора. Джейни пошла назад, а Гип продолжал смотреть на дерево. Но там, кажется, уже никого не было.

— Это была Бинни, — сказала Джейни. — Познакомишься с нею потом. Пошли.

Дверь из дубовых досок, окованная железом. Скрывается в арке, повторяя ее форму. Тяжелые, наполовину утопленные петли. Единственное окно высоко под крышей, да и оно забрано прочной решеткой.

Дверь сама, без всякого прикосновения, открылась. Она должна была бы заскрипеть, но не заскрипела. Они вошли, и, когда дверь закрылась, Гип глубиной желудка ощутил глубокую дрожь.

На полу узор из плиток, темно-желтых и коричнево-серых; этот же узор повторяется на обшивке стен и на мебели, либо встроенной, либо такой тяжелой, что она никогда не передвигается. Воз-

дух холодный, но слишком влажный, и потолок очень низкий. Я вхожу, подумал Гип, в огромную пасть.

Из первой комнаты они пошли по коридору, который казался необыкновенно длинным, но на самом деле таким не был: просто потолок опускался еще ниже, пол слегка приподнимался, создавая совершенно ложную перспективу.

— Все в порядке, — негромко сказала Джейни. Гип скривил губы, собираясь улыбнуться, но не смог и вытер холодный пот с верхней губы.

Джейни остановилась у последней двери и притронулась к стене. Часть стены отодвинулась, открыв прихожую с еще одной дверью.

— Подожди здесь, Гип. — Джейни была совершенно спокойна и собрана. Он пожалел, что здесь так темно. Он колебался. Показал на дверь в конце коридора.

— Он там?

— Да. — Джейни коснулась его плеча. Отчасти успокаивала, отчасти подталкивала в маленькую комнату.

— Я должна сначала с ним увидеться, — сказала она. — , Доверься мне, Гип Я тебе верю. Но ты… он…

— Он мне ничего не сделает. Иди, Гип.

Он пошел. Оглянуться у него не было возможности, потому что дверь сразу закрылась. И с этой стороны была не заметней, чем с той. Он притронулся к стене, нажал. Словно нажимает на большую наружную стену. Ни ручки, ни петель, ни замка. Края скрыты в стенной панели. Дверь просто перестала существовать.

На мгновение Гипа охватила паника, но тут же улеглась. Он сел у противоположной двери, которая, очевидно, ведет в ту же комнату, что и коридор.

Было тихо.

Гип взял оттоманку и перенес к стене. Потом сел, прижавшись спиной к панели, глядя на дверь широко раскрытыми глазами.

Попробуй дверь, проверь, закрыта ли она.

Он понял, что не смеет это сделать. Еще пет. Смутно он представлял себе, что почувствовал бы, если бы дверь оказалась закрытой. Но подтверждения своим леденящим догадкам не хотел находить.

— Слушай, — яростно сказал он самому себе, — лучше тебе чем-нибудь заняться. Сделай что-нибудь. Или просто думай. Но не сиди так.

Думай. Думай о скрывающейся здесь тайне, о заостренном лице с толстыми стеклами очков, об

улыбающемся лице, которое говорит: «Умри».

Подумай о чем-нибудь другом! Быстрей!

Джейни. Одна, перед этим заостренным лицом с…

Гомогештальт, девушка, две неговорящие негритянки, дурак-монголоид и человек с заостренным лицом и…

Попытайся снова. Гомогештальт, следующая ступень эволюции. Ну, конечно, почему бы не существовать наряду с физической психической эволюции? Гомо сапиенс голый и невооруженный, но у него в черепе огромного размера комок желеобразного вещества; и поэтому он отличается от животных, от которых произошел.

Но остается тем же, тем же самым. До сего дня он стремится размножаться, стремится владеть; убивает без сожалений и угрызений совести; если силен берет, если слаб — бежит; а если слаб и не может бежать — умирает.

Гомо сапиесу предстоит умереть.

Страх в нем — это хороший страх. Страх — это инстинкт самосохранения. Страх означает, что есть надежда остаться в живых.

Гип начал думать о выживании.

Джейни хочет, чтобы у гомогештальта выработалась система морали и чтобы такие, как

он, Гип Барроус, не могли быть раздавлены. Но одновременно она хочет, чтобы ее гештальт процветал: ведь она его часть. Моя рука хочет, чтобы я выжил, мой язык, мой живот хотят, чтобы я продолжал жить.

Мораль: они не что иное, как закодированный инстинкт самосохранения.

Верно ли это? А как же общества, в которых аморально не есть человеческое мясо? Это что за выживание?

Да, но те, кто придерживается установок морали, существуют в пределах своей группы. Если в группе принято есть человеческое мясо, ты тоже будешь его есть.

Должно быть название для этого кода, для системы правил, по которым индивидуум живет таким образом, чтобы помогать своей группе. Это что-то выше морали.

Допустим, это называется этикой.

Вот что нужно гомогештальту, не мораль, а этика. И я буду сидеть, с мозгами, растекающимися от страха, и создавать этический кодекс для сверхчеловека?

Попытаюсь. Это все, что я могу сделать.

Определим понятия.

Мораль: кодекс правил для выживания индиви-

дуума в обществе (сюда входит и наш праведный каннибал, и правильность обнажения в группе нудистов).

Этика: кодекс поведения индивидуума, способствующий выживанию общества (вот твои социальные реформаторы, те, что освобождают рабов, не едят людей и так далее).

Слишком поспешно и поверхностно, но придется работать с этим.

В качестве группы гомогештальт может решить собственные проблемы. Но как единое существо:

У него не может быть морали, потому что он один.

Остается этика. «Кодекс поведения индивидуума, способствующий выживанию общества». Но у него нет общества. Пока еще нет. Нет вида: он сам свой собственный вид.

Сможет ли он руководствоваться кодексом, который будет способствовать выживанию всего человечества?

И с этой мыслью Гип Барроус ощутил неожиданное вдохновение, как будто не связанное с его нынешней проблемой. Но груз враждебности и слепого безумия неожиданно спал с него, он почувствовал себя легко и уверенно. Вот что он подумал:

Кто я такой, чтобы делать положительные заключения о морали и кодексе выживания всего человечества?

Как кто? Я сын врача, человека, выбравшего служение человечеству, уверенного в своей правоте. Он пытался заставить меня служить так же, потому что был уверен, что это единственный правильный путь. И я за это ненавидел его всю жизнь… Теперь я понял, папа. Я понял!

Он рассмеялся, чувствуя, как тяжесть старой обиды и гнева навсегда покидают его, рассмеялся просто от радости. И как будто зрение его стало ярче, свет во всем мире сильнее, мозг его обратился к теперешней проблеме, мысленные пальцы словно крепче ухватились за скользкую поверхность, схватились уверенно…

Дверь открылась. Джейни сказала:

— Гип…

Он медленно встал. Мысль его стремилась все дальше и дальше, она к чему-то приближалась. Если он только сможет схватить, сжать пальцами…

— Иду.

Он вошел в дверь и ахнул. Как будто оказался в гигантской теплице в пятьдесят ярдов шириной и сорок глубиной; большие застекленные панели

спускались сверху навстречу газону — скорее даже парку — по ту сторону дома. После замкнутости и темноты, которые он видел, этот простор поражал, но одновременно сильно возбуждал. Возбуждение помогло его мысленным пальцам подняться выше, схватить крепче…

Он видел идущего навстречу человека. Быстро пошел вперед, чтобы быть подальше от Джейни на случай взрыва. Он знал, что будет взрыв.

— Ну, лейтенант. Меня предупредили, но все равно должен сказать, вы меня удивили.

— А я не удивлен, — ответил Гип. Он подавил удивление другой природы: был уверен, что голос подведет его, однако этого не произошло. — Я все семь лет знал, что найду вас.

— Клянусь Господом, — радостно и удивленно сказал Томпсон. Радость была недоброй. Через плечо Гипа Томпсон сказал:

— Прошу прощения, Джейни. До сих пор я тебе не верил, — Потом обратился к Гипу:

— У вас поразительные способности к восстановлению.

— Гомо сапиенс — выносливое существо, — ответил Гип. Томпсон снял очки. У него оказались большие круглые глаза, такого же цвета и блеска, как черно-белый телевизионный экран. Белок

виден был вокруг всего зрачка, абсолютно круглого и выглядевшего так, словно вот-вот начнет вращаться.

Кто-то когда-то сказал:

— Держись подальше от его взгляда, л все будет в порядке.

Сзади Джейни резко сказала:

— Джерри!

Гип повернулся. Джейни подняла руку и оставила зажатым в губах маленький стеклянный цилиндр, меньше сигареты. Она сказала:

— Я тебя предупредила, Джерри. Ты знаешь, что это такое. Только дотронься до него, и я прикушу это. И тогда всю жизнь ты с Бэби и близнецами будешь жить, как обезьяна в клетке с белками.

Мысль, мысль…

— Я хотел бы познакомиться с Бэби.

Томпсон оттаял. До сих пор он стоял совершенно неподвижно, не отрывая взгляда от Джейни. Но вот повернул свои круглые очки.

— Вам он не понравится.

— Я хочу задать ему вопрос.

— Никто, кроме меня, не задает ему вопросов. Вероятно, вы надеетесь получить ответ?

— Да.

Томпсон рассмеялся.

— В эти дни никто вообще не получает ответов. Джейни негромко сказала:

— Сюда, Гип.

Гип повернулся к ней. Он отчетливо чувствовал за собой растущее напряжение — в воздухе, рядом с его плотью. И подумал, так ли действовала на людей голова Горгоны, даже на тех, кто не смотрел на нее.

Он вслед за Джейни прошел к нише в единственной не забранной стеклом стене. В нише стояла колыбель размером с ванну.

Он не ожидал, что Бэби такой толстый.

— Давай, — сказала Джейни. Стеклянный цилиндр по-прежнему был зажат у нее в губах.

— Да, давайте. — Сзади голос Томпсона прозвучал так близко, что Гип вздрогнул. Он не слышал, как тот идет за ними. Гип глотнул и спросил у Джейни:

— Что я должен сделать?

— Просто мысленно задай свой вопрос. Он, вероятно, уловит его. Насколько я знаю, он воспринимает все.

Гип наклонился к колыбели. Взгляд тусклых глаз, похожих на кожу пыльных черных ботинок, встретил его. Гип мысленно сформулировал:

— Когда-то у этого гештальта была другая

голова. Гештальт может иметь других телекинетистов и телепортистов. Бэби, а можно ли заменить тебя?

— Он говорит «да», — сказала Джейни. — Помнишь того нахального телепата с кукурузным початком? Томпсон с горечью сказал:

— Не думаю, чтобы ты совершила такое чудовищное преступление, Джейни. Я могу убить тебя за это.

— Ты знаешь, как это сделать, — любезно ответила Джейни.

Гип медленно повернулся к Джейни. Мысль подошла ближе, или он сам поднялся выше. Как будто пальцы его наконец ощутили закругление, нашли точку опоры.

Если Бэби, сердце и центр, хранилище сути этого нового существа, всего, чем оно было и что сделало, если Бэбп может быть заменен, значит гомогештальт бессмертен!

И тут он наконец ухватил. Он все понял.

Гип спокойно сказал:

— Я спросил Бэби, можно ли его заменить, можно ли переместить его банки памяти и вычислительные способности.

— Не говори ему! — закричала Джейни. Томпсон снова погрузился в свою абсолютную, неесте-

ственную неподвижность. Наконец он сказал:

— Бэби сказал «да». Я это уже знаю. Джейни, ты ведь тоже это знала?

Она издала звук, похожий на сдавленный кашель. Томпсон сказал:

— Знала и не говорила мне. Конечно, не говорила. Бэби не может разговаривать со мной. А вот другой сможет. Я могу прямо сейчас все извлечь из лейтенанта. Кончай со своей мелодрамой. Ты мне больше не нужна, Джейни.

— Гип! Беги! Беги!

Они поворачиваются, поворачиваются, как колеса, как…

Гни услышал крик Джейни, новый крик, затем скрежещущий звук. Глаза исчезли.

Он пошатнулся, прижав руки к собственным глазам. В комнате продолжал звучать нечленораздельный крик. Гип посмотрел сквозь пальцы.

Томпсон качался, голова его раскачивалась, едва не касаясь плеч. Он пинался и толкался локтями. Держала его, закрывая ему глаза руками и упираясь коленом в спину, Бонни. Именно она и кричала нечленораздельно.

Гип бросился вперед с такой скоростью, что в первые три шага едва касался пола. Он так крепко сжал кулак, что заболели пальцы. Удар,

в который он вложил весь гнев и все страдания минувших лет, пришелся Томпсону в солнечное сплетение, и тот беззвучно упал. Негритянка тоже, но, она перевернулась и легко вскочила на ноги. Подбежала к Гипу, улыбаясь как луна, дружески сжала руку, потрепала по щеке, продолжая нечленораздельно бормотать.

— Спасибо! — выдохнул Гип. Повернулся. Джейни поддерживала другая негритянка, такая же голая и мускулистая. Джейни обвисла у нее на руках. Джейни! — закричал Гип. — Бонни, Бинни, она…

Девушка, державшая Джейни, что-то забормотала. Джейни посмотрела на Гипа с крайним удивлением. Потом ее взгляд перешел на неподвижную фигуру Джерри Томпсона. Неожиданно Джейни улыбнулась.

Продолжая бормотать, девушка, державшая Джейни, протянула руку и схватила Гипа за рукав. Она указала на пол. Под ногами лежал раздавленный стеклянный цилиндр. Из него вытекала струйка жидкости.

— Смогла ли я раздавить? — спросила Джейни. — Да у меня не было ни малейшей возможности, как только на меня села эта бабочка. — Она неожиданно стала серьезной, выпрямилась и

оказалась в его объятиях. — Джерри… он…

— Не думаю, что я его убил, — сказал Гип и добавил:

— Еще нет.

— Я не могла велеть тебе его убить, — прошептала Джейни.

— Да, — ответил он. — Знаю. Джейни сказала:

— Близнецы впервые дотронулись до него. Очень храбрый поступок. Он мог в секунду выжечь им мозги.

— Они замечательные. Бонни!

— Хо.

— Достань мне нож. Острый нож с лезвием вот такой длины. И полоску черной ткани, вот такую примерно. Бонни взглянула на Джейни. Джейни сказала:

— Что…

Гип зажал ей рот рукой. Рот у нее необыкновенно мягкий.

— Тише.

Джейни в панике сказала:

— Бонни, не…

Бонни исчезла. Гип сказал:

— Оставь меня с ним наедине. Ненадолго. Джейни открыла рот, собираясь заговорить, повернулась и выбежала. Бинни исчезла.

Гип подошел к распростертой фигуре и остановился, глядя на нее. Он не размышлял. Что нужно, он уже обдумал; оставалось только не потерять мысль.

Через дверь вошла Бонни. Она держала в руках полоску черного бархата и кинжал с одиннадцатидюймовым лезвием. Глаза у негритянки были огромные, а рот маленький.

— Спасибо, Бонни. — Гип взял повязку и нож. Нож отличный. Финка, лезвием можно бриться, а острие заточено так, что становится почти невидимым. Исчезни, Бонни.

Она исчезла — шлеп! — как сдавленное яблочное семечко. Гип положил ткань и нож на стол и втащил Томпсона в кресло. Осмотрелся, нашел шнурок от звонка и сорвал его. Ему было все равно, если где-то зазвонит колокольчик; он был уверен, что ему не помешают. Привязал руки и ноги Томпсона к креслу, откинул голову и закрыл глаза повязкой.

Потом подтащил поближе другое кресло и сел сам. Взвесил в руке кинжал, ощутил его превосходную уравновешенность. И принялся ждать.

И пока ожидал, взял все свои мысли и разложил, как части головоломки, у входа в сознание. Все проверил и убедился, что от верха до низа все

на месте, никаких пробелов по сторонам.

Вот что он прочел.

* * *

Слушай меня, мальчишка сирота, меня в детстве тоже не любили. Тебя преследовали, меня тоже.

Слушай меня, мальчишка из пещеры. Ты нашел себе место и научился быть счастливым. Я тоже.

Слушай меня, мальчишка мисс Кью. Ты на годы потерял себя и не находил, пока не вернулся назад. Я тоже.

Слушай меня, мальчишка из гештальта. Ты нашел в себе силу, которая превосходит самое дикое воображение. Ты вое-, пользовался ею, и это тебе понравилось. Я тоже испытал это.

Слушай меня, Джерри. Ты обнаружил, что, как ни велика твоя сила, никто ее не хочет. Я тоже узнал это.

Ты хотел, чтобы в тебе нуждались. Ты хотел стать необходимым. Я тоже.

Джейни сказала, что тебе нужна мораль. Ты знаешь, что такое мораль? Мораль — это подчинение правилам, которые составили люди, чтобы облегчить тебе жизнь с ними.

Тебе не нужна мораль. Никакая система морали

к тебе не применима. Ты не можешь подчиняться правилам, установленным твоими собратьями, потому что этих собратьев нет. Ты не обычный человек, поэтому мораль обычных людей для тебя все равно, что для меня мораль муравейника.

Поэтому ты никому не нужен, ты чудовище.

Но, Джерри, существует другой пригодный для тебя кодекс. Этот кодекс требует скорее веры, чем повиновения. Он называется этикой.

Этика даст тебе и правила выживания. Но это более великое выживание, чем просто твое, выживание твоего или моего вида. В сущности, этот кодекс рассчитан на твои возможности и на твоих потомков. Его порождает изучение главного потока эволюции, который создал тебя, а со временем создаст и более величественные существа.

Помоги человечеству, Джерри, потому что сейчас это твоя мать и твой отец. Родителей у тебя раньше никогда не было. А человечество поможет тебе тем, что произведет еще таких, как ты, и ты тогда больше не будешь одинок. Помоги новым существам расти, помоги человечеству вырастить новые организмы, подобные твоему. Потому что ты бессмертен, Джерри. Теперь ты бессмертен.

И когда подобных тебе станет много, твоя этика превратится в их мораль. А когда эта мораль перестанет удовлетворять вас, ты или другое этическое существо создаст что-то новое в этом главном потоке, учитывая твой опыт, уважая его, уважая тех, кто создал тебя, и тех, кто создал их, и так все назад и назад, до того первого существа, у которого сердце дрогнуло, когда существо впервые увидело звезды.

Я был чудовищем, но нашел свою этику. Ты чудовище. Тебе предстоит найти свою.

Джерри шевельнулся.

Гип Барроус перестал подбрасывать нож и застыл.

Джерри застонал и слабо закашлялся. Гип оттянул его голову назад, взял в левую ладонь. Прижал лезвие ножа точно к центру гортани Джерри.

Джерри что-то нечленораздельно пробормотал. Гип сказал:

— Сиди спокойно, Джерри. — Он чуть сильнее прижал нож. Тот погрузился глубже, чем думал Гип. Прекрасный нож. Гип сказал:

— У твоего горла нож. Я Гип Барроус. А теперь посиди спокойно и подумай.

Губы Джерри изогнулись в улыбке, но только

из-за натяжения по бокам шеи. Сквозь эту неулыбку со свистом вырывалось его дыхание.

— Что ты собираешься сделать?

— А ты что бы сделал?

— Убери эту штуку с моих глаз. Я ничего не вижу.

— Ты видишь все, что нужно.

— Барроус. Выпусти меня. Я ничего тебе не сделаю. Обещаю. Я многое могу для тебя сделать, Барроус. Могу дать тебе все, что захочешь.

— Морально убивать чудовище, — ответил Гип. — Скажи мне кое-что, Джерри. Правда ли, что ты способен прочесть все мысли человека, заглянув ему в глаза?

— Отпусти меня. Отпусти, — шептал Джерри.

С ножом у горла чудовища, в огромном доме, который может принадлежать ему, с ожидающей девушкой, чью тревогу за себя он ощущал, как дуновение свежего воздуха, Гип Барроус подготовился к своему этическому поступку.

Когда повязка спала, в круглых необычных глазах появилось удивление, его хватило, чтобы на мгновение отогнать ненависть. Гип опустил нож. Он собрал своп мысли, снизу доверху. Отбросил нож. Тот застучал по плиткам пола. Изумленные глаза проследили за его падением, потом верну-

лись. Зрачки начали вращаться…

Гип наклонился ближе.

— Давай, — негромко сказал он.

Много времени спустя Джерри поднял голову и снова встретился взглядом с Гипом. Гип сказал:

— Привет.

Джерри неуверенно посмотрел на него.

— Убирайся отсюда, — прохрипел он.

Гип сидел неподвижно.

— Я мог бы убить тебя, — сказал Джерри. Он чуть шире раскрыл глаза. — И все еще могу.

— Но не убил. — Гип встал, подошел к ножу и поднял его. Вернулся к Джерри и быстро разрезал путы. Потом снова сел.

Джерри сказал:

— Никто никогда… Я никогда… — Он встряхнулся и глубоко вздохнул. — Мне стыдно, — прошептал он. — Никто никогда не заставлял меня стыдиться. — Он посмотрел на Гипа, и на лице его снова отразилось удивление. — Я много знаю. Могу узнать все обо всем. Но я никогда… как ты все это понял?

— Просто натолкнулся, — ответил Гип. — Этику нельзя отыскать. Это способ мышления.

— Боже, — сказал Джерри, закрыв лицо руками. — Что я наделал… что я только наделал…

— Ты еще можешь сделать, — мягко напомнил ему Гип. — А за то, что сделал, ты дорого заплатил.

Джерри осмотрел огромное помещение с застекленными стенами. Все здесь массивное, дорогое, богатое.

— Заплатил?

Гип, опираясь на обрывки собственных воспоминаний, сказал:

— Вокруг тебя люди, но ты одинок. — Он сухо улыбнулся. — А что, Джерри, у сверхчеловека голод тоже сверхчеловеческий? А одиночество?

Джерри медленно кивнул.

— Ребенком мне было лучше. — Он содрогнулся. — Холодно…

Гип не понял, о каком холоде он говорит, но не стал спрашивать. Он встал.

— Схожу за Джейни. Она считает, что я мог убить тебя. Джерри сидел молча, пока Гип шел к двери. Потом сказал:

— Может, ты и убил. Гип вышел.

* * *

Джейни была в маленькой прихожей с близнецами. Когда Гип вошел, Джейни слегка повернула голову, и близнецы исчезли.

Гип сказал:

— Я мог бы сам им сказать.

— Расскажи мне, — ответила Джейни- Они узнают. Он сел рядом с ней. Она сказала:

— Ты не убил его.

— Нет.

Она медленно кивнула.

— Я все думала, что почувствую, если он умрет. Но… не хочу этого знать.

— С ним будет все в порядке, — сказал Гип. Он встретился с ней взглядом. Ему стало стыдно.

Она съежилась, сжалась, закрыла мысли. Это ожидание, но не такое, как раньше, потому что в этом ожидании она наблюдала за собой, а не за ним.

— Это все, что я смог сделать. Мне пора уходить. — Он перевел дыхание. — У меня много дел. Нужно разыскать свою пенсию. Найти работу.

— Гип…

Только в такой маленькой комнате, в полной тишине, он смог расслышать ее.

— Да, Джейни.

— Не уходи.

— Я не могу остаться.

— Почему?

Он подумал, потом сказал:

— Ты часть чего-то. Я не хочу становиться частью того, кто сам… часть чего-то.

Она подняла к нему лицо, и он увидел, что она улыбается. Он не поверил, поэтому долго смотрел, пока не поверил. Она сказала:

— У гештальта есть голова и руки, есть внутренние органы и мозг. Но в любом самое человеческое то, что он узнает… и заслуживает. Это нельзя получить, когда ты молод; если вообще получаешь, то после долгих поисков и глубокого убеждения. После этого найденное становится его подлинной частью, пока он остается жив.

— Не понимаю, о чем ты. Ты хочешь сказать, что я… я могу стать частью… Нет, Джейни, нет. — Он не мог скрыться от ее уверенной улыбки. — Какой частью? — спросил он.

— Самой чопорной, той, что никогда не забывает правила. Той, которая вдохновенно изобрела этику, которая изменила правила, называемые моралью. Этот негромкий внутренний голос! — фыркнул он. — Да будь я проклят!

Она коснулась его.

— Не думаю, что будешь.

Он перевел взгляд на закрытую дверь, ведущую в большую застекленную комнату. Потом сел рядом с Джейни. Они принялись ждать.

* * *

В застекленной комнате было тихо.

Долго слышалось только затрудненное дыхание Джерри. Неожиданно даже оно прекратилось, потому что что-то произошло, кто-то заговорил.

Вот снова.

Добро пожаловать.

Голос молчаливый, без слов. А вот и другой, тоже молчаливый.

— Это новенький. Добро пожаловать, дитя. Новый голос:

— Ну, ну, ну! Мы думали, ты никогда это не сделаешь.

— Ему нужно было сделать. У нас давно не было новичков..

Джерри поднес руки ко рту. Глаза у него выпучились. В сознании послышалась приветственная музыка. А с ней тепло, смех, мудрость. Последовали представления; каждый голос стал отдельной личностью, в сопровождении чего-то, напоминающего ранг или статус, а также представление о физическом расположении, о месте. Но в терминах дальности голоса не различались. Они все были здесь или все одинаково близко.

Они счастливо и бесстрашно объединились с

Джерри, разделили с ним свое чувство юмора, спои удовольствия, взаимные мысли и достижения. И через все это — добро пожаловать, добро пожаловать.

Они молоды, новы — все, хотя не так молоды, как Джерри. Их молодость сказывается в быстром и устойчивом мышлении. Хотя у каждого воспоминания в человеческом представлении уходят далеко в прошлое, как бессмертные существа они прожили совсем немного. А они бессмертны.

Вот одно из них, что просвистело мелодию папаше Гайдну, а вот то, что познакомило Вильяма Моррпса с Россетти. Как будто он видел это собственными глазами. Джерри вспомнил Ферми, пораженного распадом частицы на чувствительной пластинке, увидел Лапдовскую,[2] ребенком слушающую арфу, увидел сонного Форда, когда в его сознании неожиданно возникла цепочка людей у движущейся линии машин.

Самому сформулировать вопрос означает найти ответ.

Кто ты?

Гомогештальт.

Я один, я часть, я принадлежу…

---

[2] Примечания: 2

Ванда Ландовска, польская арфистка, жившая в США.

Добро пожаловать.

Почему вы раньше не говорили мне?

Ты не был готов. Не был завершен. Кем был Джерри до встречи с Лоуном?

А теперь… этика? Она меня завершила?

Этики — слишком простой термин. Но да, да… множественность — наша первая характеристика. Единство — вторая. Как твои части знают, что они твои части, так и ты должен знать, что составляешь часть человечества.

Джерри понял, что его устыдило то, что люди могут совершить по отношению к другим людям, но человечество не может. Он сказал:

— Я наказан.

Ты находился в карантине.

А вы… вы… вам обязано человечество своими достижениями?

Нет! Мы разделяем их! Мы я есть человечество!

Человечество, пытающееся убить себя.

(Порыв веселья и абсолютная уверенность.)

Сегодня, на этой неделе так может показаться. Но в терминах истории всей расы… О новичок, атомная война всего лишь рябь на поверхности Амазонки!

Сознание Джерри заполнили их воспоминания,

их рассуждения и расчеты, и он наконец понял их природу и функции; понял, почему этика, которую он постиг, совершенно недостаточна. Потому что перед ним была сила, которая не способна разлагать. Такое вдохновение не может быть использовано эгоистично или против самого себя. Вот почему и как существует человечество, беспокойное и динамичное, освященное прикосновением к собственной великой судьбе. Здесь рука, посылающая на смерть тысячи, чтобы могли жить миллионы. И здесь маяк, проводник в опасные для человечества времена; здесь Хранитель, которого знает все человечество. Не внешняя сила и не ужасный Наблюдатель в небе, но смеющееся существо с человеческим сердцем и уважением к своему человеческому происхождению, пахнущее потом и свежевспаханной землей, а не елеем святости.

Джерри увидел себя атомом, а свой гештальт — молекулой. Он увидел и остальных, клетку за клеткой, увидел с радостью, каким когда-нибудь станет все человечество.

Ощутил захватывающее чувство благоговения и понял, что это то, что он всегда испытывал но отношению к человечеству, самоуважение.

Он вытянул руки, из его необычных глаз по-

текли слезы.

Спасибо, сказал он им всем. Спасибо, спасибо…

И скромно присоединился к обществу.